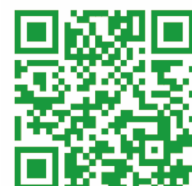

**ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**SURGUT STATE
UNIVERSITY JOURNAL**

12+

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ВЕСТНИК СУРГУТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**SURGUT STATE
UNIVERSITY JOURNAL**

Научный журнал

ТОМ 13, № 1

**Сургут
2025**

Учредитель и издатель

*Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-85690 от 03.08.2023.

Издается с декабря 2013 года.

Выходит 4 раза в год.

Главный редактор

Шарамеева Ольга Александровна, канд. экон. наук, доцент (Сургут)

Заместитель главного редактора

Попова Лариса Александровна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Редакционная коллегия

Дядькин Дмитрий Сергеевич, д-р юрид. наук, проф. (Сургут)

Жадобина Наталья Николаевна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Зубарева Любовь Витальевна, д-р экон. наук, проф. (Сургут)

Каратаев Алексей Сергеевич, д-р экон. наук, проф. (Сургут)

Кодинцев Александр Яковлевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Нехайчик Владимир Казимирович, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Поликов Юлиан Николаевич, д-р экон. наук, доцент (Донецк)

Чарковская Нозми Ивановна, канд. юрид. наук, доцент (Сургут)

Чуланова Оксана Леонидовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)

Ширинкина Елена Викторовна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)

Ямпольская Наталья Юрьевна, д-р экон. наук, доцент (Сургут)

Редакционный совет

Архипов Игорь Валентинович, д-р юрид. наук, доцент (Москва)

Бархатов Виктор Иванович, д-р экон. наук, проф. (Челябинск)

Белкин Анатолий Рафаилович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)

Борков Виктор Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)

Галазова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф. (Владикавказ)

Гусева Валентина Ивановна, д-р экон. наук, проф. (Бишкек)

Дежнёв Александр Сергеевич, д-р юрид. наук, доцент (Омск)

Жаров Сергей Николаевич, д-р юрид. наук, доцент (Челябинск)

Зайцева Лариса Владимировна, д-р юрид. наук, доцент (Тюмень)

Зеленцов Александр Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Москва)

Зырянова Татьяна Владимировна, д-р экон. наук, проф. (Екатеринбург)

Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д-р юрид. наук, проф. (Душанбе)

Иванчина Юлия Валерьевна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)

Истомина Елена Александровна, д-р юрид. наук, доцент (Екатеринбург)

Камышова Анна Борисовна, д-р экон. наук, доцент (Санкт-Петербург)

Карзаева Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Москва)

Курныкина Ольга Васильевна, д-р экон. наук, доцент (Москва)

Мильчакова Наталья Николаевна, д-р экон. наук, проф. (Тюмень)

Мишунина Алена Александровна, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)

Некрасова Ольга Леонидовна, д-р экон. наук, проф. (Донецк)

Немытина Марина Викторовна, д-р юрид. наук, проф. (Москва)

Сверчкова Ольга Федоровна, д-р экон. наук, доцент (Шахты)

Сергеев Андрей Борисович, д-р юрид. наук, проф. (Челябинск)

Сунцов Александр Павлович, д-р юрид. наук, проф. (Тюмень)

Татуюев Арсен Азидович, д-р экон. наук, проф. (Нальчик)

Хижняк Вероника Сергеевна, д-р юрид. наук, доцент (Саратов)

Шарапов Роман Дмитриевич, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербург, Тюмень)

Выпускающий редактор

Хасанова Алёна Шамильевна

Решением Высшей аттестационной комиссии с 01 февраля 2022 года журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.4. Финансы (экономические науки); с 21 февраля 2023 года по следующим научным специальностям: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

С требованиями для авторов, а также с полными текстами статей можно ознакомиться на сайте surguvest.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ (лицензионный договор с Научной электронной библиотекой № 56-04/2024).

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, ISSN 2949-3455 (online).

Адрес редакции

628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
Тел.: + 7 (3462) 76-29-88, факс: + 7 (3462) 76-29-29, email: science.journals@surgu.ru

Редактор

Пигулевская Ирина Станиславовна

Переводчики

Бенская Марина Олеговна, Кондратьева Валерия Альбертовна

Верстка

Храмовой Ольги Владимировны

Фото на обложке

Печерского Максима Сергеевича

Адрес учредителя, издателя

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел.: + 7 (3462) 76-29-29

Дата опубликования 28.04.2025

© БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
оформление макета, 2025
© Коллектив авторов, 2025

Founder and Publisher
Surgut State University

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Mass media registration certificate EI No. FS77-85690 of August 3, 2023.

Published since December 2013. 4 issues per year.

Chief Editor

Olga A. Sharameeva, Candidate of Sciences (Economics), Docent (Surgut)

Deputy Chief Editor

Larisa A. Popova, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)

Editorial Board

Dmitry S. Dyadkin, Doctor of Sciences (Law), Professor (Surgut)
Natalya N. Zhadobina, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)
Lyubov V. Zubareva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Surgut)
Aleksey S. Karataev, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Surgut)
Aleksandr Ya. Kodintsev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint Petersburg)
Vladimir K. Nekhaichik, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)
Yulian N. Polshkov, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Donetsk)
Noemi I. Charkovskaya, Candidate of Sciences (Law), Docent (Surgut)
Oksana L. Chulanova, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Surgut)
Elena V. Shirinkina, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Surgut)
Natalya Yu. Yampolskaya, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Surgut)

Editorial Council

Igor V. Arkhipov, Doctor of Sciences (Law), Docent (Moscow)
Viktor I. Barkhatov, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Chelyabinsk)
Anatoly R. Belkin, Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow)
Viktor N. Borkov, Doctor of Sciences (Law), Docent (Omsk)
Svetlana S. Galazova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Vladikavkaz)
Valentina I. Guseva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Bishkek)
Aleksandr S. Dezhnev, Doctor of Sciences (Law), Docent (Omsk)
Sergey N. Zharov, Doctor of Sciences (Law), Docent (Chelyabinsk)
Larisa V. Zaitseva, Doctor of Sciences (Law), Docent (Tyumen)
Aleksandr B. Zelentsov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow)
Tatyana V. Zyryanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Yekaterinburg)
Solidzhon I. Ibragimov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Dushanbe)
Yuliya V. Ivanchina, Doctor of Sciences (Law), Docent (Yekaterinburg)
Elena A. Istomina, Doctor of Sciences (Law), Docent (Yekaterinburg)
Anna B. Kamyshova, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Saint Petersburg)
Natalya N. Karzaeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Moscow)
Olga V. Kurnykina, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Moscow)
Natalya N. Milchakova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Tyumen)
Alena A. Mishunina, Doctor of Sciences (Law), Professor (Tyumen)
Olga L. Nekrasova, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Donetsk)
Marina V. Nemytina, Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow)
Olga F. Sverchkova, Doctor of Sciences (Economics), Docent (Shakhty)
Andrey B. Sergeev, Doctor of Sciences (Law), Professor (Chelyabinsk)
Aleksandr P. Suntsov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Tyumen)
Arsen A. Tatuev, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Nalchik)
Veronika S. Khizhnyak, Doctor of Sciences (Law), Docent (Saratov)
Roman D. Sharapov, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint Petersburg, Tyumen)

Publishing Editor

Khasanova A. Sh.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals of the Higher Attestation Commission, which publish main scientific results of Doctor's and Candidate's theses, since February 1, 2022 on the following subjects: 5.2.1. Economic Theory, 5.2.4. Finance; since February 21, 2023: 5.1.2. Public and Law (State and Law) Sciences, 5.1.4. Criminal and Law Sciences, 5.2.3. Regional and Sectoral Economy.

The manuscript guidelines and full texts of articles can be accessed at <https://www.surguvest.ru>.
The journal is included in the Russian Index of Scientific Citation (RISC), License Agreement No. 56-04/2024.

The journal is registered in ISSN National Center for the Russian Federation:
ISSN 2949-3455 (online).

Editorial Board Address

1, Lenina pr., Surgut, 628412, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia
Tel.: + 7 (3462) 76-29-88, fax: + 7 (3462) 76-29-29, email: science.journals@surgu.ru

Editor

Pigulevskaya I. S.

Translators

Benskaya M. O., Kondrateva V. A.

Layout

Khramova O. V.

Cover Image

Pechersky M. S.

Founder and Publisher Address

Surgut State University
1, Lenina pr., Surgut, 628412, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, Russia
Tel.: + 7 (3462) 76-29-29

Release date: 28.04.2025

© Surgut State University, layout, 2025
© Authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бекиш Е. И., Мантур Е. Е. Тенденции функционирования логистики транспортной компании в современный период	8
Бражников М. А., Халякина А. А., Чечина О. С. Экономическая эффективность применения наночастиц в отечественной нефтедобывающей отрасли	16
Ершова И. В., Подоляк О. О., Ершов А. В. Моделирование трудоемкости изделий из полимерных композитов	24
Истомина Н. А., Дворякина Е. Б., Гудошникова Ю. В. Государственный долг, долговая нагрузка и долговая устойчивость: тенденции развития в регионах Уральского федерального округа	32
Кукина Е. Е., Иода Ю. В., Федотова Е. В., Бондарева Н. А. Стратегические ориентиры развития предприятия в условиях нестабильности	41
Минеева Т. А., Кузнецова Н. А., Калинина Н. Е. Построение модели компетенций с использованием функционально-стоимостного анализа на примере кладовщика	53
Половян А. В., Терентьева М. Ю. Методико-аналитический базис оценивания эффективности экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности	61
Пономарев С. В., Языкова С. В., Шапошникова И. В., Плеханова Е. О. Перспективы экономического и технологического развития БРИКС в период изменения геополитического ландшафта	70
Уфимцева Е. В., Ревенко В. П., Галямов Ю. Ю. Функции управления многоквартирным домом	86

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зарубина К. А. Уголовно-правовые меры противодействия современной профессиональной преступности в России: проблемы и перспективы	96
Кашкина Е. В. Уголовно-правовая защита традиционных ценностей в контексте обеспечения национальной безопасности	104
Руденко В. В., Нечкин А. В. Правовой мониторинг в России и Казахстане: сравнительно-правовое исследование	110
Свиридов Ю. В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления	117

CONTENTS

ECONOMICS

<i>Bekish E. I., Mantur E. E.</i>	
Modern trends of logistics functioning in transport company	8
<i>Brazhnikov M. A., Khalyakina A. A., Chechina O. S.</i>	
Economic efficiency of nanoparticle application in Russian oil industry	16
<i>Ershova I. V., Podolyak O. O., Ershov A. V.</i>	
Modeling labor intensity of polymer composites products	24
<i>Istomina N. A., Dvoryadkina E. B., Gudoshnikova Yu. V.</i>	
Public debt, debt burden and sustainability: Development trends in regions of Ural Federal District	32
<i>Kukina E. E., Ioda Yu. V., Fedotova E. V., Bondareva N. A.</i>	
Strategic priorities for enterprise development in conditions of instability	41
<i>Mineeva T. A., Kuznetsova N. A., Kalinina N. E.</i>	
Competency model creation using function cost analysis on example of storekeeper	53
<i>Polovyan A. V., Terentyeva M. Yu.</i>	
Methodical and analytical basis for economic activity efficiency assessment in high-tech industry	61
<i>Ponomarev S. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Plekhanova E. O.</i>	
Prospects for BRICS economic and technological development during geopolitical landscape change	70
<i>Ufimtseva E. V., Revenko V. P., Galyamov Yu. Yu.</i>	
Apartment building management functions	86

LAW

<i>Zarubina K. A.</i>	
Criminal law prevention measures against professional crime in Russia: Problems and prospects	96
<i>Kashkina E. V.</i>	
Criminal law protection of traditional values in context of national security	104
<i>Rudenko V. V., Nechkin A. V.</i>	
Legal monitoring in Russia and Kazakhstan: Comparative law research	110
<i>Sviridov Yu. V.</i>	
Interpretation and law enforcement issues of voluntary renunciation of crime	117

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ / ECONOMICS

Научная статья

УДК 656.073:005.932

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-1>

Тенденции функционирования логистики транспортной компании в современный период

Евгений Иванович Бекиш^{1✉}, Елена Евгеньевна Мантур²

¹Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь

²Белорусский национальный технический университет, Минск, Республика Беларусь

Аннотация. В современном периоде деятельность логистики международных перевозок характеризуется значительными изменениями, требующими качественного улучшения работы транспортных компаний Беларуси для минимизации их затрат. Поэтому поиск определения направлений повышения эффективности логистики белорусских перевозчиков в условиях санкций является весьма актуальным. С целью выявления основных особенностей и тенденций транспортно-логистической деятельности белорусских компаний исследования были проведены на примере ООО «Вит-СпецКарз».

При проведении анализа авторами и обосновании внедрения системы «Шедекс» учитывалось мнение экспертов и специалистов компании. Проведенный анализ позволил определить сильные и слабые стороны компании, возможности и угрозы ее функционированию. По результатам исследований установлено, что доставка грузов осуществляется по кольцевому маршруту. Объем за исследуемый период увеличился на 6 тыс. т, а для динамики вариации объемов характерны незначительные изменения за счет ранее заключенных предприятием долгосрочных договоров с заказчиками. Анализ элементов затрат в структуре себестоимости определил, что самый большой удельный вес занимают топливо и заработная плата персонала, доля которых составляет 58,8 %. Увеличение роста этих элементов затрат в 2022 году привело к повышению себестоимости транспортной логистики. Выявленный рост затрат и времени перевозок и использования транспорта обусловлен прежде всего вводом санкций ЕС для Республики Беларусь. Использование российской рейтинговой CRM-системы «Шедекс» обеспечит снижение себестоимости и повышение прибыли транспортной компании.

Ключевые слова: логистика, грузовые перевозки, транспортная компания, себестоимость

Для цитирования: Бекиш Е. И., Мантур Е. Е. Тенденции функционирования логистики транспортной компании в современный период // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 8–15. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-1>.

Original article

Modern trends of logistics functioning in transport company

Evgeniy I. Bekish^{1✉}, Elena E. Mantur²

¹Vitebsk Branch of International University MITSO, Vitebsk, Belarus

²Belarusian National University of Technology, Minsk, Belarus

Abstract. In the modern period, the activity of international transport logistics is characterized by significant changes that require qualitative improvement of Belarusian transport companies to minimize their costs. Therefore, the search for determining the directions for improving the logistics efficiency of Belarusian

carriers given the sanctions is highly relevant. In order to identify the main features and trends of transport and logistics activities in Belarusian companies, the research is carried out on the example of ООО VitSpetsKarz.

The authors took into account opinions of experts and specialists as part of the analysis and introduction of the Schedex system. Strengths, weaknesses, opportunities, and threats to the company's functioning were determined through analysis. The research established that freight transportation follows a circular route. The volume increased by 6 000 tons during the period under study, and the dynamics of volume variations are characterized by minor changes due to long-term contracts previously concluded by the enterprise with customers. Analysis of the production cost structure shows that fuel and personnel wages are the largest cost components, comprising 58.8% of total costs. The increase in the growth of these cost elements in 2022 led to an increase in the cost of transport logistics. Higher transportation costs and times are primarily attributed to the recently imposed European Union sanctions on the Republic of Belarus. The use of the Russian rating CRM-system Schedex will ensure the reduction of production costs and increase the profit of the transport company.

Keywords: logistics, freight transport, transport company, production cost

For citation: Bekish E. I., Mantur E. E. Modern trends of logistics functioning in transport company. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):8–15. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-1>.

ВВЕДЕНИЕ

Из-за вводимых санкций Евросоюза международные перевозки грузов из Республики Беларусь в ЕС ощутимо снизились. В результате наиболее доходное для белорусских дальнотойщиков направление оказалось ограничено. Переориентация бизнеса стала вынужденной мерой.

С этой целью разработана и утверждена Концепция развития логистической системы Республики Беларусь на период до 2030 г. (Постановление Совета Министров № 1024 от 28.12.2017). Основная задача концепции заключается в повышении индекса эффективности логистики до уровня не ниже 50 в проводимом мировом рейтинге [1, с. 29; 2].

Транспорт – это важнейшая системообразующая отрасль, обеспечивающая территориальную целостность и единство экономического пространства страны [3, с. 52].

Ситуация для белорусских компаний, работающих в сфере международных автоперевозок транспортом, сложилась непростая. Временные задержки (перцепки и перегрузки в транспортно-логистическом центре) на таможенной границе стали обыденностью. В среднем время прохождения границы увеличилось до недели [4, с. 50].

Возникает острая необходимость своевременно реагировать на стремительно меняющиеся тенденции в логистике [5, с. 30].

Транспортные компании Беларуси начинают постепенную переориентацию на российский рынок и азиатские страны. Это вызвано тем, что сегодняшняя возможность сотрудничества с европейскими странами материально невыгодна. Например, логистические маршруты через Турцию существенно увеличивают стоимость импорта и экспорта, что значительно уменьшит спрос.

При существующих проблемах международные автомобильные перевозки по-прежнему остаются наиболее перспективным направлением развития экономики Республики Беларусь.

Научная новизна работы состоит в комплексном подходе к исследованию меняющихся тенденций в логистике белорусских транспортных компаний на примере ООО «ВитСпецКарз».

Исходя из этого цель проведения исследований заключалась в анализе основных особенностей и тенденций системы логистики транспортной компании для выявления направлений эффективности ее работы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследования были произведены в ООО «ВитСпецКарз». Материалом для изучения были данные статистической отчетности деятельности компании и электронных порталов грузоперевозок.

Основные методы проведения исследований: SWOT-анализ, опрос специалистов и наблюдения, оценка и анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общество с ограниченной ответственностью «ВитСпецКарз» является одним из крупнейших поставщиков логистических услуг в стране. Основной вид деятельности – перевозка грузов автомобильным транспортом, код вида экономической деятельности (код ВЭД) 49410.

Деятельность организации направлена в основном на перевозку цветов из Голландии в Российскую Федерацию.

Используя новейшие технологии в отрасли, применяя методы бережливого производства, компания стремится предложить комплексные решения для своих клиентов, чтобы поддерживать бесперебойные и своевременные доставки товаров.

Компания оперирует собственным парком грузовых автомобилей. Автопарк состоит из 115 автомобилей. Основные показатели деятельности организации приведены в табл. 1.

На основании данных табл. 1 можно судить о том, что в организации добиваются

постоянного роста выручки. В 2022 г. по сравнению с 2021 г. объем выручки от реализации вырос на 21,6 %. Численность работников предприятия за исследуемый период варьировала. В 2021 г. среднесписочная численность выросла на 8 человек, а в 2022 г. – снизилась на 6 человек.

В 2022 г. предприятие получило прибыль в размере 2 633 тыс. руб., что меньше на 40,6 % по сравнению с 2020 г. и больше на 33,4 %, чем в 2021 г.

Коэффициент годности, характеризующий техническое состояние имеющихся в наличии транспортных средств, составляет 66 %, что является довольно высоким показателем. Значение коэффициента обновления значительно выросло в последний год и составило 46 %. Однако стоит отметить, что часть подвижного состава, оснащенная рефрижераторами, устарела и требует обновления.

Важным моментом в оценке внутренней среды предприятия является SWOT-анализ, представленный в табл. 2.

Таблица 1

Показатели работы ООО «ВитСпецКарз» за 2021–2022 гг.

Показатели	Ед. изм.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Выручка от реализации	тыс. руб.	34 673	61 571	74 888
Среднесписочная численность работников	чел.	248	256	250
Прибыль предприятия	тыс. руб.	4 434	1 974	2 633
Первоначальная стоимость транспортных средств	тыс. руб.	31 326,1	40 126,1	44 288,4
Остаточная стоимость транспортных средств	тыс. руб.	26 627,18	30 897,09	29 066,5
Коэффициент износа	%	15	23	34
Коэффициент годности	%	72	61	66
Коэффициент обновления	%	28	10	46

Примечание: составлено авторами на основе источника [6].

Таблица 2

Матрица SWOT-анализа

Критерий	Описание
Сильные стороны	– многолетний опыт предоставления услуг; – государственная поддержка (дотации на перевозки); – квалификация специалистов
Слабые стороны	– слабая коммуникационная политика; – отсутствие отдела сбыта; – нехватка персонала; – изношенный подвижной состав
Возможности	– выход на новые рынки; – использование современных информационных систем; – разработка новых направлений грузоперевозок

Окончание таблицы 2

Критерий	Описание
Угрозы	– неустойчивая экономическая ситуация в республике (постоянное увеличение санкционного давления); – падение активности покупательной способности; – рост частных перевозчиков

Примечание: составлено авторами на основании данных исследований.

Анализ показывает, что одной из сильных сторон компании является использование многолетнего опыта по предоставлению транспортных услуг.

Государственная политика и поддержка в виде дотаций на перевозки направлена на стимулирование транспортной системы страны, в которую входит изучаемая компания.

В то же время предприятие имеет достаточный потенциал эффективного развития логистической системы. При этом имеются и недостатки.

Организация использует уже установившиеся хозяйственные связи с заказчиками услуг в области перевозок на территории России и рынка СНГ и размещается на площадках формата b2b, таких как Белорусский портал грузоперевозок и Lardi Trans. Однако нет собственного официального сайта компании, обеспечивающего рекламу ее деятельности и увеличение количества предоставляемых услуг.

Такой логистической функции, как сбытовая деятельность, не уделяется должного внимания. На предприятии нет специально выделенного отдела, который бы осуществлял функции сбыта транспортных услуг.

В то же время специалистам важно выстроить процесс, позволяющий максимально сократить затраты на перевозки [7].

Логистический процесс транспортировки грузов на ООО «ВитСпецКарз» состоит из нескольких этапов: переговоры, оформление документов, оказание экспедиторских услуг и погрузочно-разгрузочные работы.

Собственным транспортом исследуемая компания осуществляет порядка 30–40 международных перевозок в месяц.

Основные направления грузоперевозок представлены на рис. 1.

На рассматриваемом рис. 1 видно, что в организации используется кольцевой маршрут международных грузоперевозок. Логистами

Рис. 1. Маршрут международных перевозок грузов организации ООО «ВитСпецКарз»

Примечание: составлено авторами на основании исследований данных организации ООО «ВитСпецКарз».

организации маршрут строится с учетом загрузки автомобиля в попутном направлении. По заявкам заказчиков собирается груз. В основном из Витебска до Литвы/Латвии машина загружается дровами. Из Германии до Амстердама машина едет пустой. В Амстердаме происходит загрузка цветов, далее груз затормаживается в Риге, проходит растаможку в «Руссервисе», и далее машина следует до пункта разгрузки в Москве. Из Москвы до Витебска машина следует с полной загрузкой по собранным заявкам.

По результатам доставки груза специалисты проводят анализ всего алгоритма выполнения заказа и оценивают качество его исполнения, вносят предложения по совершенствованию [8, с. 62].

Объем перевозок грузов за 2022 г. составил 287 тыс. т, что на 6 тыс. т больше, чем

в 2021 г. В 2022 г. грузооборот предприятия вырос на 33 773 тыс. т-км. Время перевозок грузов увеличилось на 3 910 тыс. ч.

Динамика изменения объемов перевозки грузов в 2022 г. представлена на рис. 2.

При проведении анализа динамики вариации объемов перевозок грузов за рассматриваемый период 2022 г. наблюдались незначительные колебания объемов грузов, перевозимых автомобилями предприятия. Данный факт объясняется долгосрочными договорами в 2022 г. на перевозки грузов, заключенными предприятием с заказчиками.

Так как себестоимость является одним из важнейших экономических показателей деятельности любой компании, показывающим в денежной форме ее затраты, далее проанализируем структуру себестоимости за 2022 г., отображенную на рис. 3.

Рис. 2. Динамика изменения объемов перевозок грузов ООО «ВитСпецКарз» в 2022 г.

Примечание: составлено авторами на основании изучения данных организации ООО «ВитСпецКарз».

Рис. 3. Структура себестоимости за 2022 г.

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в ходе исследования.

Анализируя элементы затрат в структуре себестоимости, видим, что самый большой удельный вес занимает топливо, которое среди данных затрат составляет 34,8 %, или 16 213,3 тыс. руб. Второе место по удельному весу затрат занимает заработная плата персонала. На ее долю приходится 24 % затрат, или 11 380,6 тыс. руб. Сумма этих двух элементов затрат составляет 58,8 %. Поэтому они оказывают самое большое влияние на величину себестоимости данной транспортной компании.

Для оценки эффективности грузоперевозок и использования транспорта компании проанализируем динамику их себестоимости, представленную на рис. 4.

Проведенный анализ показал значительный рост себестоимости в 2021 г., который составил 91,9 %, или 18 195,3 тыс. руб. При этом себестоимость перевозок грузов в организации в 2022 г. выросла по сравнению с предыдущим годом на 8 609,2 тыс. руб., или 22,7 %. Как показывает анализ элементов затрат, рост себестоимости в 2022 г. в большей степени обусловлен увеличением затрат на топливо – на 2 953,3 тыс. руб., или на 22,3 %.

Расходы на заработную плату увеличились на 2 186,0 тыс. руб., или 23,8 %, и, соответственно, за счет этого возросли отчисления на социальные нужды на 803,1 тыс. руб., или на 21,4 %. Затраты на ремонт подвижного состава выросли на 558,6 тыс. руб., или на 23 %. Рост накладных расходов составил 131,2 %.

Рост себестоимости в 2020–2022 гг. в большей степени обусловлен введением пакета санкций ЕС на международные перевозки транспортом Беларуси. Соответственно, и изучаемая транспортная компания осуществляет вынужденные перегрузки товара и цепочки в транспортно-логистическом центре, что способствует росту затрат и времени, поднимаемая стоимость логистических услуг.

Для снижения себестоимости и совершенствования транспортно-логистической деятельности логистический процесс исследуемой компании требует некоторых доработок. Несмотря на то, что многие белорусские и российские перевозчики в своей работе используют современные CRM-системы более двадцати лет, вопрос о перечне их функциональных составляющих и совершенствовании все еще актуален.

Поэтому для ускорения электронного документооборота и повышения эффективности логистики организации необходимо внедрение современной CRM-системы, с помощью которой значительно снизятся затраты.

В результате применения CRM-системы компания сможет решать проблемы автоматизации бизнес-процессов при осуществлении транспортно-логистической деятельности и уйти от использования различных планировщиков и стандартных программ Microsoft.

Руководитель организации или ее специалисты всегда смогут контролировать в любом месте всю информацию, связанную с доставкой грузов.

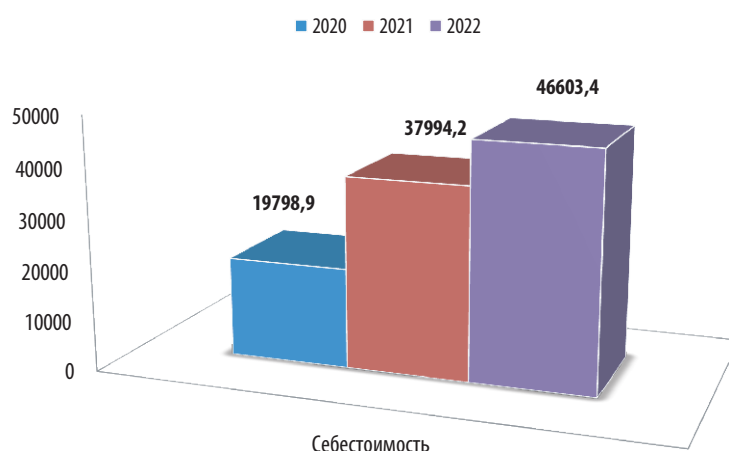

Рис. 4. Динамика себестоимости перевозок и использования транспорта за 2020–2022 гг.

Примечание: составлено авторами на основе источника [6].

Система позволяет отслеживать все поступающие заявки, динамику продаж по всем объектам и дает возможность корректировки стратегии транспортно-логистической компании.

При рассмотрении со специалистами компании наиболее рейтинговых CRM-систем (Битрикс 24, One Vox, Шедекс) нами был определен наиболее предпочтительный программный продукт для данной компании, которым является Шедекс – российский цифровой сервис. Так как по ценовым характеристикам рассматриваемые системы сильно не отличались, при выборе программы при некоторой схожести CRM-систем решающую роль сыграли в первую очередь следующие функциональные возможности Шедекс: отслеживание доставки, управление водителями, GPS и управление автопарком. Программное обеспечение автоматически производит распределение заказов, выбирает наиболее оптимальные маршруты, контролирует все производимые перевозки в онлайн-режиме и т. д.

По мнению экспертов, прирост годовой выручки от использования цифрового сервиса Шедекс по сравнению с 2022 г. составит 5 %. В 2022 г. годовая выручка была 74 888 тыс. руб. От внедрения оборудования с 2023 г. ожидается увеличение данного показателя на 5 %, то есть прирост выручки за 2023 г. ожидается в размере 3 744,4 тыс. руб.

Капитальные затраты на внедрение системы «Шедекс» в организации составят 3 670,8 тыс. руб. в год, куда войдут расходы на установку и настройку программного продукта, наладку оборудования (70 тыс. руб.), затраты на подготовку и обучение сотрудников (100,8 тыс. руб.) и ежегодную плату за систему (3 500 тыс. руб.).

Прирост годовой прибыли рассчитывается как разница между доходами (выручкой без НДС) за счет объема увеличения выручки от установки программного продукта и расходами на внедрение по формуле:

$$\Pi_p = B - 3C,$$

где Π_p – прибыль от реализации работ/услуг;
 B – годовая выручка;
 $3C$ – расходы на услуги внедрения.

Получаем, что прирост годовой прибыли составит:

$$\Pi_p = 3744,4 - 3644,4 = 73,6 \text{ тыс. руб.}$$

В результате внедрения CRM-системы обеспечит прирост прибыли на 73,6 тыс. руб. Следовательно, разработка и внедрение рекомендуемого программного продукта для повышения эффективности управления международными автомобильными перевозками являются экономически выгодными и целесообразными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные исследования позволили достичь поставленной цели.

При проведении SWOT-анализа определены сильные и слабые стороны организации, предопределены возможности и угрозы деятельности. Большую помощь в стимулировании и поддержке изучаемой компании, как и всей транспортной системы страны, оказывает государственная политика. Основная угроза функционированию логистики вызвана нестабильностью экономической ситуации в стране, вызванной санкционным давлением.

По результатам исследований сделаны следующие выводы:

1. Установлено, что организация в своей работе использует кольцевой маршрут для международных перевозок грузов, учитывая загрузку автомобилей в попутном направлении.

2. Объем перевозок грузов за исследуемый период увеличился на 6 тыс. т. При этом динамика вариации объемов грузоперевозок характеризовалась незначительными колебаниями.

3. Выявленный рост себестоимости перевозок и использования транспорта в большей мере вызван вводом пакета санкций ЕС для Беларуси.

4. Внедрение CRM-системы позволит снизить себестоимость и повысить прибыль логистической деятельности ООО «ВитСпецКарз».

Список источников

1. Бекиш Е. И., Мантур Е. Е. Использование логистики для повышения эффективности деятельности организации // Право. Экономика. Психология. 2023. № 1. С. 28–33.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 г. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u01704150> (дата обращения: 18.06.2024).
3. Серова Н. А. Особенности развития рынка транспортных услуг в Российской Арктике // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 51–57. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-51-57>.
4. Григорцевич С. В. Рынок транспортных услуг и его дальнейшее развитие по мере интеграционных процессов в Республике Беларусь и мировой экономике // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2015. № 7. С. 48–54.
5. Кулягина Е. А. Тенденции развития логистики в России // Транспортное дело России. – 2023. № 6. С. 30–32. https://doi.org/10.52375/20728689_2023_6_30.
6. ООО «ВитСпецКарз». URL: <https://legat.by/?entity=391102496> (дата обращения: 02.07.2024).
7. Кафарова И. Важность транспортной логистики в современном мире и тенденции ее развития. URL: <https://sitec-it.ru/blog/1c-wms/vazhnost-transportnoy-logistiki-v-sovremennom-mire-i-tendentsii-ee-razvitiya/> (дата обращения: 03.07.2024).
8. Бекиш Е. И., Брагина О. А., Мантур Е. Е. Значение интеграции маркетинга и логистики в условиях конкуренции // Право. Экономика. Психология. 2022. № 3. С. 60–64.

Информация об авторах

Е. И. Бекиш – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент;
<https://orcid.org/0000-0003-3535-5787>,
bekish_e@tut.by

Е. Е. Мантур – кандидат филологических наук, доцент;
<https://orcid.org/0000-0001-6367-9012>,
e_mantur@tut.by

References

1. Bekish E. I., Mantur E. E. Using logistics to improve the company efficiency. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*. 2023;(1):28–33. (In Russ.).
2. Natsionalnaya strategiya ustoychivogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Belarus do 2030 g. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=u01704150> (accessed: 18.06.2024). (In Russ.).
3. Serova N. A. Features of Development of Transport Service Market in the Russian Arctic. *Surgut State University Journal*. 2021;(2):51–57. <https://doi.org/10.34822/2312-3419-2021-2-51-57>. (In Russ.).
4. Grigortsevich S. V. Transport services market and its further development regarding integration processes in the world economy and the Republic of Belarus. *Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management*. 2015;(7):48–54. (In Russ.).
5. Kulyagina E. A. Trends in logistics development in Russia. *Transport business in Russia*. 2023;(6):30–32. https://doi.org/10.52375/20728689_2023_6_30. (In Russ.).
6. ООО “VitSpetsKarz”. URL: <https://legat.by/?entity=391102496> (accessed: 02.07.2024). (In Russ.).
7. Kafarova I. Vazhnost transportnoy logistiki v sovremennom mire i tendentsii ee razvitiya. URL: <https://sitec-it.ru/blog/1c-wms/vazhnost-transportnoy-logistiki-v-sovremennom-mire-i-tendentsii-ee-razvitiya/> (accessed: 03.07.2024). (In Russ.).
8. Bekish E. I., Bragina O. A., Mantur E. E. The significance of the integration of marketing and logistics in competitive environment. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya*. 2022;(3):60–64. (In Russ.).

About the authors

E. I. Bekish – Candidate of Sciences (Agriculture), Docent;
<https://orcid.org/0000-0003-3535-5787>,
bekish_e@tut.by

E. E. Mantur – Candidate of Sciences (Philology), Docent;
<https://orcid.org/0000-0001-6367-9012>,
e_mantur@tut.by

Научная статья

УДК 622,323:620.3(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-2>

Экономическая эффективность применения наночастиц в отечественной нефтедобывающей отрасли

**Максим Алексеевич Бражников[✉], Анастасия Алексеевна Халякина,
Оксана Сергеевна Чечина**
Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности нефтедобычи на основе расширения области применения нанотехнологий в отечественной нефтедобывающей отрасли. Предметную область исследования составляют производственные бизнес-процессы АО «Самаранефтегаз», которые следует трансформировать на основе нанотехнологий. Цель – разработка мероприятия, которое существенно увеличит коэффициент извлечения нефти на одном из промышленных объектов добычи. В рамках достижения поставленной цели необходимо разрешить следующий ряд задач: исследование возможных сфер применения наночастиц в нефтегазовой отрасли и методов их использования, изучение разновидностей наночастиц и их физических свойств, проведение экономической оценки внедрения мероприятий на основе инновационных нанотехнологий. Экономическая оценка проведена на основе имитационного моделирования, которое, в свою очередь, послужило фундаментом для программирования экономико-математических моделей базового и рекомендованного варианта эксплуатации объекта добычи. Научная новизна заключается в практической модернизации бизнес-процесса нефтедобычи непосредственно с учетом конкретных условий и производственных показателей одного из месторождений Самарской области. Результатами исследования стали «технологическая карта» и расчет экономической эффективности применения наночастиц металлического натрия на базе одного из месторождений АО «Самаранефтегаз» с падающей добычей и высоким уровнем обводненности и износа наземной инфраструктуры. Особенностью авторского подхода является использование факторного анализа в процессе формирования перечня затрат проекта и технологическая детализация в процессе сведения экономической модели месторождения и пласта Б2 в частности.

Ключевые слова: нанотехнологии, нефтяная промышленность, нефтеотдача, инновации, наносвойства, месторождения, экономическая эффективность

Для цитирования: Бражников М. А., Халякина А. А., Чечина О. С. Экономическая эффективность применения наночастиц в отечественной нефтедобывающей отрасли // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 16–23. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-2>.

Original article

Economic efficiency of nanoparticle application in Russian oil industry

Maksim A. Brazhnikov[✉], Anastasiya A. Khalyakina, Oksana S. Chechina
Samara State Technical University, Samara, Russia

Abstract. The article considers issues of improving the efficiency of oil production based on expanding the scope of nanotechnology in Russian oil industry. This study examines Samaraneftgaz JSC's production business processes as its subject, with a focus on nanotechnology-based transformation. The aim is to develop activities that will significantly increase the oil recovery factor at one of the industrial production facilities. In the framework of achieving the set goal, it is necessary to solve a number of tasks: research possible spheres of application of nanoparticles in oil and gas industry and methods of their use, study varieties of nanoparticles and their physical properties, economic evaluation of implementation of measures based on innovative nanotechnologies. We carried out the economic evaluation using simulation modeling, which formed the basis

for programming economic and mathematical models of the basic and recommended production facility exploitation variants. Scientific novelty lies in the practical modernization of the business process of oil production, taking into account specific conditions and production indicators of one of the fields in Samara Oblast. The results of the research are the “technological map” and calculation of economic efficiency of application of metallic sodium nanoparticles based on one of the fields of Samaraneftegaz JSC with declining production and high level of water cut and wear of surface infrastructure. The peculiarity of the authors’ approach is the use of factor analysis during forming the list of project costs and technological detailing in the process of compiling the economic model of the field and the B2 reservoir in particular.

Keywords: nanotechnology, oil industry, oil recovery, innovation, nanoproperty, deposits, economic efficiency

For citation: Brazhnikov M. A., Khalyakina A. A., Chechina O. S. Economic efficiency of nanoparticle application in Russian oil industry. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):16–23. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-2>.

ВВЕДЕНИЕ

Нанотехнологии являются одним из самых актуальных и перспективных направлений развития современной науки и техники. Они позволяют создавать материалы, устройства и системы на основе наночастиц и наноструктур, обладающие уникальными свойствами и функциональностью (например, наночипы, наносистемы). Нанотехнологии придают материалам совершенно уникальные свойства: повышают прочность и твердость, улучшают электрические и оптические свойства. С развитием нанотехнологий открываются новые возможности для решения многих актуальных проблем человечества, таких как повышение экологичности осуществления производственных подпроцессов на крупных предприятиях, создание новых материалов для энергетики и транспорта, разработка инновационных медицинских технологий. Именно поэтому нанотехнологии остаются важным и перспективным направлением научных исследований и инноватики.

В последние десятилетия рост интереса к применению наночастиц в отечественной нефтедобывающей отрасли обусловлен наличием следующих тенденций [1]:

- истощение месторождений (особенно с легкодоступными запасами нефти);
- необходимость повышения нефтеотдачи пластов на месторождениях с высоковязкой нефтью;
- ужесточение экологических требований (наночастицы являются более экологичными

по сравнению с традиционными химическими реагентами и способствуют снижению негативного воздействия на окружающую среду при осуществлении добычи природного сырья);

- растущая потребность в повышении производительности и надежности оборудования;
- рост количества новых наноматериалов с широким спектром применения.

В настоящее время наночастицы применяются добывающими компаниями повсеместно в рамках осуществления определенных бизнес-процессов. Среди основных направлений использования нанотехнологий следует выделить:

1. Повышение эффективности заводнения пластов. Некоторые наночастицы (например, на основе диоксида кремния) могут повышать подвижность нефти в пластах, увеличивая коэффициент извлечения нефти (КИН) [1].

2. Улучшение проницаемости коллекторов. Наночастицы могут «закрывать» мелкие трещины и поры, тем самым увеличивая эффективность закачки рабочих агентов в растворах [2].

3. Увеличение нефтеотдачи пластов. Применение наноразмерных поверхностно-активных веществ позволяет снижать межфазное натяжение и вытеснять остаточную нефть из пор породы [3].

4. Мониторинг разработки месторождений. Маркерные наночастицы, например, могут отслеживать движение нефти (воды)

в пласте. С помощью этого метода проведения экспертизы оценивается эффективность работы с пластом [4].

5. Бурение и консервация скважин. Наночастицы используются для улучшения свойств буровых растворов, повышения эффективности цементирования, а также для предотвращения коррозии [5].

6. Улучшение свойств используемых материалов и увеличение срока службы технологического оборудования соответственно [6].

Нanomатериалы часто применяются на промышленных объектах для создания износостойких покрытий, уплотнений, отдельных комплектующих. Но данное направление развивается достаточно медленно из-за отсутствия необходимых производственных мощностей и высокой стоимости реализации такого типа технологий. Несмотря на большое количество возможных областей применения наночастиц в отечественной нефтедобывающей отрасли, наиболее востребованным является «ответвление», связанное с увеличением нефтеотдачи месторождений с учетом закачки в нефтяные и газовые пласты смеси воды с наночастицами, которые изменяют свойства породы и (или) закачиваемой воды.

Целью исследования была разработка комплекса мероприятий на основе использования наночастиц и формирование технико-экономического обоснования эффективности предложенного проекта с учетом проектно-технических характеристик одного из месторождений Самарской области.

Достижение поставленной цели требует разрешения последовательности задач:

1. Провести анализ областей применения нанотехнологий в нефтегазовой отрасли и выделить конкретные производственные бизнес-процессы, которые можно усовершенствовать с учетом условий их использования.

2. Рассмотреть свойства, разновидности наночастиц, а также методы их эксплуатации.

3. Сформировать перечень технико-экономических показателей месторождения, необходимых для создания информационной платформы экономической модели.

4. Выполнить расчет экономической эффективности предложенного мероприятия в имитационной модели компании.

5. Сформулировать выводы относительно полученного финансового и технологического результатов.

6. Определить перспективы развития и масштабирования проекта в долгосрочной перспективе.

В последние десятилетия в нефтегазовом секторе наблюдается рост исследований по использованию нанотехнологий в буровых операциях, повышению нефтеотдачи, характеристике коллекторов, добыче и других подпроцессах. Согласно мнению ученых, применение наночастиц может [7]:

- улучшить реологические и структурные характеристики скважины;

- снизить энергозатраты на перекачку жидкостей;

- уменьшить негативное воздействие на окружающую среду.

Однако следует учитывать, что свойства наночастиц все еще плохо изучены, поэтому необходимы дополнительные систематические исследования. Важно также помнить, что любое использование нанотехнологий должно проводиться с соблюдением правил промышленной и экологической безопасности [8]. В связи с этим некоторые исследователи ставят вопрос об экологичности некоторых разновидностей наночастиц и возможности их постоянной производственной эксплуатации в долгосрочной перспективе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологической основой исследования послужили научные труды и публикации по вопросам применения наночастиц для повышения нефтеотдачи пластов таких известных ученых-практиков, как В. С. Патрушев, И. В. Анциферова, Р. М. Гадельшин, Р. К. Ибрагимов, И. И. Гуссамов, Д. А. Ибрагимова, Д. Ю. Сечин.

При написании работы использованы методы обобщения и систематизации – анализ научных источников о предмете исследования с целью определения степени

изученности проблемы и выбора стратегических альтернатив.

В качестве стержневых методов исследования следует выделить сравнительный и системный анализ, монографический метод, организационно-экономическое моделирование, а также методику оценки экономической эффективности проектов.

На основе монографического метода выполнено изучение объекта исследования – пласта Б2 с наибольшей вязкостью с учетом геофизических характеристик эксплуатации месторождения. Методы конкретизации и абстрагирования позволяют уточнить специфические условия функционирования объекта и учесть их в виде переменных и ограничений в моделировании проектов.

Основой для имитационного моделирования послужил шаблон оценки инвестиционных проектов по форме АО «Самаранефтегаз». Метод абстрактного моделирования ситуаций «отвечает» за анализ теоретически допустимых вариантов с точки зрения реализации в них определенных признаков предмета исследования.

В целях оценки стратегической перспективы реализации предложенного комплекса мероприятий был использован метод временных рядов и дисконтирование. Расчет показателей эффективности мероприятия включает классическое определение чистого денежного потока (NCF), внутренней нормы доходности (IRR), дисконтированного финансового потока (NPV), дисконтированного периода окупаемости (DPP), индекса доходности (DPI).

Сравнительный анализ позволяет провести оценку тождества и различий альтернативных вариантов эксплуатации месторождения путем сопоставления базовых показателей в рамках рекомендованного варианта эксплуатации пласта (с учетом закачки наночастиц) и значений базового (традиционного) варианта разработки (без проведения закачки).

Методы матричного анализа обеспечивают наглядность и иллюстративность выражения результатов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках проведения экономической оценки эффективности применения подобного метода эксплуатации нанотехнологий был рассмотрен вариант с закачкой наночастиц металлического натрия в пласт Б2 Бариновско-Лебяжинского месторождения АО «Самаранефтегаз». Наночастицы металлического натрия очень удобны в плане эксплуатации при проведении закачки. В определенных условиях металлический натрий способствует гидрированию непредельных компонентов, помимо этого при контакте с водой выделяется большое количество теплоты, что в совокупности положительно сказывается на дебите скважины. В присутствии наночастиц натрия в процессе паротепловой обработки происходит образование активного водорода в объеме нефти. Нанодисперсия металлического натрия способствует увеличению доли низкомолекулярных углеводородов в насыщенной и ароматической фракциях, связыванию сероводорода и углекислого газа [9]. Итогом облагораживания нефти в процессе акватермолиза в присутствии наночастиц металлического натрия является снижение вязкости нефти, приводящее к увеличению подвижности потока при ее извлечении. Также стоит отметить, что использование рассматриваемой разновидности наночастиц может приводить к изменению плотности и температуры застывания нефти.

В результате проведения дополнительных исследований учеными было выявлено, что при взаимодействии наночастиц металлического натрия с примесями (металлический натрий может входить в реакцию с асфальтенами, смолами, парафинами и другими нежелательными примесями в нефти) происходит осаждение элементов примесей и выделение их из нефти [7]. Так происходит ее частичное очищение. Экспериментально доказано, что для поддержания регламентированного стандартами качества нефти необходимо при осуществлении закачки наночастиц соблюдать строго вымеренный технологами объем закачиваемого реагента, а также применять определенные

добавки для ускорения протекания реакции. Предлагаемая разработка в настоящее время тестируется на базе ПАО «Татнефть». Первые положительные результаты реализации проекта уже получены.

Для оценки эффективности мероприятия был выбран один объект разработки с наибольшей вязкостью – пласт Б2 Бариновско-Лебяжинского месторождения. Срок эксплуатации месторождения (и пласта соответственно) составляет 43 года (с 2020 по 2063 г.).

Для проведения закачки воды с наночастицами металлического натрия были определены следующие технологические параметры:

- КИН в низкопроницаемых коллекторах должен вырасти на 0,25;
- срок закачки – месяц;
- необходимый объем/количество наночастиц – 2,5 тонны;
- стоимость наночастиц – 25–250 \$ за 1 кг по ценам на 08.03.2024 (250 000 \$ за тонну) [10];
- объем закачки воды – за 2031 г. планируется закачать 269,6172 тыс. м³ воды (без наночастиц), соответственно, 22,46 тыс. м³/мес.);
- концентрация наночастиц в воде при этом составляет 0,01 %;
- плотность воды с наночастицами, закачиваемой в пласт, 1 100 кг/м³;

В итоге совокупная стоимость самой закачки наночастиц составит 58 375 000 рублей

с учетом курса на 12.04.2024, при котором 1 \$ = 93,4 рубля. Следует отметить, что расчеты авторов выполнены с учетом различных ставок дисконтирования в пределах 10–20 %. Ставка дисконтирования 10 % обусловлена требованиями департамента к подаче на экспертизу проектов в области разработки отечественных месторождений и повышения уровня добычи на объектах. Также стоит отметить, что риски внедрения мероприятий минимальны, так как проект предполагает повышение эффективности действующего и активно эксплуатируемого месторождения (большая часть инвестиционных средств уже освоена). Таким образом, в рамках рассчитанной экономической модели получаются технико-экономические показатели проекта, показанные в табл. 1.

Далее рассмотрим экономический эффект от предложенного мероприятия в рамках рекомендованного варианта работы с пластом Б2 (табл. 2). Цены нефти Brent и Urals определены на основе средних значений, которые установлены специалистами ПАО «НК «Роснефть» с учетом динамики цен на различных рынках сбыта и регламентированы при проведении экономических расчетов рентабельности проектов в периметре ПАО «НК «Роснефть».

Модель составлена на основе долгосрочного прогноза добычи (рисунок).

Таблица 1

Технико-экономические показатели проекта

Технико-экономические показатели	Ед. изм.	Значения
Добыча нефти и ГК	млн тонн	7,9
Добыча газа	млрд м ³	1,2
Объем продаж газа	млрд м ³	1,1
Ввод новых скважин	СКВ	0
Максимальный уровень добычи	млн т/год	0,7
Период максимального уровня добычи	лет	4
Сарех (в т. ч. ГРП) всего	млн руб.	16 631,7
Орех всего	млн руб.	20 531,1
Консервация скважин	шт.	1
Ликвидация скважин	шт.	0

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

Таблица 2

Экономические показатели проекта

Наименование показателя	Ед. изм.	Базисный вариант	Рекомендованный вариант	Абсолютное отклонение
Средняя цена нефти Brent (номинальная)	\$/барр	97,9	97,9	0
Средняя цена нефти Urals (номинальная)	\$/барр	75,8	75,8	0
Ставка дисконтирования	%	10	10	0
Экономические показатели				
Валовая выручка	млн руб.	431 119,9	434 350,6	3 230,7
Транспортные расходы	млн руб.	0	0	0
Экспортная пошлина	млн руб.	2 864,2	2 864,2	0
НДПИ	млн руб.	179 289,5	180 645,8	1 356,3
Операционные затраты	млн руб.	20 417,2	20 531,2	114
Налог на дополнительный доход (НДД)	млн руб.	117 299,3	118 309,5	1 010,2
Прочие налоги и выплаты	млн руб.	2 857,9	2 860,2	2,3
EBITDA	млн руб.	108 392,2	109 172,5	780,3
Налогооблагаемая прибыль	млн руб.	86 760,7	87 526,7	766
Налог на прибыль	млн руб.	17 352,1	17 505,3	153,2
Чистая прибыль	млн руб.	69 416,6	70 029,5	612,9
Капитальные вложения	млн руб.	16 631,7	16 631,7	0
NCF (Чистый денежный поток)	млн руб.	74 390,1	75 002,9	612,8
IRR (Внутренняя норма доходности)	%	61,01	61,2	0,19
NPV (Диск. поток наличности)	млн руб.	23 719,8	23 937,3	217,5
DPP (Диск. период окупаемости)	лет	5	5	0
DPI (Индекс доходности)	доли ед.	3,24	3,25	0,01

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

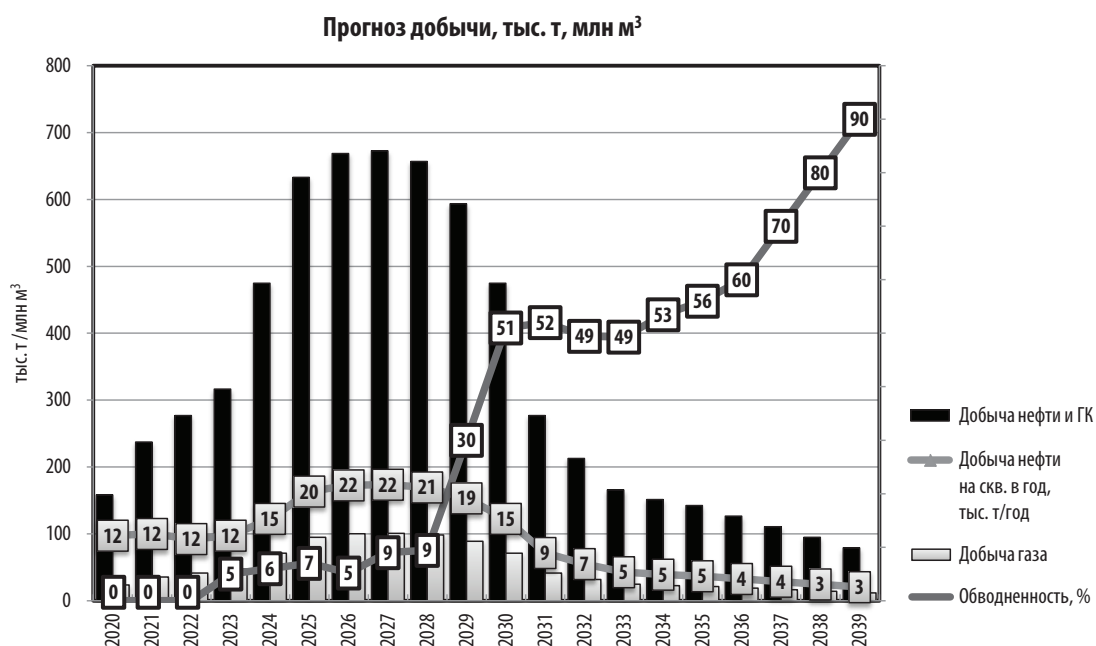

Рисунок. Прогноз добычи

Примечание: составлено авторами на основании данных, полученных в исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Закачка воды с наночастицами позволит увеличить чистую прибыль компании с исследуемого месторождения на 19,15 млн руб. в год начиная с 2031 г. (в течение срока эксплуатации месторождения на 612,82 млн руб. ожидается совокупный рост чистой прибыли). Внедрение предлагаемой разработки особенно актуально и своевременно в рамках третьей стадии эксплуатации объекта, характеризующейся сокращением объемов добычи и увеличением уровня обводненности. В перспективе предлагаемая технология может быть реализована и на других месторождениях АО «Самаранефтегаз». Чистая прибыль, полученная в результате закачки наночастиц, может быть перенаправлена на усовершенствование других бизнес-процессов. В целом, перед предприятием открываются (в случае успешного внедрения) новые инвестиционные и технологические возможности. Компания сможет обновить основные фонды (наземную инфраструктуру месторождений и оборудование), дать толчок развитию новых инновационных проектов, модернизировать внутренние корпоративные мероприятия, связанные с кадровым потенциалом. Также АО «Самаранефтегаз» может способствовать

в перспективе существенному продвижению нанотехнологий в периметре ПАО «НК «Роснефть».

С учетом тенденции экологизации производственных процессов в краткосрочной перспективе использование различных наночастиц обеспечит объекту следующие исследования: уменьшение вредных выбросов и сокращение потребления определенного сегмента ресурсов. Также наночастицы могут быть использованы для очистки и фильтрации нефти, что позволит повысить качество добычи на многих месторождениях общества. Данный аспект применения инновации очень важен в рамках реализации нефти ПАО «Транснефть» и дальнейшего экспорта продукции за рубеж.

Таким образом, областей применения наночастиц в рамках нефтедобывающей отрасли достаточно много и их перспективное развитие является основополагающим при формировании инновационного потенциала российского топливно-энергетического комплекса. Это направление особенно актуально с учетом значительного экономического эффекта после успешной реализации мероприятий, основанных на использовании передовых разработок ученых-нанотехнологов.

Список источников

1. В НЦМУ развивают нанотехнологии для нефтедобычи. URL: <https://geo.kpfu.ru/v-ntsmu-razvivayut-nanotekhnologii-dlya-neftedobychi/> (дата обращения: 15.03.2024).
2. Абделсалам Я. И. И., Ибрагимов Р. К., Валиуллин Ф. А. и др. Особенности катализаторов процесса акватермолиза высоковязкой тяжелой нефти // Вестник Казанского технологического университета. 2015. Т. 18, № 17. С. 37–42.
3. Патрушев В. С., Анциферова И. В. Использование нанотехнологий в нефтедобывающей отрасли // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7–3. С. 58–60.
4. Звонарев С. В. Функциональные и конструкционные наноматериалы. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. 132 с.
5. Сечин Д. Ю. Применение нанотехнологий в нефтегазовом бурении: научная статья // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 258–265.
6. Гадельшин Р. М., Ибрагимов Р. К., Гуссамов И. И. и др. Применение наночастиц в нефтедобыче

References

1. V NTsMU razvivayut nanotekhnologii dlya nefte-dobychi. URL: <https://geo.kpfu.ru/v-ntsmu-razvivayut-nanotekhnologii-dlya-neftedobychi/> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
2. Abdelsalam Ya. I. I., Ibragimov R. K., Valiullin F. A. et al. Osobennosti katalizatorov protsessa akvatermoliza vysokovязкой tyazheloy nefti. *Herald of Technological University*. 2015;18(17):37–42. (In Russ.).
3. Patrushev V. S., Antsiferova I. V. The use of nanotechnology in the oil-extracting industry. *International research Journal*. 2017;(7–3):58–60. (In Russ.).
4. Zvonarev S. V. Funktsionalnye i konstruktivnyye nanomaterialy. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; 2018. 132 p. (In Russ.).
5. Sechin D. Y. Application of nanotechnology in oil and gas drilling. *Ustoychivoe razvitie nauki i obrazovaniya*. 2019;(3):258–265. (In Russ.).
6. Gadelshin R. M., Ibragimov R. K., Gussamov I. I. et al. Primenenie nanochastits v nefte-dobyche tyazheloy i bituminoznoy nefti. *Herald of Technological University*. 2015;18(17):60–63. (In Russ.).

- тяжелой и битуминозной нефти // Вестник Казанского технологического университета. 2015. Т. 18, № 17. С. 60–63.
7. Евдокимов И. Н., Елисеев Н. Ю., Лосев А. П. и др. Перспективные нефтегазовые нанотехнологии для разработки месторождений. URL: <https://rengm.ru/forum/thread2505.html> (дата обращения: 15.03.2024).
 8. Янущик А. Н., Старостина Е. А., Макарова А. М. и др. Влияние наночастиц на окружающую среду и здоровье человека // Молодой ученый. 2018. № 17. С. 126–128.
 9. Хавкин А. Я. Инновационные нанотехнологии в нефтегазохимическом комплексе // Газохимия. 2021. № 3–4. С. 32–37.
 10. Интернет магазин по розничной продаже веществ, соединений и элементов с высокой чистотой. Нанопорошки до 0,1 мкм. URL: <https://ochv.ru/magazin/folder/nanoporoshki-do-0-1mkm> (дата обращения: 15.03.2024).
 7. Evdokimov I. N., Eliseev N. Yu., Losev A. P. et al. Perspektivnye neftegazovye nanotekhnologii dlya razrabotki mestorozhdeniy. URL: <https://rengm.ru/forum/thread2505.html> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).
 8. Yanushchik A. N., Starostina E. A., Makarova A. M. et al. Vliyaniye nanochastits na okruzhayushchuyu sredu i zdorovye cheloveka. *Young Scientist*. 2018;(17):126–128. (In Russ.).
 9. Khavkin A. Ya. Innovatsionnye nanotekhnologii v neftegazokhimicheskom komplekse. *Gazokhimiya*. 2021;(3–4):32–37. (In Russ.).
 10. Internet magazin po roznichnoy prodazhe veshchestv, soedineniy i elementov s vysokoy chistotoy. Nanoporoshki do 0,1 mkm. URL: <https://ochv.ru/magazin/folder/nanoporoshki-do-0-1mkm> (accessed: 15.03.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

М. А. Бражников – кандидат экономических наук, доцент;

<https://orcid.org/0000-0003-2606-6529>,
max.brh@yandex.ru

А. А. Халякина – магистрант;
<https://orcid.org/0009-0005-0082-1081>,
akhalyakina@bk.ru

О. С. Чечина – доктор экономических наук, профессор;

<https://orcid.org/0000-0002-9166-9185>,
chetchinaos@yandex.ru

About the authors

M. A. Brazhnikov – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

<https://orcid.org/0000-0003-2606-6529>,
max.brh@yandex.ru

A. A. Khalyakina – Master's degree Student;
<https://orcid.org/0009-0005-0082-1081>,
akhalyakina@bk.ru

O. S. Chechina – Doctor of Sciences (Economics), Professor;

<https://orcid.org/0000-0002-9166-9185>,
chetchinaos@yandex.ru

Моделирование трудоемкости изделий из полимерных композитов

Ирина Вадимовна Ершова, Ольга Олеговна Подоляк[✉], Алексей Владимирович Ершов
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Санкционная политика в области импорта композитных изделий стимулировала у предприятий развитие собственного производства. При этом возникла проблема прогнозирования трудоемкости изготовления таких деталей и изделий как для определения конкурсной цены, так и для определения стоимости гособоронзаказа. В условиях отсутствия нормативной базы определения трудоемкости изготовления таких деталей предприятия разрабатывают собственные методики ее расчета. Ограничения в использовании аналитических, а при единичном производстве и экспериментальных методов приводят к построению параметрических моделей расчета трудоемкости. В статье рассмотрены существующие подходы к определению трудоемкости деталей и изделий. Построены модели множественной регрессии прогнозирования трудоемкости изготовления деталей из композитов на примере выборки из 191 оригинальной детали. На основании проведенных исследований выяснилось, что модели, учитывающие широкий спектр конструктивных особенностей деталей, а также их сложность, регламентируемую разрядом работ, имеют высокий коэффициент детерминации, но отличаются низкой достоверностью, что ограничивает их использование для новых деталей. Для построения моделей предлагается использовать безразмерные критерии Пацены, условно описывающие конструктивные особенности деталей. При построении модели множественной регрессии с использованием в качестве факторов критериев Пацены незначительно снижается коэффициент детерминации, но повышается ее достоверность, что позволяет рекомендовать модель для использования.

Ключевые слова: полимеры, композиты, трудоемкость, критерии Пацены, прогнозирование, множественная регрессия

Для цитирования: Ершова И. В., Подоляк О. О., Ершов А. В. Моделирование трудоемкости изделий из полимерных композитов // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 24–31. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-3>.

Original article

Modeling labor intensity of polymer composites products

Irina V. Ershova, Olga O. Podolyak[✉], Aleksey V. Ershov
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russia

Abstract. The sanctions policy in the sphere of import of composite products stimulated the development of own production at the enterprises. Simultaneously, the challenge of forecasting labor intensity for manufacturing these parts and products arose, impacting both competitive pricing and state defense order costs. Given the lack of a normative base for determining the manufacturing labor intensity of such parts, the enterprises develop their own methods of its calculation. Limitations in using analytical, and in case of single production and experimental methods, lead to the construction of parametric models for calculating labor intensity. This article examines current methods for determining the labor intensity of parts and products. Based on 191 original part samples, this article presents multiple regression models that forecast labor intensity for manufacturing composite parts. Based on conducted studies it is revealed that the models, taking into account a wide range of parts design features, as well as their complexity, regulated by the work category, have a high coefficient of determination, but

are characterized by low reliability, which limits their use for new parts. To build models, it is proposed to use dimensionless Patsyna criterion, conditionally describing the constructive features of parts. When building a multiple regression model using Patsyna criteria as factors, the coefficient of determination slightly decreases, but its reliability increases, which allows us to recommend the model for use.

Keywords: polymers, composites, labor intensity, Patsyna criterion, forecasting, multiple regression

For citation: Ershova I. V., Podolyak O. O., Ershov A. V. Modeling labor intensity of polymer composites products. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):24–31. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-3>.

ВВЕДЕНИЕ

Полимерные и композитные материалы в машиностроении успешно заменяют использование металлических деталей для корпусов в аэрокосмической отрасли, в судо- и автомобилестроении, производстве двигателей [1]. Актуальность широкого производства и применения композитов и полимеров отмечена на государственном уровне, в частности в подпрограмме «Развитие производства композиционных материалов (композитов) и изделий из них» государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». Санкционная политика ограничила применение импортных материалов и изделий, что повлекло в первые годы введения санкций резкое снижение объема используемых полимерных материалов, но в последние годы предприятия начинают осваивать собственное производство композитов и полимеров [2].

В связи с развитием собственного производства возникают трудности с определением трудоемкости на детали и изделия из полимерных и композитных материалов. Нормативная база по расчету трудоемкости изделий из полимеров и композитов практически отсутствует. Проблема нормирования трудоемкости изготовления деталей из композитов актуализируется значительной долей ручного труда, что затрудняет использование аналитических методов расчета.

Существуют программные продукты, позволяющие моделировать процессы производства и косвенно определять затраты времени на технологические операции. Это, например, САПР-Т «Линейка» [3], используемая для прогнозирования трудоемкости, определение стоимости пластмассовых деталей можно

провести в программном модуле «Costing» пакета «Solidworks» и «Autodesk Mouldflow». Для определения трудоемкости композитных изделий в Software предусмотрен модуль Digimat (Digital Materials). Это зарубежные продукты, использование которых ограничено в России, особенно для предприятий оборонно-промышленного комплекса. К российским разработкам можно отнести РАМ-RTM, являющийся составной частью РАМ-COMPOSITE – программного обеспечения, предназначенного для моделирования технологий производства композиционных изделий.

Использование программных продуктов для оценки трудоемкости ограничивается необходимостью иметь 3D-модель изделия и примерной технологии, что возможно на последних этапах комплексной подготовки производства и не применимо для оценки прогнозной трудоемкости разрабатываемого изделия. В этих случаях используют варианты параметрического метода, основная проблема которого – правильно выбрать учитываемые факторы и базу сравнения.

Выбор метода расчета трудоемкости должен отражать специфику производства, в противном случае возможно завышение или занижение времени на изготовление детали. Такие погрешности могут привести к простоям в цехах, переполнению складов или опустошению страховых запасов, а также к срыву сроков поставки продукции.

Целью данной работы является оценка возможности использования методов множественной регрессии для определения прогнозируемой трудоемкости изготовления деталей из композитов и полимеров с использованием в качестве объясняющих переменных безразмерные критерии.

Ретроспективный анализ, состояние и проблемы нормирования широко освещены в статье И. Ю. Ануфриевой, О. А. Гражданкиной [4]. Основываясь на критическом анализе формирования нормативной базы расчета трудоемкости, авторы справедливо делают вывод об ее устаревании, сложившихся тенденциях разработки норм и нормативах силами предприятий и необходимости создания новых продуктов, в том числе с использованием цифровых технологий, для развития и адаптации нормативной базы нормирования к новым условиям.

Существующие методы нормирования можно классифицировать на 3 большие группы: аналитические, основанные на расчете норм согласно типовым техпроцессам и возможностям оборудования; опытные, использующие результаты хронометража и фотографии рабочего времени, и параметрические, оперирующие различными аналогиями изготовления похожих деталей.

Для деталей из композитов применение первых двух групп методов возможно при автоматическом производстве, при повторяемости номенклатуры. Эти детали отличаются типовой формой и относительной простотой получения поверхностей. Для нестандартных деталей используется ручная формовка, и возможный способ спрогнозировать трудоемкость – параметрический.

Методы параметрического расчета трудоемкости и использования корреляционных и регрессионных моделей предлагаются исследователями в различных модификациях. Актуальность и недостатки параметрических методов хорошо освещены в источнике [5] на примере оценки трудоемкости в судостроении. Авторы справедливо отмечают, что точное значение трудоемкости возможно получить только по мере отработки технологического процесса, в то же время, например, для конкурсных процедур предварительная оценка стоимости, ключевым фактором которой является трудоемкость, должна быть проведена до начала разработки. Поэтому в судостроении существует практика расчета трудоемкости через укрупненные удельные

показатели трудоемкости на 1 т изделия. Нормативы рассчитываются на основании статистических баз данных по выполненным заказам [6]. Похожий метод используется для расчета трудоемкости изготовления ракет-носителей [7]. В качестве факторов, определяющих трудоемкость, берутся технологические особенности, масса и габаритные характеристики и т. п. и, в отличие от многих других методик, организационно-производственные факторы, в том числе подготовленность предприятия к производству нового изделия. Параметрический метод также широко используется при предварительной оценке трудоемкости и стоимости гособоронзаказа.

Для расчета трудоемкости отдельных деталей операций механообработки используют регрессионные модели, учитывающие характеристики обрабатываемой поверхности, габариты и массу деталей и т. п. [8, 9].

Параметрические методы достаточно хорошо зарекомендовали себя для целей прогнозирования трудоемкости деталей и изделий, возможно применение аналогичной методологии и при изготовлении композитов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для построения математической модели, максимально отвечающей требованиям достоверности и объективности результатов, предлагается использовать следующий механизм (рис. 1).

На первом этапе группа экспертов выбирает для исследуемого объекта (группы объектов) критерии, наиболее значимые или имеющие наибольшее влияние на уровень трудоемкости изготовления.

На этапе исследования необходимо собрать статистический материал, на основании которого будет строиться математическая модель оценки трудоемкости изготовления с учетом критериев, выбранных на предыдущем этапе. Фактическая трудоемкость изготовления может быть получена по результатам проведения фотохронометража при выполнении деталей операций. Остальные данные (габариты, материал изделия и т. д.) берутся из технологической и конструкторской документации.

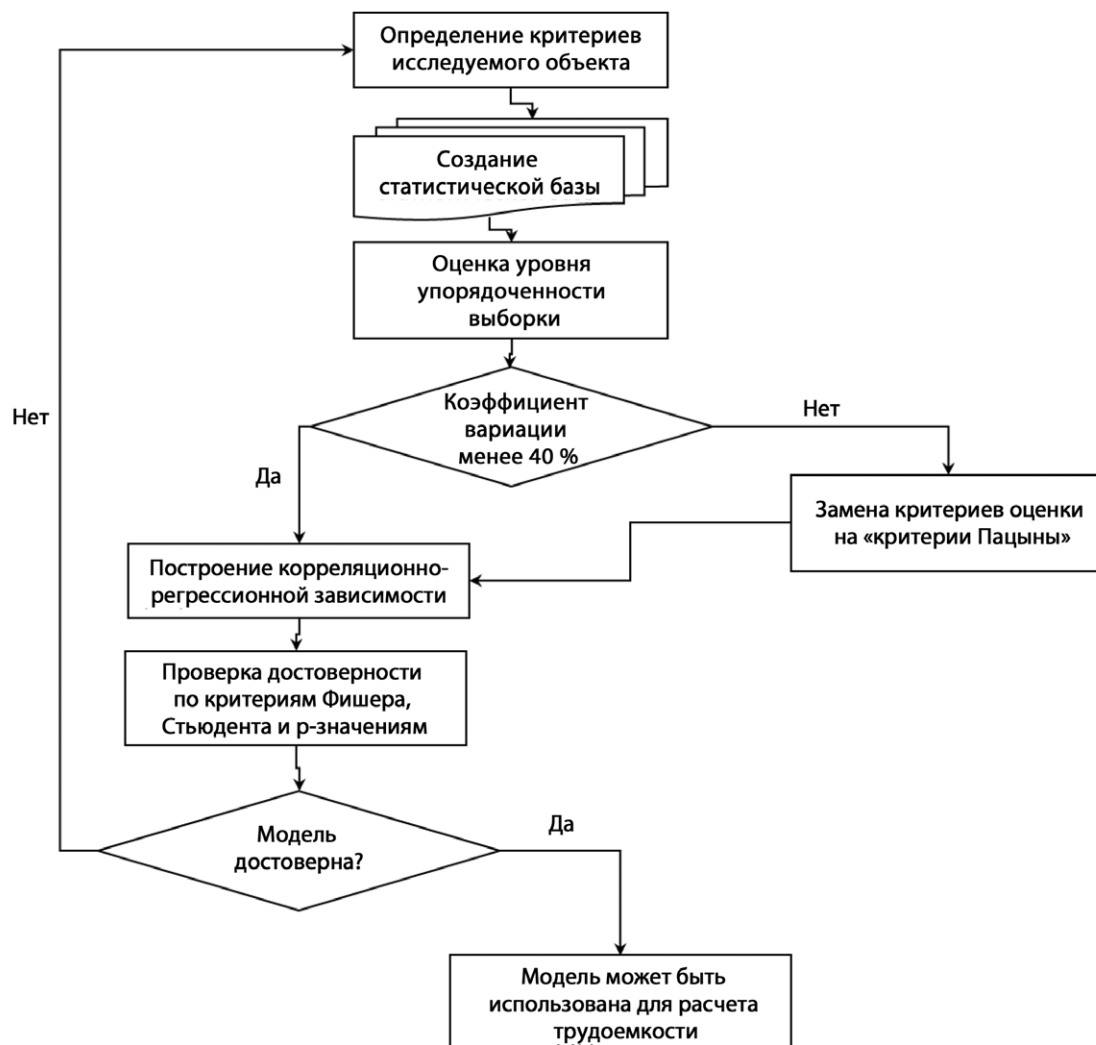

Рис. 1. Алгоритм построения математической модели расчета трудоемкости изделия

Примечание: составлено авторами.

На первом этапе работы выборка деталей специально не структурируется с целью найти общую закономерность для любых деталей.

Далее для оценки упорядоченности выборки рассчитывается коэффициент вариации по параметрам, выбранным для анализа:

$$V = \frac{\partial}{x} \cdot 100, \quad (1)$$

где ∂ – среднеквадратичное (стандартное) отклонение;

x – среднеарифметическое значение признака.

По результатам анализа коэффициента вариации принимается решение о возможности использования данных для построения математической модели определения трудоемко-

сти на основе корреляционно-регрессионной зависимости.

Проводится проверка модели на достоверность по критериям Фишера, Стьюдента и p -значениям. Если модель не отвечает заданному уровню достоверности, то необходимы корректировки исходных параметров или базы данных.

Для дальнейшей работы было предложено использовать безразмерные параметры «критерии Пацыны» (рис. 2), хорошо зарекомендовавшие себя при определении прогнозных значений трудоемкости изготовления деталей из пластмасс. Сравнение детали проводится с опорным кубом – куб того же материального объема, что и классифицируемое изделие [10].

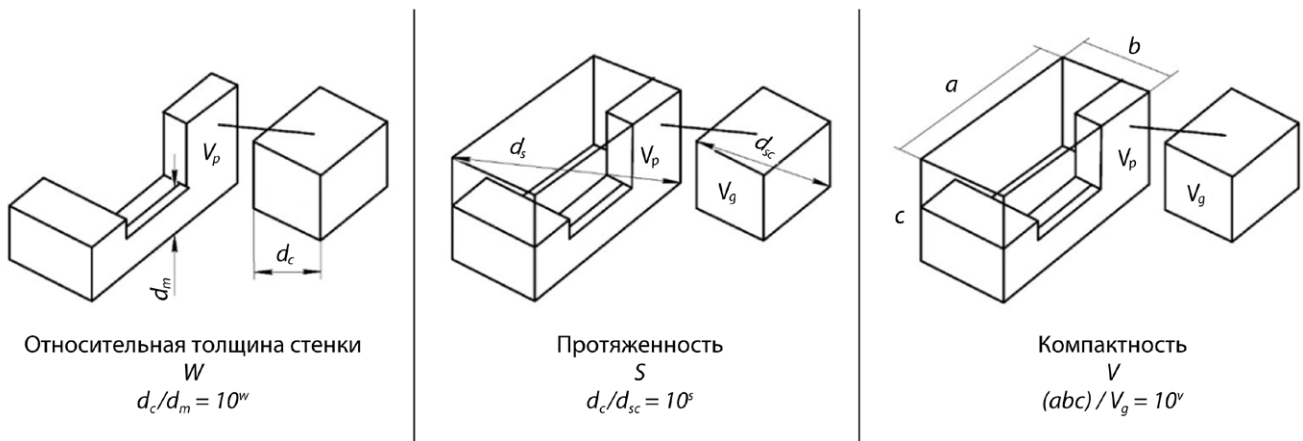

Рис. 2. Графическое изображение критериев Пацыны

Примечание: составлено авторами.

a, b, c – длина, ширина и высота детали; d_s и d_{sc} – пространственная диагональ детали и опорного куба; V_p и V_g – объемы детали и опорного куба; d_s – длина ребра; d_m – средняя толщина стенки детали.

При применении данных критериев все многообразие конструкций деталей сводится к трем параметрам [11]:

– критерий протяженности определяется как отношение максимального линейного размера детали к максимальному линейному размеру опорного куба. За максимальный линейный размер детали принимается пространственная диагональ прямоугольного параллелепипеда, ребра которого совпадают с измерениями детали по длине, ширине и высоте, или, другими словами, пространственная диагональ d_s минимально возможной прямоугольной упаковки детали:

$$d_s = \lg\left(\frac{\sqrt{a^2 + b^2 + c^2}}{\sqrt{3} \times \sqrt[3]{(m/\rho)}}\right); \quad (2)$$

– критерий относительной толщины стенки; этот параметр получается путем деления длины ребра d_c опорного куба на среднюю толщину стенки детали d_m :

$$W = \lg\left(\frac{a \times b \times c / 1000}{m / \rho}\right); \quad (3)$$

– критерий компактности определяется как отношение объема минимальной упаковки V_p к объему детали V_g , который, по определению, является и объемом куба:

$$V = \lg\left(\frac{d_m}{\sqrt[3]{m/\rho}}\right), \quad (4)$$

где в формулах (2)–(4) a, b, c – габариты (длина, ширина, высота) детали в миллиметрах;

m – масса детали в кг;

ρ – плотность материала детали кг/см³;

d_m – толщина стенки детали.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С целью проверки гипотезы о возможности использования моделей множественной регрессии для определения прогнозных значений трудоемкости изготовления деталей из композитных материалов была создана выборка из 191 детали, изготавливаемой ручным и механизированным способами. В состав выборки вошли детали с различными значениями массы, габаритных размеров, глубины формирования и плотности используемого материала. Коэффициенты вариации по показателям превышали 100 %, что показывает неупорядоченность выборки.

После предварительного этапа внутренней корреляции факторов был определен их состав для дальнейшего анализа:

x_1 – формуемая площадь изделия, мм²;

x_2 – количество слоев согласно конструкторской документации (КД), шт.;

x_3 – разряд проводимых работ.

В результате была получена следующая модель:

$$Y = -0,6507 + 3,4013 \cdot 10^{-6} \cdot X_1 + 0,1035 \cdot X_2 + 1,0222 \cdot X_3, \quad (5)$$

где Y – трудоемкость изделия, н-ч.

Результаты первого этапа представлены в источнике [12]. Влияние факторов на итоговые показатели достаточно сильное, коэффициент корреляции составил 83 %. Но при проверке модели на достоверность по критериям Фишера, Стьюдента и p -значениям выяснилось, что достоверность модели низкая, особенно в части такого фактора, как разрядность работ. P -значение по данному фактору составило 6,11, что в разы больше рекомендуемого 0,005. На разрядность работ, помимо сложности детали, оказывает влияние в том числе квалификация и опыт инженера по нормированию труда, поэтому в дальнейшем этот фактор был исключен из рассмотрения.

При исключении из модели переменной «разрядность работ» и включении факторов, детализирующих конструктивные особенности детали и ее массу (длина, ширина, глубина формования, плотность материала), была получена новая зависимость:

$$Y = -0,6 + 0,004 \cdot X_1 + 0,007 \cdot X_2 + 0,0007 \cdot X_3 + 0,000029 \cdot X_4, \quad (6)$$

где X_1 – длина, мм;

X_2 – ширина, мм;

X_3 – глубина формования, мм;

X_4 – плотность материала детали, кг/см³.

Коэффициент корреляции повысился до 0,9, но достоверность модели по-прежнему не удовлетворяла параметрам.

Аналогичные результаты были получены и при вариантах разделения выборки на интервальные значения по массе (до 1 кг, от 1 до 3 кг, от 3 до 5 кг и свыше 6 кг) и габаритам по длине (до 100 мм, от 100 до 500 мм, от 500 до 1 000 мм, свыше 1 000 мм): теснота связи сохраняется, но достоверность полученных результатов низкая.

При использовании в качестве объясняющих переменных критериев Пацены коэф-

фициент корреляции снизился до 0,73, но при этом полученная регрессионная модель проходит проверку по критериям достоверности.

Расчетная формула трудоемкости при применении критериев Пацены имеет следующий вид:

$$Y = -47,8 + 5,527 \cdot X_1 + 4,4312 \cdot X_2 - 4,263 \cdot X_3 + 0 \cdot X_4, \quad (7)$$

где X_1 – критерий протяженности;

X_2 – критерий относительной толщины стенки;

X_3 – глубина формования, мм;

X_4 – критерий компактности.

На основании проведенных исследований выяснилось, что модели, учитывающие широкий спектр конструктивных особенностей деталей, а также их сложность, регламентируемую разрядом работ, имеют высокий коэффициент детерминации, но отличаются низкой достоверностью, что ограничивает их использование для новых деталей.

Расчет трудоемкости с использованием корреляционно-регрессионной модели может быть полезным, если имеется достаточно данных для построения модели, переменные имеют линейную связь и предпосылки модели (например, нормальность распределения ошибок) выполняются. Такой подход может обеспечить быстрый способ оценки трудоемкости проекта, особенно если есть сильные корреляции между факторами и трудоемкостью. Однако необходимо учитывать ограничения модели и контролировать качество данных для достижения надежных результатов. Ограничения корреляционно-регрессионной модели для расчета трудоемкости включают линейную природу связи, требование к нормальности распределения ошибок, риск мультиколлинеарности между независимыми переменными, чувствительность к выборке данных, неспособность учитывать причинно-следственные отношения, а также ограничение применимости за пределами диапазона данных. Дополнительно, отсутствие учета всех факторов, влияющих на трудоемкость, и потенциальная экстраполяция могут привести к неточным результатам и недостоверным прогнозам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает проведенное исследование, при построении регрессионных моделей для прогнозирования трудоемкости желательно использовать общие безразмерные критерии. При использовании моделей с частными факторами вероятность того, что трудоемкость новой детали будет описываться полученным уравнением, крайне низка, что показывают критерии достоверности модели. Противоречие «детерминантность/достоверность», по нашему мнению, следует решать в сторону выбора достоверности. Критерии достоверности показывают, что средняя прогнозная трудоемкость изготовления новой детали определяется параметрами модели с расчет-

ной вероятностью. Выбор модели с большей теснотой связи, но с низкой достоверностью означает, что данная модель подходит только для деталей, попавших в исследуемую выборку. Хотя определить трудоемкость такой детали проще по фактическим прошлым данным.

Полученная теснота связи модели показывает, что существует несколько неучтенных данных, к которым для деталей из композитов можно отнести: форма и угол наклона поверхности; количество перегибов и радиусы скругления между поверхностями; используемый материал.

А также, как и для других видов обработки, следует учитывать серийность производства и коэффициент вратываемости.

Список источников

1. Гладунова О. И., Лысенко А. А. Мировой и российский рынок полимерных композиционных материалов. Тенденции и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 1: Естественные и технические науки. 2021. № 2. С. 96–100. https://doi.org/10.46418/2079-8199_2021_2_15.
2. Хитрых Д. П. Производство композитных материалов в России. Экономика, трудности и перспективы. URL: <https://compositeworld.ru/articles/market/id60535f4f937fe40013900a95> (дата обращения: 06.04.2024).
3. Якимович Б. А., Домбрачев А. Н., Соломенникова С. И. и др. Инженерная методика расчета трудоемкости приспособлений, штампов пресс-форм и технологической оснастки с использованием автоматизированной системы прогнозного нормирования // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. 2019. № 6. С. 22–31.
4. Ануфриева И. Ю., Гражданкина О. А. Управленческое и техническое нормирование труда: современные реалии и перспективы развития // Экономика, профессия, бизнес. 2023. № 2. С. 5–14.
5. Чепеленко О. А., Потряхаев В. В., Гречанюк А. Н. К вопросу о необходимости технико-экономической экспертизы расчетов трудоемкости и стоимости строительства кораблей // Судостроение. 2019. № 6. С. 45–48.
6. Юденко А. Н. Нормативы как важнейший элемент управления трудоемкостью строительства и ремонта кораблей и судов // Труды Крыловского государственного научного центра. 2021. № S2. С. 80–83.
7. Галкин Н. А., Кондратенко А. Н., Швед В. В. и др. Методика укрупненного расчета трудоемкости изготовления ракет-носителей // Двойные технологии. 2019. № 4. С. 10–14.

References

1. Gladunova O. I., Lysenko A. A. World and Russian market of polymer composite materials. Trends and prospects. *Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 1: Natural and Technical Sciences*. 2021;(2):96–100. https://doi.org/10.46418/2079-8199_2021_2_15. (In Russ.).
2. Khitrykh D. P. *Proizvodstvo kompozitnykh materialov v Rossii. Ekonomika, trudnosti i perspektivy*. URL: <https://compositeworld.ru/articles/market/id60535f4f937fe40013900a95> (accessed: 06.04.2024). (In Russ.).
3. Yakimovich B. A., Dombrachev A. N., Solomennikova S. I. et al. Engineering method of calculation for labor intensity of devices, press-forms stamps and tooling using cam system “measure”. *Fundamental and Applied Problems of Engineering and Technology*. 2019;(6):22–31. (In Russ.).
4. Anufrieva I. Y., Grazhdankina O. A. Managerial and technical labor rationing: modern realities and development prospects. *Economics Profession Business*. 2023;(2):5–14. (In Russ.).
5. Chepelenko O. A., Potryakhaev V. V., Grechanyuk A. N. K voprosu o neobkhodimosti tekhniko-ekonomicheskoy ekspertizy raschetov trudoemkosti i stoimosti stroitelstva korabley. *Sudostroenie* 2019;(6):45–48. (In Russ.).
6. Yudenko A. N. Standard values as key element in man-hour management of ship construction and repair. *Transactions of the Krylov State Research Centre*. 2021;(S2):80–83. (In Russ.).
7. Galkin N. A., Kondratenko A. N., Shved V. V. et al. Methods for an enlarged calculation of the complexity of manufacturing launch vehicles. *Dvoynye Tekhnologii*. 2019;(4):10–14. (In Russ.).
8. Pravednikov I. S. Uskorennyye metody opredeleniya trudoemkosti detaley novykh izdeliy. *Petroleum Engineering*. 2005;(2). URL: <https://ogbus.ru/article/view/>

8. Праведников И. С. Ускоренные методы определения трудоемкости деталей новых изделий // Нефтегазовое дело. 2005. № 2. URL: <https://ogbus.ru/article/view/uskorennnye-metody-opredeleniya-trudoemkosti-detalej-novykh-izde> (дата обращения: 06.04.2024).
9. Абраженин А. А., Трушин Н. Н. Исследование количественной оценки расчета ресурсоемкости и трудоемкости производства изделий энергетической техники // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2021. № 8. С. 3–11. <https://doi.org/10.24412/2071-6168-2021-8-3-11>.
10. Сычев И. С., Ершова И. В. Экспресс-методика оценки трудоемкости деталей из пластмасс // Инновационное развитие техники и технологий наземного транспорта : сб. ст. III Всерос. науч.-практич. конф., 03 декабря 2021 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2022. С. 140–141.
11. Менгес Г., Микаэли В., Морен П. Как делать литевые формы / пер. с англ. 3-го изд., под ред. В. Г. Дувидзона, Э. Л. Калинчева. СПб., 2007. 640 с.
12. Шестерикова Е. А., Ершова И. В., Подоляк О. О. Нормирование операций изготовления деталей из полимерных композитов // Инновационное развитие техники и технологий наземного транспорта : сб. ст. IV Всерос. науч.-практич. конф., 16 декабря 2022 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2023. С. 210–213.
- uskorennnye-metody-opredeleniya-trudoemkosti-detalej-novykh-izde (accessed: 06.04.2024). (In Russ.).
9. Abrazhenin A. A., Trushin N. N. Quantitative calculation research of resource intensity and labor intensity for processing products from power engineering. *Izvestiya Tula State University*. 2021;(8):3–11. <https://doi.org/10.24412/2071-6168-2021-8-3-11>. (In Russ.).
10. Sychev I. S., Ershova I. V. Express methodology for estimating labor intensity of plastic parts. In: *Collection of Scientific Articles of the 3rd All-Russian Research-to-Practice Conference “Innovatsionnoe razvitie tekhniki i tekhnologiy nazemnogo transporta”*, December 3, 2021, Yekaterinburg. Yekaterinburg: Izdatelstvo Uralskogo universiteta; 2022. p. 140–141. (In Russ.).
11. Menges G., Michaeli W., Mohren P. How to make injection molds. 3rd ed. Duvidzon V. G., Kalincheva E. L., eds. St. Petersburg; 2007. 640 p. (In Russ.).
12. Shesterikova E. A., Ershova I. V., Podolyak O. O. Normalization of manufacturing operations of products from polymer composites. In: *Collection of Scientific Articles of the 4th All-Russian Research-to-Practice Conference “Innovatsionnoe razvitie tekhniki i tekhnologiy nazemnogo transporta”*, December 16, 2022, Yekaterinburg. Yekaterinburg: UrFU; 2023. p. 210–213. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Ершова – доктор экономических наук, профессор;

<https://orcid.org/0000-0003-3114-2194>,
i.v.ershova@urfu.ru

О. О. Подоляк – кандидат экономических наук, доцент;

<https://orcid.org/0000-0003-4626-8312>,
o.o.podoliak@urfu.ru

А. В. Ершов – кандидат экономических наук, доцент;

<https://orcid.org/0000-0001-6447-7594>,
eav.eopm@gmail.com

About the authors

I. V. Ershova – Doctor of Sciences (Economics), Professor;

<https://orcid.org/0000-0003-3114-2194>,
i.v.ershova@urfu.ru

O. O. Podolyak – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

<https://orcid.org/0000-0003-4626-8312>,
o.o.podoliak@urfu.ru

A. V. Ershov – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

<https://orcid.org/0000-0001-6447-7594>,
eav.eopm@gmail.com

Научная статья

УДК 336.27(470.5)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-4>

Государственный долг, долговая нагрузка и долговая устойчивость: тенденции развития в регионах Уральского федерального округа

Наталья Александровна Истомина[✉], Елена Борисовна Дворядкина,
Юлия Викторовна Гудошникова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

Аннотация. В современных условиях вопросы обеспечения субъектов Российской Федерации финансовыми ресурсами, в том числе в формате долговых инструментов, а также последствий принимаемых решений по управлению государственным долгом представляют особую актуальность. Статья посвящена исследованию долговой ситуации в субъектах Уральского федерального округа в 2021–2023 годах. Целью исследования является комплексная оценка развития ситуации в сфере государственного долга субъектов Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, за 2021–2023 годы на основании открытых данных. Задачи исследования: сравнительный анализ индикаторов в сфере государственного долга субъектов Уральского федерального округа по отдельным годам с акцентом на место регионов в рейтинге по уровню долговой нагрузки и в группах по долговой устойчивости; сравнительный анализ развития сферы государственного долга регионов Уральского федерального округа в динамике за трехлетний период с дополнительным акцентом на устойчивых лидерах по совокупности параметров. Информационную базу исследования составили данные Министерства финансов Российской Федерации и рейтингового агентства «РИА рейтинг» о величине и структуре государственного долга субъектов Российской Федерации, о группах долговой устойчивости субъектов Российской Федерации, а также об уровне долговой нагрузки за 2021–2023 годы. В качестве методов исследования выбраны методы группировки, сравнительного и динамического анализа. Исследование позволило установить, что субъекты Российской Федерации в составе Уральского федерального округа характеризуются разнонаправленной динамикой долговых показателей, но сохраняют высокий уровень управляемости в долговой сфере, что требует продолжения активной работы органов государственной власти по недопущению возникновения отрицательных трендов.

Ключевые слова: государственный долг, регионы, Уральский федеральный округ, долговая нагрузка, долговая устойчивость

Для цитирования: Истомина Н. А., Дворядкина Е. Б., Гудошникова Ю. В. Государственный долг, долговая нагрузка и долговая устойчивость: тенденции развития в регионах Уральского федерального округа // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 32–40. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-4>.

Original article

Public debt, debt burden and sustainability: Development trends in regions of Ural Federal District

Natalya A. Istomina[✉], Elena B. Dvoryadkina, Yuliya V. Gudoshnikova
Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. In modern conditions, the provision of the Russian Federation regions with financial resources, including debt instruments, as well as the consequences of decisions on public debt management, are of particular relevance. This article focuses on analyzing the debt situation in the Ural Federal District's regions between 2021 and 2023. The study aims to comprehensively assess the development of public debt

in the Ural Federal District's regions of the Russian Federation from 2021 to 2023, using publicly available data. The objective of the study is to carry out comparative analysis of indicators in the sphere of public debt of the Ural Federal District regions by specific years with a focus on the regions' place in the debt burden rating and in the debt sustainability groups. We also conducted a comparative analysis of the public debt sphere development in the Ural Federal District regions in dynamics over a three-year period, with an additional focus on the stable leaders in terms of a set of parameters. The information base of the study was formed by the data of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the rating agency RIA Rating on the amount and composition of public debt of the Russian Federation regions, on the debt sustainability groups of the Russian Federation regions, as well as on the level of debt burden for 2021–2023. Grouping, comparative and dynamic analysis methods were chosen as the research methods. We found that Ural Federal District constituent entities in the Russian Federation show diverse debt indicator trends, yet retain strong debt management capabilities. This requires ongoing proactive efforts from public authorities to prevent negative developments.

Keywords: public debt, regions, Ural Federal District, debt burden, debt sustainability

For citation: Istomina N. A., Dvoryadkina E. B., Gudoshnikova Yu. V. Public debt, debt burden and sustainability: Development trends in regions of Ural Federal District. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):32–40. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-4>.

ВВЕДЕНИЕ

«Финансовое здоровье» территорий в составе Российской Федерации – как субъектов РФ, так и муниципальных образований – является предметом пристального внимания органов государственной власти РФ, органов государственной власти регионов и органов местного самоуправления. Благополучная в финансовом плане территория обладает реальными возможностями не только для финансирования базовых полномочий соответствующего уровня, но и для развития по широкому спектру направлений экономики, социальной сферы, инфраструктуры и т. п. С точки зрения финансовых показателей, характеризующих состояние финансов субъектов РФ и муниципальных образований, важнейшее место занимают индикаторы, характеризующие состояние государственного (муниципального) долга.

В связи со спецификой административного деления Российской Федерации на федеральные округа актуальным представляется исследование развития ситуации в сфере государственного долга субъектов РФ по отдельным федеральным округам. В этом направлении уже достигнуты определенные результаты: в частности, имеются исследования, выполненные на базе Сибирского федерального округа [1], Центрального федерального округа [2], Южного федерального округа [3], Дальневосточного федерального округа [4], Северо-Кавказского федерального округа [5].

Необходимо отметить, что, помимо классических показателей, характеризующих государственный долг регионов (величина государственного долга, его структура), на основании открытой информации можно получить представление о таком важном индикаторе, как уровень долговой нагрузки (отношение величины государственного долга к сумме налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта РФ), а также о группе долговой устойчивости, к которой отнесен тот или иной регион по данным Министерства финансов РФ (оценка долговой устойчивости трактуется, в частности, как управление государственным долгом [6]). Это позволяет более комплексно подойти к пониманию ситуации в сфере государственного долга, определить реальное положение субъектов РФ в плане их возможности управлять государственным долгом, поддерживать свою долговую репутацию.

В условиях дефицита финансовых ресурсов на всех уровнях бюджетной системы, необходимости максимально использовать возможности по снижению расходов на обслуживание государственного долга, принципиальное значение для регионов имеет структура долга (а именно удельный вес бюджетных кредитов [7], которые предоставляются, прежде всего, Федеральным казначейством, и которые в сравнении с классическими рыночными инструментами – кредитами кредитных организаций и ценными

бумагами – характеризуются наименьшей стоимостью привлечения).

Целью настоящего исследования является комплексная оценка развития ситуации в сфере государственного долга субъектов РФ, входящих в состав Уральского федерального округа, за 2021–2023 гг. на основании открытых данных. В качестве задач исследования определены: сравнительный анализ индикаторов в сфере государственного долга субъектов Уральского федерального округа по отдельным годам с акцентом на место регионов в рейтинге по уровню долговой нагрузки и в группах по долговой устойчивости; сравнительный анализ развития сферы государственного долга регионов Уральского федерального округа в динамике за трехлетний период при сохранении акцентов, ранее избранных при анализе годовых данных, а также с дополнительным акцентом на устойчивых лидерах по совокупности параметров.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Информационную базу исследования составили данные Министерства финансов Российской Федерации и рейтингового агентства «РИА рейтинг» о величине и структуре государственного долга субъектов Российской

Федерации, о группах долговой устойчивости субъектов РФ, а также об уровне долговой нагрузки за 2021–2023 гг.

В качестве методов исследования выбраны методы группировки, сравнительного и динамического анализа. На основе указанных методов проведено сравнение показателей, характеризующих долговую ситуацию в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа (УрФО), за 2021–2023 гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По данным табл. 1 можно сделать вывод о том, что в 2021 г. наиболее благоприятная долговая ситуация складывалась в Тюменской области, а также в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, что, в первую очередь, характеризуется наименьшими абсолютными величинами государственного долга указанных субъектов РФ, а также высокими позициями в общероссийском рейтинге регионов по уровню долговой нагрузки (соответственно, 2, 3 и 7-е места). Обратим внимание, что из 6 регионов округа в первую десятку по уровню долговой устойчивости входят 3 субъекта РФ (50 %). Это связано не только с достаточно низкими абсолютными

Таблица 1

Показатели, характеризующие государственный долг и уровень долговой нагрузки регионов Уральского федерального округа в 2021 г. (на 1 января 2022 г.)

Наименование региона	Величина госдолга, млн руб.	Отношение госдолга к сумме налоговых и неналоговых доходов, %	Место в рейтинге регионов по уровню долговой нагрузки	Группа долговой устойчивости	Доля бюджетных кредитов в структуре госдолга, %	Доля ценных бумаг в структуре госдолга, %	Уровень бюджетной обеспеченности
Курганская область	16 154,8	61,0	72	Средний уровень	68,6	0,0	0,503
Свердловская область	99 457,8	34,0	45	Высокий уровень	43,1	56,9	1,085
Тюменская область	1 001,9	0,4	2	Высокий уровень	31,5	0,0	2,211
Челябинская область	24 329,8	11,9	17	Высокий уровень	55,4	28,8	0,902
Ханты-Мансийский АО	7 300,0	2,9	7	Высокий уровень	0,0	100,0	1,684
Ямало-Ненецкий АО	3 914,1	1,6	3	Высокий уровень	0,0	100,0	2,671

Примечание: составлено на основании источников [8–15].

значениями государственного долга данных субъектов РФ, но и с абсолютными объемами бюджетов указанных регионов (с учетом которых рассчитывается показатель долговой нагрузки). Как можно увидеть, Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа также характеризуются высокими показателями бюджетной обеспеченности, иллюстрирующими их положение по отношению к среднему уровню всех регионов РФ.

Наиболее сложная долговая ситуация характерна для Курганской области, поскольку (несмотря на то что по абсолютной сумме долга регион не является абсолютным аутсайдером в УрФО) область занимает только 72-е место в рейтинге по долговой нагрузке – по отношению к налоговым и неналоговым доходам бюджета государственный долг составляет более 60 %. Именно этим обусловлено отнесение Курганской области к группе регионов со средним уровнем долговой устойчивости, тогда как остальные регионы в составе УрФО относятся к группе с высоким уровнем долговой устойчивости (для отнесения к этой группе отношение объема государственного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета

не должно превышать 50 %). Дополнительным признаком наличия проблем в области финансов региона является низкий уровень бюджетной обеспеченности Курганской области (самый низкий среди 6 регионов УрФО).

С точки зрения финансовых инструментов, привлекаемых для пополнения ресурсной базы региональных бюджетов и формирующих объем государственного долга в целом, обратим внимание на то, что два субъекта РФ реализуют активную эмиссионную политику и в 2021 г. полностью перешли на государственные ценные бумаги (не привлекая бюджетные кредиты или иные ресурсы): это Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа. Также достаточно велика доля ценных бумаг в структуре государственного долга Свердловской области (более 50 %) и Челябинской области (более 25 %). Два субъекта РФ не используют данный инструмент в долговой политике: Курганская область и Тюменская область (в первом случае это обусловлено объективными сложностями и недостаточным интересом инвесторов).

По данным за 2022 г. (табл. 2) наибольшая абсолютная сумма государственного долга региона наблюдалась у Свердловской области,

Таблица 2

Показатели, характеризующие государственный долг и уровень долговой нагрузки регионов Уральского федерального округа в 2022 г. (на 1 января 2023 г.)

Наименование региона, уровень бюджетной обеспеченности	Величина госдолга, млн руб.	Отношение госдолга к сумме налоговых и неналоговых доходов, %	Место в рейтинге регионов по уровню долговой нагрузки	Группа долговой устойчивости	Доля бюджетных кредитов в структуре госдолга, %	Доля ценных бумаг в структуре госдолга, %	Уровень бюджетной обеспеченности
Курганская область	17 491,8	58,1	68	Средний уровень	100,0	0,0	0,443
Свердловская область	106 419,3	34,8	46	Высокий уровень	54,0	46,0	1,087
Тюменская область	6 325,8	2,8	5	Высокий уровень	82,0	0,0	2,156
Челябинская область	38 704,9	19,8	23	Высокий уровень	80,0	18,0	0,900
Ханты-Мансийский АО	7 065,4	2,8	4	Высокий уровень	52,0	48,0	1,660
Ямало-Ненецкий АО	1 024,3	0,3	2	Высокий уровень	0,0	98,0	2,563

Примечание: составлено на основании источников [8–15].

которая, тем не менее, в рейтинге по уровню долговой нагрузки занимала более высокое положение, чем Курганская область, объем государственного долга которой был более чем в 6 раз меньше показателя Свердловской области. Курганская область в составе регионов УрФО и в 2022 г. характеризуется самой низкой позицией в рейтинге долговой нагрузки. Наименьшие значения долга – и высокие места в первой пятерке регионов-лидеров по долговой нагрузке – наблюдались у Тюменской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. В целом по итогам 2022 г. 5 из 6 регионов УрФО отнесены Министерством финансов РФ к группе с высоким уровнем долговой устойчивости (за исключением Курганской области).

Около половины объема задолженности сформированы за счет бюджетных кредитов у Свердловской области и Ханты-Мансийского автономного округа, более 80 % – у Тюменской и Челябинской областей. Полностью за счет бюджетных кредитов в 2022 г. сформирован государственный долг Курганской области. Ямало-Ненецкий автономный округ практически 100 % величины долга сформировал за счет государственных ценных бумаг,

что принципиально выделяет его в составе регионов УрФО в 2022 г.; также заметную роль играют ценные бумаги в формировании государственного долга Ханты-Мансийского АО (48 %) и Свердловской области (46 %). Изучение информации, размещенной Министерством финансов РФ, позволило обнаружить интересную особенность долговой политики Тюменской области – а именно, наличие в структуре долга государственных гарантий (удельный вес которых составил 18 % [9]).

По показателям 2023 г. (табл. 3) важно обратить внимание на то, что практически все регионы УрФО, за исключением Курганской области, характеризуются показателями отношения государственного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджетов на уровне менее 30 %. Три субъекта РФ – Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа – практически сравнялись по данному показателю (2,7 %, 2,9 %, 2,7 %) и сохранили свои позиции в пятерке лидеров по уровню долговой нагрузки. Указанные проценты, в частности, обеспечили отнесение этих трех регионов, а также Свердловской и Челябинской областей, к группе субъектов РФ с высокой долговой устойчивостью.

Таблица 3

Показатели, характеризующие государственный долг и уровень долговой нагрузки регионов Уральского федерального округа в 2023 г. (на 1 января 2024 г.)

Наименование региона	Величина госдолга, млн руб.	Отношение госдолга к сумме налоговых и неналоговых доходов, %	Место в рейтинге регионов по уровню долговой нагрузки	Группа долговой устойчивости	Доля бюджетных кредитов в структуре госдолга, %	Доля ценных бумаг в структуре госдолга, %	Уровень бюджетной обеспеченности
Курганская область	18 648,9	49,9	61	Средний уровень	100,0	0,0	0,453
Свердловская область	108 104,2	27,1	32	Высокий уровень	66,0	34,0	1,096
Тюменская область	8 428,4	2,7	3	Высокий уровень	87,0	0,0	2,036
Челябинская область	52 690,4	22,0	25	Высокий уровень	88,0	11,0	0,919
Ханты-Мансийский АО	10 187,7	2,7	2	Высокий уровень	93,0	7,0	1,699
Ямало-Ненецкий АО	10 271,8	2,9	5	Высокий уровень	3,0	0,0	1,965

Примечание: составлено на основании источников [8–15].

По абсолютным показателям государственного долга среди регионов УрФО в 2023 г. наибольший показатель наблюдался у Свердловской области – более 100 млрд руб., наименьший – у Тюменской области – 8,828 млрд руб. Величины государственного долга Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов практически сравнялись (10,271 и 10,187 млрд руб. соответственно).

Особенностью 2023 г. является безусловный приоритет бюджетных кредитов как инструмента формирования государственного долга субъектов УрФО: 100 % доля бюджетных кредитов в структуре долга наблюдается у Курганской области, свыше 80 % – у Тюменской и Челябинской областей, а также Ханты-Мансийского автономного округа, свыше 60 % – у Свердловской области. Отметим также уникальность долговой ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе – незначительная доля бюджетных кредитов (3 %), отсутствие в структуре долга ценных бумаг. Изучение информации, размещенной Министерством финансов РФ, позволило заключить, что в 2023 г. по данному субъекту РФ практически весь объем долга сформирован за счет государственных гарантий (97 %) [10]. Государственные гарантии присутствуют и в структуре государственного долга Тюменской области (около 13 %).

Сравнительный анализ развития сферы государственного долга регионов УрФО в динамике за 2021–2023 гг. позволяет заключить, что безусловными лидерами по абсолютной (минимальной) величине государственного долга, а также по уровню долговой нагрузки являются Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа; причем только в 2021 г. и только один из регионов – Ханты-Мансийский автономный округ – не попадал в пятерку регионов-лидеров по уровню долговой нагрузки; во все остальные годы данный округ, а также в течение всего исследуемого периода Тюменская область и Ямало-Ненецкий автономный округ входили в 5 лучших регионов РФ. Самым проблемным регионом РФ по долговой нагрузке является Курганская область.

Наиболее заметное улучшение ситуации в плане долговой нагрузки за период 2021–2023 гг. характерно для Свердловской области – место данного региона с 45 в 2021 г. повысилось до 32 в 2023 г., что было обеспечено снижением соотношения государственного долга и доходов бюджета (налоговых и неналоговых) с 34 до 27 %, в частности, обусловленное активной работой по снижению величины долга. Противоположная динамика – самое значительное падение в рейтинге по уровню долговой нагрузки – характерна для Челябинской области: с 17-го места в 2021 г. до 25-го места в 2023 г. (соответственно, соотношение государственного долга и доходов бюджета увеличилось с 11,9 до 22 %).

Важной положительной характеристикой регионов Уральского федерального округа является их включение Министерством финансов РФ только в группы с высокой и средней долговой устойчивостью (в последнем случае это касается Курганской области). Данный результат свидетельствует о качественной долговой политике субъектов РФ в рамках требований федерального бюджетного законодательства. Безусловно, для повышения группы долговой устойчивости в плане Курганской области требуется комплекс серьезных финансовых мер; но уже за 2021–2023 гг. можно утверждать, что в Курганской области наблюдаются определенные улучшения: в частности, повышение рейтинга долговой нагрузки (с 72-го до 61-го места) за счет снижения соотношения совокупного долга и доходов бюджета (с 61 до 49,9 %).

За исследуемый период в регионах Уральского федерального округа также имела место качественная трансформация структуры государственного долга, что, в частности, связано с активной позицией Министерства финансов РФ и Федерального казначейства в плане содействия субъектам РФ по замещению бюджетными кредитами иных составляющих долга. По всем субъектам РФ доля бюджетных кредитов в структуре долга увеличилась (до 100 % уже в 2022 г. по Курганской области, 93 % в 2023 г. по Ханты-Мансийскому автономному округу, 88 и 87 %, соответственно,

для Тюменской и Челябинской областей). Использование бюджетных кредитов снижает затраты на обслуживание государственного долга и обеспечивает финансовую устойчивость субъектов РФ в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что за рассмотренный период 2021–2023 гг. ситуация в сфере государственного долга, долговой нагрузки и долговой устойчивости субъектов Уральского федерального округа развивалась под контролем органов государственной власти субъектов РФ и с учетом требований федерального бюджетного законодательства.

Несмотря на то что не все регионы УрФО в течение всего периода имели однонаправленную динамику государственного долга, в целом можно отметить, что абсолютные величины долга по рассмотренным регионам имели тенденцию к росту, что обусловлено спецификой экономической и финансовой политики субъектов РФ, в первую очередь задачами обеспечения устойчивого развития регионов и решения важных задач в сфере развития транспорта, дорожного строительства и т. п. На сегодняшний день за счет текущих бюджетных доходов без использования долговых инструментов решение указанных задач крайне затруднительно.

Уровень долговой нагрузки по регионам УрФО представляется корректным оценить как управляемый, поскольку ни один из субъектов РФ по этому показателю не вышел за критический уровень 85 %, что создало бы предпосылки отнесения какого-либо субъекта РФ к регионам с низким уровнем долговой устойчивости. В течение всего периода 2021–2023 гг. все субъекты Уральского федерального округа соответствовали высокому уровню долговой устойчивости, за исключением Курганской области (средний уровень долговой устойчивости). За исследованный период наметилась устойчивая тенденция к замещению рыночных инструментов государственного долга на бюджетные кредиты по всем регионам УрФО, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа, в ко-

тором расширенное использование получили государственные гарантии.

Наиболее сложная долговая ситуация в УрФО характерна для Курганской области (самое низкое место в рейтинге по уровню долговой нагрузки, средняя долговая устойчивость), что объективно обусловлено наиболее сложной экономической ситуацией среди всех рассмотренных субъектов (косвенным признаком этого является низкий уровень бюджетной обеспеченности области). Наибольшие абсолютные значения государственного долга имели место в Свердловской области. В связи с этим в данных регионах вопросы управления государственным долгом, доходами и расходами бюджетов в целом приобретают специфическую актуальность в целях сохранения и улучшения показателей долговой сферы.

Наилучшие показатели в долговой сфере, характерные для Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, обусловлены не только целенаправленной политикой регионов в этом направлении, но и также высокими параметрами бюджетов и бюджетной обеспеченности, имевшими место в течение всего рассмотренного периода. Вместе с тем на примере данных субъектов РФ можно заключить, что полностью исключать долговые инструменты из «портфеля» инструментов регионального развития нецелесообразно (например, обращает на себя внимание активизация использования государственных гарантий и значительное увеличение государственного долга по Ямало-Ненецкому автономному округу в 2023 г., который до этого имел самые низкие абсолютные значения долга по субъектам УрФО).

Развитие научных исследований в области государственного долга, долговой нагрузки и долговой устойчивости субъектов РФ будет представлять неизменный интерес и может быть реализовано в плане более детального изучения возможностей субъектов РФ по увеличению располагаемых объемов финансовых ресурсов за счет долговых инструментов при одновременном сохранении желаемого уровня долговой нагрузки, а также высокого уровня долговой устойчивости.

Список источников

References

1. Файберг Т. В., Гордеев В. В. Тенденции долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 5. С. 57–72. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.5.121.5>.
2. Степанова С. М., Смирнова И. А., Коробова В. Ф. Оценка государственного долга регионов Центрального федерального округа // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2. С. 26–31. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.51.214>.
3. Ешугова С. К., Хамирзова С. К. Оценка долговой политики субъектов южного макрорегиона в современных условиях // Новые технологии. 2021. Т. 17, № 5. С. 73–81. <https://doi.org/10.47370/2072-0920-2021-17-5-73-81>.
4. Леонов С. Н. Состояние консолидированных бюджетов и динамика государственного долга дальневосточных субъектов Российской Федерации // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 3. С. 371–382. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30\(3\).371-382](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(3).371-382).
5. Исмаилов Ш. Г. Способы снижения долговых обязательств субъектов РФ и муниципальных образований на примере регионов Северо-Кавказского Федерального округа // Экономика и предпринимательство. 2022. № 1. С. 661–664. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.130>.
6. Курилова А. А., Кирюшкина А. Н. Оценка долговой устойчивости субъектов Российской Федерации как управление государственным долгом на региональном уровне // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 4. С. 156–160.
7. Бирюков А. Г. О практике предоставления бюджетных кредитов бюджетам субъектов Российской Федерации // Власть. 2012. № 1. С. 12–21.
8. Информация о величине государственного и муниципального долга и уровне долговой нагрузки субъектов Российской Федерации на 1 января 2022 г. // Министерство финансов Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=135937-informatsiya_o_velichine_&ysclid=ly5rb02t49185277206 (дата обращения: 14.06.2024).
9. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2023 г. // Министерство финансов Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt?id_38=301284-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_yanvarya_2023_g (дата обращения: 14.06.2024).
10. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2024 г. // Министерство финансов Российской Федерации :
1. Faiberg T. V., Gordeev V. V. Trends in debt sustainability of the Siberian Federal District regions. *Problems of Territory's Development*. 2022;26(5):57–72. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.5.121.5>. (In Russ.).
2. Stepanova S. M., Smirnova I. A., Korobova V. F. Assessment of the state debt of the regions of the Central Federal district. *Business. Education. Law*. 2020;(2):26–31. <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.51.214>. (In Russ.).
3. Yeshugova S. K., Khamirzova S. K. Evaluation of the debt policy of the southern macroregion subjects in modern conditions. *New Technologies*. 2021;17(5):73–81. <https://doi.org/10.47370/2072-0920-2021-17-5-73-81>. (In Russ.).
4. Leonov S. N. State of consolidated budgets and dynamics of public debt of the Far Eastern Federal Subjects. *Bulletin of Baikal State University*. 2020;30(3):371–382. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30\(3\).371-382](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2020.30(3).371-382). (In Russ.).
5. Ismailov Sh. G. Ways to reduce debt obligations of the subjects of the Russian Federation and municipalities on the example of the regions of the North Caucasus Federal District. *Journal of Economy and entrepreneurship*. 2022;(1):661–664. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.138.1.130>. (In Russ.).
6. Kurilova A. A., Kiryushkina A. N. Assessment of debt sustainability of subjects of the Russian Federation as managing sovereign debt at the regional level. *Karelian Scientific Journal*. 2016;5(4):156–160. (In Russ.).
7. Biryukov A. G. O praktike predostavleniya byudzhetykh kreditov byudzheta subyektov Rossiyskoy Federatsii. *The Authority*. 2012;(1):12–21. (In Russ.).
8. Informatsiya o velichine gosudarstvennogo i munitsipalnogo dolga i urovne dolgovoy nagruzki subyektov Rossiyskoy Federatsii na 1 yanvarya 2022 goda. Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=135937-informatsiya_o_velichine_&ysclid=ly5rb02t49185277206 (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).
9. Obyom i struktura gosudarstvennogo dolga subyektov Rossiyskoy Federatsii i dolga munitsipalnykh obrazovaniy na 1 yanvarya 2023 g. Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt?id_38=301284-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_yanvarya_2023_g (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).
10. Obyom i struktura gosudarstvennogo dolga subyektov Rossiyskoy Federatsii i dolga munitsipalnykh obrazovaniy na 1 yanvarya 2024 g. Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt?id_65=306049-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_yanvarya_2024_g.&ysclid=ly5ricglyg462798761 (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).

- офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/subdbt?id_65=306049-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovaniy_na_1_yanvarya_2024_g.&ysclid=ly5ricglyg462798761 (дата обращения: 14.06.2024).
11. Показатели уровня долговой нагрузки субъектов РФ – итоги 2021 года. URL: https://riarating.ru/files/ratings/gosdolg_01_2022.pdf (дата обращения: 14.06.2024).
 12. Показатели уровня долговой нагрузки субъектов РФ – итоги 2022 года. URL: <https://riarating.ru/images/63023/64/630236498.pdf?ysclid=ly5r46yi18202383270> (дата обращения: 14.06.2024).
 13. Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки – итоги 2023 года. URL: <https://riarating.ru/images/63025/79/630257927.pdf> (дата обращения: 14.06.2024).
 14. Бюджетная обеспеченность субъектов Российской Федерации. URL: <https://www.budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ> (дата обращения: 07.02.2024).
 15. Классификация субъектов Российской Федерации по группам долговой устойчивости. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/klass/ (дата обращения: 14.06.2024).
 11. Pokazateli urovnya dolgovoy nagruzki subyektov RF – itogi 2021 goda. URL: https://riarating.ru/files/ratings/gosdolg_01_2022.pdf (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).
 12. Pokazateli urovnya dolgovoy nagruzki subyektov RF – itogi 2022 goda. URL: <https://riarating.ru/images/63023/64/630236498.pdf?ysclid=ly5r46yi18202383270> (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).
 13. Reyting subyektov RF po urovnyu dolgovoy nagruzki – itogi 2023 goda. URL: <https://riarating.ru/images/63025/79/630257927.pdf> (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).
 14. Biudzhetskaya obespechennost subiektov Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://www.budget.gov.ru/Регионы/Бюджетная-обеспеченность-субъектов-РФ> (accessed: 07.02.2024). (In Russ.).
 15. Klassifikatsiya subyektov Rossiyskoy Federatsii po gruppam dolgovoy ustoychivosti. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subj/klass/ (accessed: 14.06.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Н. А. Истомина – доктор экономических наук, доцент;
<https://orcid.org/0009-0009-8244-9066>,
n_istomina_usue@mail.ru[✉]
Е. Б. Дворядкина – доктор экономических наук, профессор;
<https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>,
dvoryadkina@usue.ru
Ю. В. Гудошникова – кандидат экономических наук, доцент;
<https://orcid.org/0000-0001-9445-6524>,
ykuvaeva1974@mail.ru

About the authors

N. A. Istomina – Doctor of Sciences (Economics), Docent;
<https://orcid.org/0009-0009-8244-9066>,
n_istomina_usue@mail.ru[✉]
E. B. Dvoryadkina – Doctor of Sciences (Economics), Professor;
<https://orcid.org/0000-0001-5163-0334>,
dvoryadkina@usue.ru
Yu. V. Gudoshnikova – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
<https://orcid.org/0000-0001-9445-6524>,
ykuvaeva1974@mail.ru

Научная статья

УДК 338.45:005.21

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-5>

Стратегические ориентиры развития предприятия в условиях нестабильности

**Елена Евгеньевна Кукина¹, Юлия Владимировна Иода¹, Елена Владимировна Федотова^{2✉},
Наталья Анатольевна Бондарева³**

¹*Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Липецк, Россия*

²*Калужский филиал Российского государственного аграрного университета – МСХА имени
К. А. Тимирязева, Калуга, Россия*

³*Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия*

Аннотация. Цель исследования состоит в изучении особенностей воздействия современных факторов нестабильности на процесс функционирования предприятий и поиске путей их перспективного развития через непрерывную адаптацию к изменениям. Задачами исследования являются: проведение анализа показателей функционирования предприятий в период нестабильности; выявление существующих ограничений их развития; формирование комплексного подхода к повышению адаптивности предприятий к изменениям. Для достижения поставленных целей и задач авторами применен подход, основанный на экономическом анализе индикаторов социально-экономического развития в динамике, который позволил выявить последствия воздействия факторов нестабильности на деятельность хозяйствующих субъектов. В исследовании использованы метод компаративного анализа и графический метод для достижения большей наглядности исследуемого воздействия факторов нестабильности, а также методы индукции и дедукции, логический метод и системный подход к обоснованию гипотезы о построении стратегии развития предприятий на основе укрепления их адаптивности к изменениям. Обосновано, что адаптация к условиям нестабильности в России происходила за счет смены организационно-правовой формы деятельности предприятий, отсеивания неконкурентоспособных единиц и оптимизации численности персонала. Доказано, что устойчивость предприятия в условиях нестабильности определяется стратегическим видением перспектив развития предприятия и осознанием социальной значимости его деятельности в будущем. Обоснования строятся на анализе практик поведения российских предприятий в период нестабильности, вызванной пандемией, а также в условиях действия экономических санкций. Определено, что в процессе адаптации к изменениям и преодоления факторов нестабильности требуется адекватность реагирования предприятия на меры государственной поддержки и его включенность во взаимодействие с системой государственного управления. Предложен комплексный подход к повышению адаптивности предприятий к изменениям. Обосновано, что устойчивость предприятия в условиях нестабильности определяется, во-первых, его способностью гибко трансформировать существующие модели и стратегии функционирования в соответствии с флуктуациями рынка и открытостью к новым формам организации предпринимательской деятельности; во-вторых, стратегическим видением перспектив развития предприятия и осознанием социальной значимости его деятельности в будущем; в-третьих, адекватностью реагирования на меры государственной поддержки и использованием всего комплекса предоставляемых возможностей.

Ключевые слова: нестабильность, предприятие, развитие, стратегия, адаптация, риск, влияние, управление

Для цитирования: Кукина Е. Е., Иода Ю. В., Федотова Е. В., Бондарева Н. А. Стратегические ориентиры развития предприятия в условиях нестабильности // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 41–52. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-5>.

Original article

Strategic priorities for enterprise development in conditions of instability

Elena E. Kukina¹, Yuliya V. Ioda¹, Elena V. Fedotova^{2✉}, Natalya A. Bondareva³

¹*Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk, Russia*

²*Kaluga Branch of Russian Timiryazev State Agrarian University, Kaluga, Russia*

³*Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia*

Abstract. The aim of the research is to study the specifics of modern instability factors' impact on the process of enterprises' functioning and ways for their prospective development through continuous adaptation to changes. The objectives of the study are to analyze the performance of enterprises in the period of instability, identify the existing limitations of their development, and form a comprehensive approach for improving adaptability to changes. To achieve the set goals and objectives, the authors implemented an approach based on the economic analysis of indicators of social and economic development in dynamics, which made it possible to identify the consequences of the instability impact factors on the activities of economic entities. The study used the method of comparative analysis and graphical method to achieve greater clarity of the studied instability factors impact. The method of induction and deduction, logical method and systematic approach to substantiate the hypothesis of creating a strategy for the development of enterprises based on strengthening their adaptability to changes, were used. It was justified that adaptation to the conditions of instability in Russia was due to the change of the organizational and legal form of enterprises performance, elimination of non-competitive units and optimization of the number of personnel. Strategic vision of future enterprise development and recognition of the enterprise's social significance determine enterprise sustainability during instability. The justifications are based on the analysis of Russian enterprises activities in the period of instability caused by the pandemic, as well as economic sanctions. It is determined that during adaptation to changes and factors of instability requires the adequacy of the enterprise's response to the measures of state support and its inclusion in the interaction with the system of public administration. A comprehensive approach to improving enterprise adaptability to change is our suggestion. It is proved that the enterprise stability in conditions of instability is defined by some factors. The first is the ability to flexibly transform existing models and strategies of functioning, under market fluctuations and flexibility, into new forms of entrepreneurial activity organization. The second one is strategic vision of the enterprise development prospects and awareness of the social significance of its activities in the future. Lastly, it is the adequacy of response to the measures of state support and use of the complete range of provided by the state support system.

Keywords: instability, enterprise, development, strategy, adaptation, risk, influence, management

For citation: Kukina E. E., Ioda Yu. V., Fedotova E. V., Bondareva N. A. Strategic priorities for enterprise development in conditions of instability. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):41–52. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-5>.

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир непрерывно эволюционирует. В процессе эволюции трансформируется сам человек, его потребности и способы их удовлетворения. В свою очередь, это вызывает изменение экономических интересов субъектов хозяйствования и характера их взаимодействия, часто приводит к столкновению интересов и последующему развитию конфликтов [1].

Конфликты меняют глобальный ландшафт и создают предпосылки для расширения

источников нестабильности. Мы можем это видеть в существующей реальности последних лет. Когда рассогласование интересов различных государств формирует новые условия существования, связанные с перераспределением глобального лидерства, что неминуемо приводит к общему росту нестабильности. Возникающая нестабильность имеет различные проявления: экономические – связаны с развитием кризисных явлений в хозяйственных системах, социальные – становятся

источником роста социальной напряженности и расширения спектра проблем, связанных с ухудшением качества жизни населения, политические – вызывают нарастание противоречий между странами и их объединениями в рамках достижения наиболее выгодных конкурентных позиций [2].

Если все факторы нестабильности пересекаются в едином временном периоде, накладываясь на последствия проявления более ранних кризисных явлений (в частности, пандемии), то хозяйствующие субъекты попадают в ловушку неопределенности и нестабильности. Здесь сложно сориентироваться, какую стратегию развития выбрать для того, чтобы выжить и преодолеть все возникающие угрозы для стабильного существования. Предприятия часто действуют интуитивно, не осознавая возможных последствий реализуемых действий. Однако в условиях непрерывных изменений и расширения факторов нестабильности каждый хозяйствующий субъект должен задумываться не о выживании, а о четкой последовательности действий, направленных на перспективное развитие через адаптацию к изменениям.

Таким образом, цель настоящего исследования связана с изучением особенностей воздействия современных факторов нестабильности на процесс функционирования предприятий и поиском путей их перспективного развития через непрерывную адаптацию к изменениям.

Задачи исследования состоят в проведении анализа показателей функционирования предприятий в период нестабильности; выявление существующих ограничений их развития; в формировании комплексного подхода к повышению адаптивности предприятий к изменениям.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Основу настоящего исследования сформировала работа Z. O. Gukasyan и соавт. [3], в которой обосновывается гипотеза о том, что в условиях непрерывных внешних изменений успех и возможности развития предприятия определяются уровнем его адаптивности к происходящим изменениям.

Влияние факторов нестабильности на деятельность хозяйствующих субъектов привлекает исследовательское внимание многих авторов. В частности, особенности функционирования предприятий в период экономических кризисов описаны в работах О. Ф. АLEXИНОЙ и соавт. [4], Е. К. Карпуниной и соавт. [5], А. Ф. Бейлиной и соавт. [6].

Последствия пандемии для социально-экономического развития различных стран и их хозяйствующих субъектов представлены в трудах А. Ю. Усанова и соавт. [7], Г. Ф. Галиевой и соавт. [8], А. А. Абалакина и соавт. [9], Е. А. Исаевой и соавт. [10].

Рост геополитической напряженности и, как следствие, введение европейскими странами санкционных мер в отношении российских предприятий оказали существенное влияние на рост экономической нестабильности и выбор стратегии развития [1, 2, 11].

Разработке эффективного инструментария адаптации предприятий к изменениям посвящены исследования Г. Ф. Галиевой и соавт. [12], Н. В. Пилипчук и соавт. [13], Т. Н. Лубовой и соавт. [14].

Объектом исследования являются предприятия прежде всего малого и среднего бизнеса, функционирующие в период изменений, а также стратегии их развития в условиях нестабильности.

Гипотеза проводимого исследования состоит в предположении о том, что устойчивость предприятия в условиях нестабильности определяется тремя составляющими: во-первых, его адаптивностью к изменениям, то есть способностью гибко трансформировать существующие модели и стратегии функционирования в соответствии с флуктуациями рынка и открытостью к новым формам организации предпринимательской деятельности, реализации их возможных сочетаний; во-вторых, стратегическим видением перспектив развития предприятия и осознанием социальной значимости его деятельности в будущем; в-третьих, адекватностью реагирования на меры государственной поддержки и использованием всего комплекса предоставляемых возможностей.

На первом этапе исследования авторы выбрали подход, основанный на экономическом анализе индикаторов социально-экономического развития в динамике, который позволил выявить последствия воздействия факторов нестабильности на деятельность хозяйствующих субъектов.

Кроме того, авторы использовали метод компаративного анализа и графический метод для достижения большей наглядности исследуемого воздействия факторов нестабильности.

Второй этап исследования реализован на основе метода индукции и дедукции, логического метода и системного подхода к обоснованию гипотезы о построении стратегии развития предприятий на основе укрепления их адаптивности к изменениям.

Информационную базу исследования составляют официальные материалы Федеральной службы государственной статистики РФ, Федеральной налоговой службы РФ, Seoworld.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Адаптивность к изменениям есть способность гибко трансформировать существующие модели и стратегии функционирования в соответствии с флуктуациями рынка, она также определяется открытостью предприятия к новым формам организации предпри-

нимательской деятельности, реализации их возможных сочетаний.

В исследуемый период адаптация к изменениям российских предприятий происходила в следующих аспектах.

Во-первых, за счет изменения организационно-правовой формы деятельности и оптимизации численности.

Представим динамику изменения количества действующих предприятий в России в период нестабильности 2019–2023 гг. на рис. 1.

Данные рис. 1 отражают, во-первых, общее негативное влияние нестабильности, вызванной пандемией, в 2020 г. на численность предприятий в России (сокращение на 4,1 % относительно 2019 г.). Во-вторых, можно отметить разнонаправленную динамику роста показателя с минимумом в 2022 г. (5 млн единиц) и максимумом в 2023 г. (6,35 млн единиц). Сокращение, произошедшее в 2022 г., может быть объяснено возникновением новых факторов нестабильности вследствие начала специальной военной операции и введения новой волны экономических санкций в отношении российских предприятий. Если проанализировать структуру показателя, то можно также заметить, что количество зарегистрированных юридических лиц на протяжении всего исследуемого периода сокращалось (-9,5 %) на фоне скачкообразной динамики показателя

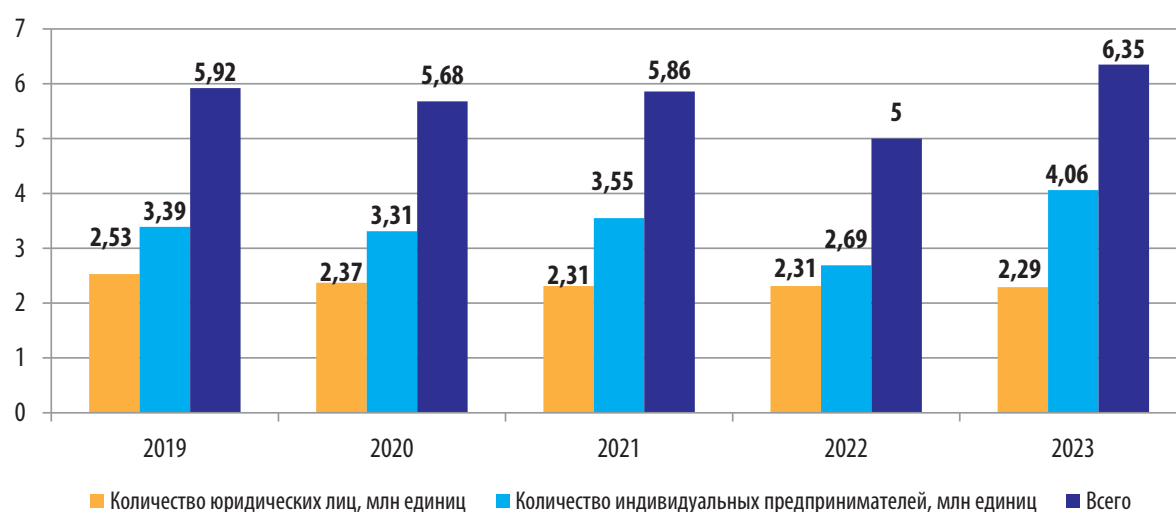

Рис. 1. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в России, млн единиц, 2019–2023 гг.

Примечание: составлено авторами по данным Федеральной налоговой службы РФ (2024) [15].

роста количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей (рост в 2023 г. на 19,8 % по отношению к 2019 г.). Однако в течение всего периода количество индивидуальных предпринимателей непрерывно изменялось, что позволяет сделать предположение об адаптации предпринимателей к изменениям и выборе ими оптимальной формы функционирования. Кроме того, следует отметить, что в период с начала пандемии и вплоть до 2024 г. сильны проявления новой формы реализации предпринимательской активности – самозанятости населения как деятельности физических лиц, уплачивающих налог на профессиональный доход [16]. Именно в период пандемии, когда в стране стал ощутим рост безработицы вследствие вводимых локдаунов, правительство распространило эксперимент по введению нового института на все регионы России, что создало предпосылки для перехода лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в малом и среднем бизнесе, в статус самозанятых [17, 18].

Во-вторых, за счет перераспределения доли предприятий разных организационно-правовых форм в общем годовом обороте.

Динамика оборота российских предприятий в период нестабильности 2019–2023 гг. представлена на рис. 2.

Данные рис. 2 показывают, что в течение всего исследуемого периода оборот средних, малых и микропредприятий в текущих ценах непрерывно увеличивался, несмотря на колебания их численности. В целом в 2019–2023 гг. увеличение составило 26,6 %. Вклад малых и микропредприятий значительно выше, чем юридических лиц.

В-третьих, за счет оптимизации численности персонала.

Важной социальной функцией предпринимательской структуры является создание рабочих мест для населения, обеспечение занятости. Данные о численности работников предприятий в России в период нестабильности 2019–2023 гг. представлены на рис. 3.

Рисунок отражает негативное влияние нестабильности, вызванной пандемией, проявившееся в виде отложенного эффекта к 2021 г. после прекращения реализации государственных программ поддержки. Вместе с тем к 2022 г. динамика численности работников предприятий вновь стала позитивной, а к 2023 г. вновь сменилась на негативную,

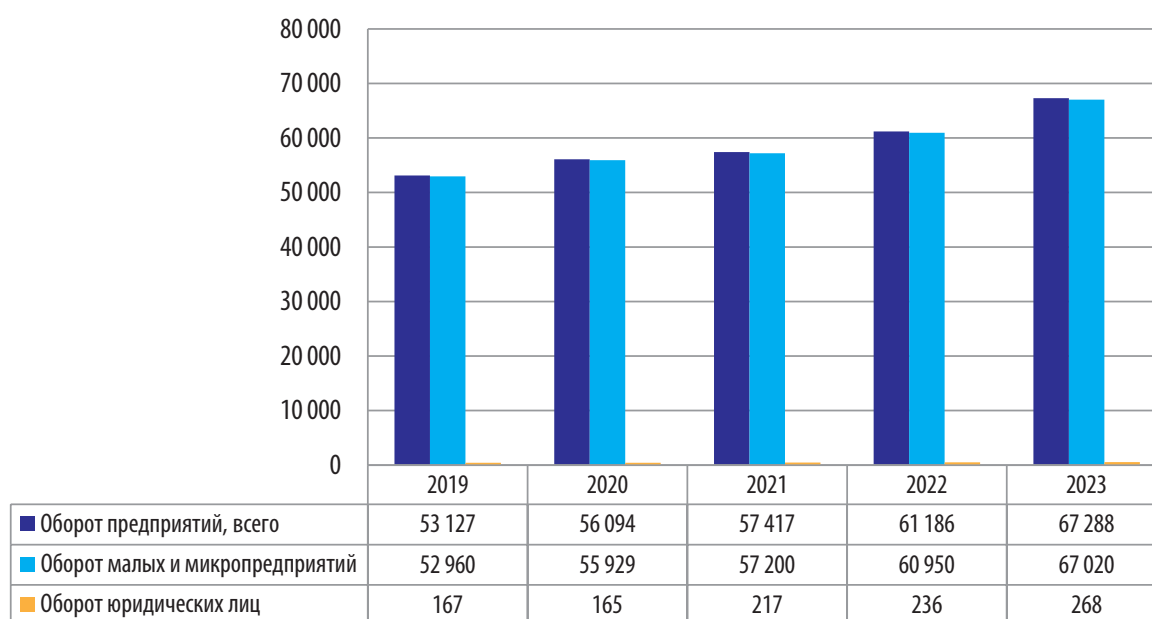

Рис. 2. Оборот предприятий (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) в России, млрд рублей, 2019–2023 гг.

Примечание: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики РФ [19].

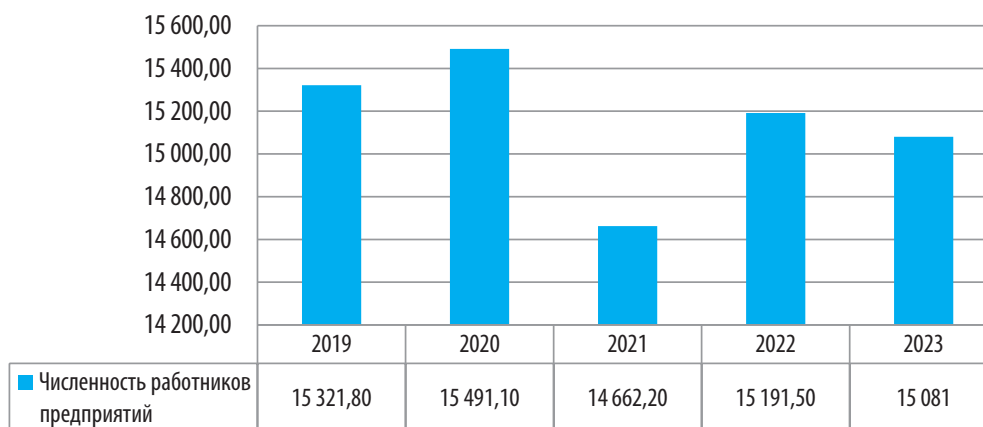

Рис. 3. Численность работников предприятий (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), тысяч человек, 2019–2023 гг.

Примечание: составлено авторами по данным Федеральной налоговой службы РФ [15].

что обусловлено приходом новой волны нестабильности. В целом, численность работников малых и средних предприятий, а также индивидуальных предпринимателей в период 2019–2023 гг. сократилась на 1,6 %.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что адаптация к условиям нестабильности происходила за счет смены организационно-правовой формы деятельности предприятий, отсеивания неконкурентоспособных единиц и оптимизации численности персонала.

По мнению авторов, устойчивость предприятия в условиях нестабильности определяется стратегическим видением перспектив развития предприятия и осознанием социальной значимости его деятельности в будущем. Наличие этого факта открывает новые способы адаптации предприятия к изменениям.

Например, в период пандемии изменились условия функционирования предприятий (самоизоляция граждан, нарушение межрегионального и международного сообщения, переход на удаленный формат работы и обучения и др.), что создало предпосылки для изменения моделей поведения и форм организации деятельности.

В этот период адаптация к изменившимся условиям потребовала от предприятий проведения ускоренной цифровизации для использования возможностей выхода в онлайн-пространство и предоставления услуг через цифровые платформы, а также организации

работы предприятия в удаленном формате [6, 20]. Те предприятия, которые четко понимали свою социальную значимость и имели стратегические задачи, требующие решения, оперативно подстроились под измененные внешние условия.

Например, только в 2020 г. количество российских предприятий, имеющих собственные сайты в сети Интернет, увеличилось на 21 %, выросла доля предприятий, улучшающих собственную цифровую инфраструктуру и использующих специальные цифровые инструменты для продвижения в онлайн-среде (+24 % относительно 2019 г. при продвижении в социальных сетях, +21 % при использовании контекстной рекламы). Уровень цифровизации микропредприятий и предприятий малого бизнеса по итогам 2020 г. достиг 15 %, средних предприятий – 20 %, индивидуальных предпринимателей – 10 % [21]. Отдельные предприятия полностью перешли на удаленный формат работы, оперативно перестроив модели взаимодействия с контрагентами и покупателями с помощью интернет-сервисов [22]. Так, в 2020 г. 54 % российских предприятий полностью перестроились под требования удаленного режима работы, а 8 % полностью трансформировали бизнес-процессы [23]. Отдельные предприятия частично или полностью сохранили выбранную модель и в период прекращения условий самоизоляции. Главным ограничителем цифровой трансформации российских предприятий является ограниченность

финансовых ресурсов, поскольку для обеспечения полноценной цифровизации бизнеса необходимы затраты в размере от 3 до 10 % годовой выручки [24].

Некоторые предприятия выбрали гибкие формы работы с персоналом, а не только традиционно реализуемые на российском рынке труда – ценовую и временную подстройку [17, 18, 25, 26]. Например, через управление производительностью труда, управление лояльностью и развитием персонала [27]. Использование гибких форм занятости, в частности краткосрочных контрактов, услуг фрилансеров, а также привлечения специалистов на условиях аутсорсинга тоже являются отражением изменений в моделях поведения предприятий под влиянием нестабильности [28, 29].

Новой тенденцией адаптации предприятий к условиям нестабильности стало изменение вектора основной деятельности в сторону повышения ее социальной направленности. Это касается развития проектов социального предпринимательства, например в рамках решения проблем занятости в кризисных условиях путем целенаправленного создания дополнительных рабочих мест [30]; реализации проектов, направленных на оказание поддержки нуждающимся гражданам в обеспечении товарами первой необходимости [31]. Также имеются практики переориентации бизнеса на решение задач устойчивого развития. В частности, внимание населения к качеству

продуктов питания, свойствам их полезности, укрепление привычки ведения здорового образа жизни и ответственного потребления стали факторами, поддерживающими стремление предприятий к модернизации производственных линий в соответствии с целями снижения экологического следа и реализации проектов, соответствующих задачам ответственного потребления [32]. В период нестабильности, вызванной эпидемиологическими факторами, увеличилось количество проектов, реализуемых российскими предприятиями в рамках экологических инноваций, связанных с обеспечением безопасности продуктов и их производства [33, 34].

В-третьих, адекватность реагирования предприятия на меры государственной поддержки определяется как самим хозяйствующим субъектом и его включенностью во взаимодействие с системой государственного управления, так и реализуемыми мерами государственной политики, то есть создаваемыми возможностями.

Если проанализировать рейтинг стран в соответствии с индексом предпринимательства Seoworld (который включает такие субиндексы, как инновации, конкурентоспособность, доступ к капиталу, инфраструктура, трудовые навыки и открытость для бизнеса), то можно сделать вывод, что сформированные в России условия для развития предпринимательской активности далеки от совершенства (рис. 4).

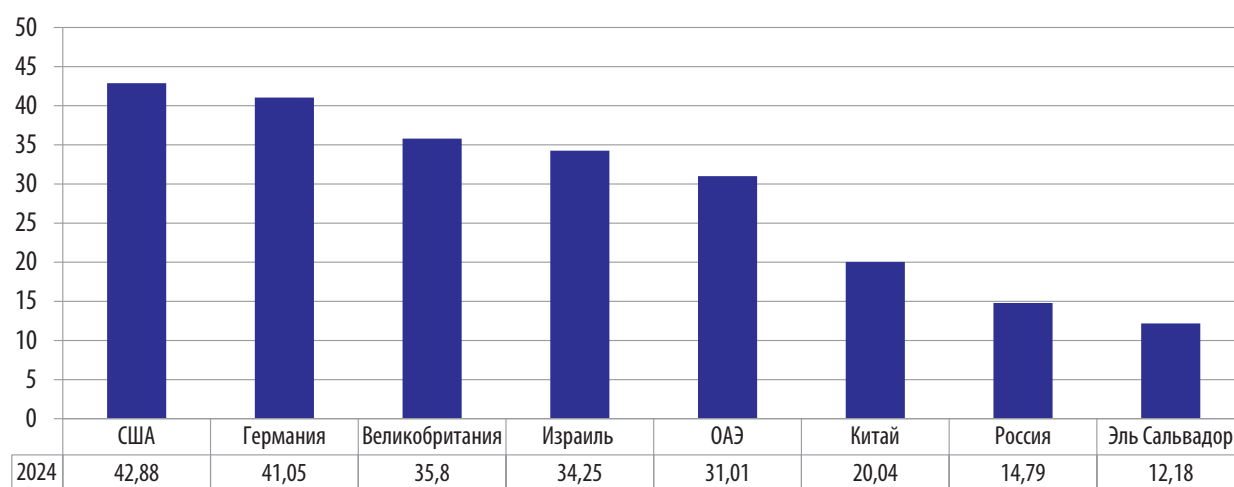

Рис. 4. Россия в рейтинге стран в соответствии с индексом предпринимательства, 2024 г.

Примечание: составлено авторами по данным Seoworld [35].

Данные рис. 4 позволяют сделать вывод о том, что в 2024 г. лидерами рейтинга стали США, а Россия расположилась на 54-м месте. Если проанализировать составляющие данного рейтинга, то можно отметить особо низкие позиции России в разрезе субиндексов «открытость бизнесу» и «конкурентоспособность». Другими словами, предприятия, осуществляющие предпринимательскую деятельность в России, должны иметь значительные преимущества в части адаптивности, чтобы динамично развиваться в условиях нестабильности.

Вместе с тем можно констатировать, что в период нестабильности правительством было реализовано множество форм поддержки предпринимательской активности, однако эффект от их внедрения был различным из-за недоиспользования предприятиями всего комплекса предоставляемых возможностей [1]. Это касается как мер, реализованных в период пандемии, так и мер государственной политики, направленных на поддержку российских предприятий в условиях санкционного воздействия. Можно выделить как минимум три основные программы, в рамках которых оказывается поддержка малым и средним предприятиям: антикризисная, реализованная в целях поддержки предпринимателей в связи с COVID-19; инвестиционная, реализуемая при участии Банка России и Корпорации МСП и связанная с предоставлением льготных инвестиционных кредитов малым и средним предприятиям; программа оборотного кредитования [36]. Все программы имеют и региональный ракурс, адаптируясь под специфику конкретного региона [37].

В основе комплексного подхода к повышению адаптивности предприятий к изменениям и преодолению вызовов нестабильности, по мнению авторов, должны лежать:

– осознание социальной ответственности и выбор вектора движения в соответствии

с реализацией задач социальной значимости бизнеса;

– открытость изменениям и оперативность реагирования на возникающие вызовы, гибкое подстраивание под изменяющиеся условия;

– способность применять инновационные способы организации деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании представлен развернутый анализ воздействия современных факторов нестабильности на процесс функционирования предприятий.

На основании изучения показателей функционирования предприятий в период нестабильности сделан вывод, что адаптация к условиям нестабильности происходила за счет смены организационно-правовой формы деятельности предприятий, отсеивания неконкурентоспособных единиц и оптимизации численности персонала.

В статье приводятся обоснования, что устойчивость предприятия в условиях нестабильности определяется стратегическим видением перспектив развития предприятия и осознанием социальной значимости его деятельности в будущем. Обоснования строятся на анализе практик поведения российских предприятий в период нестабильности, вызванной пандемией, а также в условиях действия экономических санкций.

Определено, что в процессе адаптации к изменениям и преодоления факторов нестабильности требуется адекватность реагирования предприятия на меры государственной поддержки и его включенность во взаимодействие с системой государственного управления.

Кроме того, авторы предложили комплексный подход к повышению адаптивности предприятий к изменениям на основе принципов социальной ответственности, открытости изменениям и оперативности реагирования на вызовы, инновационности принимаемых мер.

Список источников

1. Карпунина Е. К., Карпунин Д. В., Алехина О. Ф. и др. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности. М.: Русайнс, 2022. 306 с.

References

1. Karpunina E. K., Karpunin D. V., Alekhina O. F. et al. *Sovremennye podkhody k obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva i regionov v eru neopredelennosti*. Moscow: Rusayns; 2022. 306 p. (In Russ.).

2. Карпунина Е. К., Усанов А. Ю., Труфанова С. А. и др. Внешнеэкономическая деятельность как детерминант экономической безопасности России: оценка угроз и перспектив развития в условиях санкционных ограничений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 5. С. 10–26. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-10-26>.
3. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A. et al. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. In: Popkova E. G., ed. Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham: Springer, 2022. p. 639–645.
4. Алехина О. Ф., Плясова С. В., Языкова С. В. и др. Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 3. С. 312–322. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-312-322>.
5. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Бакалова Т. В. Инструменты укрепления экономической безопасности государства в период социально-экономической и геополитической нестабильности // Дружковский вестник. 2022. № 5. С. 24–34. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-5-24-34>.
6. Бейлина А. Ф., Зинченко Н. В., Нигматуллина Г. Р. и др. Исследование современных экономических кризисов и их влияния на деятельность организаций // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 2. С. 160–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-160-169>.
7. Усанов А. Ю., Мазунина М. В., Абалакин А. А. и др. Исследование воздействия пандемии на хозяйственные системы сквозь призму экономической безопасности // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 1. С. 52–63. <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-1-52-63>.
8. Galieva G. F., Shugaeva O. V., Shvetsova I. N. et al. A mechanism for overcoming the negative consequences of Covid lockdowns in Russian organizations. In: Lazareva E. I., Murzin A. D., Rivza B. A., Ostrovskaya V. N., eds. Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Cham: Springer, 2023. p. 55–67.
9. Абалакин А. А., Яковлев А. В., Акименко В. А. и др. Развитие цифрового сегмента российского предпринимательства в условиях пандемии // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 2. С. 148–159. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-148-159>.
10. Isaeva E. A., Materova E. S., Galieva G. F. et al. Pandemic and sanctions: a study of economic shocks in the Russian economy. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations. Cham: Springer, 2024. p. 445–451.
2. Karpunina E. K., Usanov A. Yu., Trufanova S. A. et al. Foreign economic activity as a determinant of Russia's economic security: assessment of threats and prospects for development under sanctions restrictions. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022;12(5):10–26. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-5-10-26>. (In Russ.).
3. Gukasyan Z. O., Tavbulatova Z. K., Aksenova Z. A. et al. Strategies for adapting companies to the turbulence caused by the COVID-19 pandemic. In: Popkova E. G., ed. Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Cham: Springer; 2022. p. 639–645.
4. Alekhina O. F., Plyasova S. V., Yazykova S. V. et al. Overcoming crises of 2008 and 2020 by developed and developing countries: Comparative analysis. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2023;8(3):312–322. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-312-322>. (In Russ.).
5. Karpunina E. K., Moiseev S. S., Bakalova T. V. Tools for strengthening the economic security of the state in the period of socio-economic and geopolitical instability. *Drukerovskij vestnik*. 2022;(5):24–34. <https://doi.org/10.17213/2312-6469-2022-5-24-34>. (In Russ.).
6. Beilina A. F., Zinchenko N. V., Nigmatullina G. R. et al. Contemporary economic crises and their impact on the activities of organizations. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2023;8(2):160–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-160-169>. (In Russ.).
7. Usanov A. Yu., Mazunina M. V., Abalakin A. A. et al. Study of the pandemic influencing economic systems through the prism of economic security. *Surgut State University Journal*. 2023;11(1):52–63. <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-1-52-63>. (In Russ.).
8. Galieva G. F., Shugaeva O. V., Shvetsova I. N. et al. A mechanism for overcoming the negative consequences of Covid lockdowns in Russian organizations. In: Lazareva E. I., Murzin A. D., Rivza B. A., Ostrovskaya V. N., eds. Innovative Trends in International Business and Sustainable Management. Cham: Springer; 2023. p. 55–67.
9. Abalakin A. A., Yakovlev A. V., Akimenko V. A. et al. Digital entrepreneurship in Russia: development during the pandemic. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2023;8(2):148–159. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-148-159>. (In Russ.).
10. Isaeva E. A., Materova E. S., Galieva G. F. et al. Pandemic and sanctions: a study of economic shocks in the Russian economy. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations. Cham: Springer; 2024. p. 445–451.

- in the Russian economy. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. *Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations*. Cham: Springer, 2024. p. 445–451.
11. Хашир Б. О., Московцева Л. В., Корякина Т. В. и др. Управление рисками экономической безопасности хозяйственных систем // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 74–84. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-7>.
 12. Galieva G. F., Mirgorod E. E., Alekhina O. F. et al. Anti-crisis technologies for improving the efficiency of the organization's personnel management. In: Popkova E. G., Polukhin A. A., Ragulina J. V., eds. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security*. Cham: Springer, 2022. p. 887–896.
 13. Пилипчук Н. В., Соболевская Т. Г., Федотова Е. В. и др. Стимулирование предпринимательской активности в условиях пандемической реальности: налоговый инструментарий // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2022. № 3. С. 50–59. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-3-209-50-59>.
 14. Лубова Т. Н., Усанов А. Ю., Труфанова С. А. Развитие финтехсегмента рынка финансовых услуг в России: вызовы пандемии и перспективы роста // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 3. С. 180–190. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-3-180-190>.
 15. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.01.2024&level=2&fo=&ssrf=&t=1727531547845&t=1727531547845> (дата обращения: 06.02.2025).
 16. Специальный налоговый режим для самозанятых граждан // Федеральная налоговая служба : офиц. сайт. URL: <https://npd.nalog.ru/> (дата обращения: 06.02.2025).
 17. Королук Е. В., Пилипчук Н. В., Плясова С. В. и др. Трансформация рынка труда в условиях неопределенности: новые формы, факторы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 21, № 4. С. 15–25. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).15-25](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).15-25).
 18. Королук Е. В., Пилипчук Н. В., Плясова С. В. и др. Адаптационные механизмы российского рынка труда в условиях неопределенности // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2024. Т. 22, № 1. С. 16–26. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22\(1\).16-26](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22(1).16-26).
 19. Институциональные преобразования в экономике // Федеральная служба государственной
 11. Khashir B. O., Moskovtseva L. V., Koryakina T. V. et al. Economic security risks management of business systems. *Surgut State University Journal*. 2024;12(1):74–84. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-7>. (In Russ.).
 12. Galieva G. F., Mirgorod E. E., Alekhina O. F. et al. Anti-crisis technologies for improving the efficiency of the organization's personnel management. In: Popkova E. G., Polukhin A. A., Ragulina J. V., eds. *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security*. Cham: Springer, 2022. p. 887–896.
 13. Pilipchuk N. V., Sobolevskaya T. G., Fedotova E. V. et al. Stimulating entrepreneurial activity in the conditions of pandemic reality: tax tools. *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2022;(3):50–59. <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2022-3-209-50-59>. (In Russ.).
 14. Lubova T. N., Usanov A. Yu., Trufanova S. A. Development of the fintech segment of the financial services market in Russia: pandemic challenges and growth prospects. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022;12(3):180–190. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-3-180-190>. (In Russ.).
 15. Kolichestvo yuridicheskikh lits i individualnykh predprinimateley, svedeniya o kotorykh soderzhat-sya v Edinom reestre subyektov malogo i srednego predprinimatelstva. *Federalnaya nalogovaya sluzhba*. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.01.2024&level=2&fo=&ssrf=&t=1727531547845&t=1727531547845> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
 16. Spetsialniy nalogoviy rezhim dlya samozanyatykh grazhdan. *Federalnaya nalogovaya sluzhba*. URL: <https://npd.nalog.ru/> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
 17. Korolyuk E. V., Pilipchuk N. V., Plyasova S. V. et al. Transformation of the labor market in conditions of uncertainty: New forms, factors and prospects. *Herald of Omsk University. Series: Economics*. 2023;21(4):15–25. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).15-25](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).15-25). (In Russ.).
 18. Korolyuk E. V., Pilipchuk N. V., Plyasova S. V. et al. Adaptation mechanisms of the Russian labor market in conditions of uncertainty. *Herald of Omsk University. Series: Economics*. 2024;22(1):16–26. [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22\(1\).16-26](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2024.22(1).16-26). (In Russ.).
 19. Institutsionalnye preobrazovaniya v ekonomike. *Federalnaya nalogovaya sluzhba*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics#> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
 20. Karpunina E. K., Ponomarev S. V., Fedotova E. V. Identification of pandemic risks during the analysis of economic security of regions. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2022;12(2):99–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-2-99-112>. (In Russ.).

- статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics#> (дата обращения: 06.02.2025).
20. Карпунина Е. К., Пономарев С. В., Федотова Е. В. Идентификация рисков пандемии при проведении анализа экономической безопасности регионов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 2. С. 99–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-2-99-112>.
21. Пандемия и переход компаний на «удаленку». Индекс цифровизации малого и среднего бизнеса // НАФИ : офиц. сайт. URL: <https://nafi.ru/analytics/pandemiya-i-perekhod-kompaniy-na-udalenu-indeks-tsifrovizatsii-malogo-i-srednego-biznesa/> (дата обращения: 06.02.2025).
22. Шпилёва А. А. Процессы цифровизации в компаниях малого и среднего бизнеса в условиях пандемии // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 299–312. <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111637>.
23. Мир как офис // РБК : офиц. сайт. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/mir-kak-ofis> (дата обращения: 06.02.2025).
24. Пандемия ускорила цифровизацию бизнеса. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f8f191f7a8aa930ddd3c511> (дата обращения: 06.02.2025).
25. Карпунина Е. К., Моисеев С. С., Карпунин К. Д. Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности // Друkerовский вестник. 2022. № 1. С. 156–165.
26. Коновалова М. Е., Плюснина О. В., Федотова Е. В. Гибкость рынка труда как фактор восстановления экономики после пандемии COVID-19 // Journal of New Economy. 2023. Т. 24, № 4. С. 64–81. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-4-4>.
27. Рябухин А. В. Влияние пандемии COVID-19 на практики управления персоналом в промышленных компаниях // Интеллектуальное управление бизнес-процессами в промышленности : сб. докладов междунар. конф., 22–24 апреля 2021 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : УрФО. 2021. С. 276–281.
28. Karpunina E. K., Okunkova E. A., Molchan A. S. et al. Management of personnel professional development as a condition of digital transformation of the organization // International Journal of Learning and Change. 2023. Vol. 15, no. 4. P. 365–387.
29. Karpunina E. K., Koryakina T. V., Furman E. N. et al. Nonstandard forms of employment in terms of digitalization: Russian specifics. In: Alpidovskaya M. L., Karaseva L. A., Popkova E. G., eds. Reimagining Socioeconomic Development of Russia: New Directions, Theory, and Practice. Cham: Springer, 2022. p. 141–153.
30. Антонова Г. В., Мирзабалаева Ф. И., Бондарчук А. Г. Проблемы трудоустройства выпускников образовательных организаций в условиях
21. Pandemiya i perekhod kompaniy na “udalenuku”. Indeks tsifrovizatsii malogo i srednego biznesa. NAFI. URL: <https://nafi.ru/analytics/pandemiya-i-perekhod-kompaniy-na-udalenu-indeks-tsifrovizatsii-malogo-i-srednego-biznesa/> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
22. Shpilyova A. A. Digitalization processes in small and medium-sized businesses in the context of a pandemic. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2021;11(2):299–312. <https://doi.org/10.18334/epp.11.2.111637>. (In Russ.).
23. Mir kak ofis. RBK. URL: <https://plus.rbc.ru/specials/mir-kak-ofis> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
24. Pandemiya uskorila tsifrovizatsiyu bisnesa. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f8f191f7a8aa930ddd3c511> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
25. Karpunina E. K., Moiseev S. S., Karpunin K. D. Transformation of the labor market during the pandemic: New economic security risks. *Drukerovskij vestnik*. 2022;(1):156–165. (In Russ.).
26. Konovalova M. Ye., Plyusnina O. V., Fedotova E. V. Labour market flexibility as a factor in economic recovery after the COVID-19 pandemic. *Journal of New Economy*. 2023;24(4):64–81. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-4-4>. (In Russ.).
27. Ryabukhin A. V. Impact of the COVID-19 pandemic on human resources in industrial companies In: *Proceedings of International Conference of students and young scientists “Vesennie dni nauki”*, April 22–24, 2021, Yekaterinburg. Yekaterinburg: UrFU; 2021. p. 276–281. (In Russ.).
28. Karpunina E. K., Okunkova E. A., Molchan A. S. et al. Management of personnel professional development as a condition of digital transformation of the organization. *International Journal of Learning and Change*. 2023;15(4):365–387.
29. Karpunina E. K., Koryakina T. V., Furman E. N. et al. Nonstandard forms of employment in terms of digitalization: Russian specifics. In: Alpidovskaya M. L., Karaseva L. A., Popkova E. G., eds. Reimagining Socioeconomic Development of Russia: New Directions, Theory, and Practice. Cham: Springer; 2022. p. 141–153.
30. Antonova G. V., Mirzabalaeva F. I., Bondarchuk A. G. Problems of graduates employment in the context of the coronavirus pandemic. *Russian Journal of Labor Economics*. 2020;7(12):1249–1268. <https://doi.org/10.18334/et.7.12.111230>. (In Russ.).
31. Kalendzhyan S. O., Kadol N. F. Development of social entrepreneurship and social initiatives in the context of the COVID-19 pandemic. *Creative Economy*. 2021;15(3):929–942. <https://doi.org/10.18334/ce.15.3.111757>. (In Russ.).
32. Trendy potrebleniya rossiyanami produktov pitaniya. URL: <https://силдэйр.рф/blog/tpost/c6x8dczho1-trendi-potrebleniya-rossiyanami-produkto> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
33. Rume T., Islam D.-U. Environmental effects of COVID-19 pandemic and potential strategies of sus-

- пандемии коронавируса // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 12. С. 1249–1268. <https://doi.org/10.18334/et.7.12.111230>.
31. Календжян С. О., Кадол Н. Ф. Развитие социального предпринимательства и социальных инициатив в условиях пандемии COVID-19 // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 3. С. 929–942. <https://doi.org/10.18334/ce.15.3.111757>.
32. Силдэйр. Тренды потребления россиянами продуктов питания. URL: <https://силдэйр.рф/blog/tpost/c6x8dczho1-trendi-potrebleniya-rossiyanami-produkto> (дата обращения: 06.02.2025).
33. Rume T., Islam D.-U. Environmental effects of COVID-19 pandemic and potential strategies of sustainability // *Heliyon*. 2020. Vol. 6, no. 9. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04965>.
34. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N. et al. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. In: Popkova E. G., Sergi B. S., eds. *Geo-Economy of the Future*. Cham: Springer, 2022. p. 85–96.
35. World's Most Entrepreneurial Countries, 2024. URL: <https://ceoworld.biz/2024/04/05/worlds-most-entrepreneurial-countries-2024/> (дата обращения: 06.02.2025).
36. Поддержка малого и среднего бизнеса в условиях санкций. URL: <https://www.garant.ru/article/1532971/> (дата обращения: 06.02.2025).
37. Меры поддержки субъектов предпринимательской деятельности в период действия экономических санкций. URL: https://www.rmfp.ru/documents/Meri_podderjki_10.05.2023.pdf (дата обращения: 06.02.2025).
- tainability. *Heliyon*. 2020;6(9). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04965>.
34. Karpunina E. K., Ruzhanskaya N. V., Podorova-Anikina O. N. et al. Transformation of consumer behavior during the COVID-19 pandemic. In: Popkova E. G., Sergi B. S., eds. *Geo-Economy of the Future*. Cham: Springer, 2022. p. 85–96.
35. World's Most Entrepreneurial Countries. 2024. URL: <https://ceoworld.biz/2024/04/05/worlds-most-entrepreneurial-countries-2024/> (accessed: 06.02.2025).
36. Podderzhka malogo i srednego biznesa v usloviyakh sanktsiy. URL: <https://www.garant.ru/article/1532971/> (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).
37. Mery podderzhki subyektov predprinimatelskoy deyatelnosti v period deystviya ekonomicheskikh sanktsiy. URL: https://www.rmfp.ru/documents/Meri_podderjki_10.05.2023.pdf (accessed: 06.02.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Е. Кукина – кандидат экономических наук, доцент;
eeukina@fa.ru

Ю. В. Иода – кандидат экономических наук, доцент;
tibrioda@yandex.ru

Е. В. Федотова – кандидат экономических наук, доцент;
st200929@mail.ru

Н. А. Бондарева – кандидат экономических наук, доцент;
bna008@mail.ru

About the authors

E. E. Kukina – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
eeukina@fa.ru

Yu. V. Ioda – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
tibrioda@yandex.ru

E. V. Fedotova – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
st200929@mail.ru

N. A. Bondareva – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
bna008@mail.ru

Научная статья

УДК 658.78:005.95

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-6>

Построение модели компетенций с использованием функционально-стоимостного анализа на примере кладовщика

Татьяна Анатольевна Минеева[✉], Надежда Анатольевна Кузнецова, Наталия Евгеньевна Калинина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам соответствия квалификации сотрудника и его выполняемым функциям. Цель данной статьи – сочетание технологии анализа структуры бизнес-процессов и функционально-стоимостного метода для оптимизации работы сотрудника складского хозяйства. Рассматривается гипотеза возможности применения двух направлений анализа: сверху вниз – анализ бизнес-процессов подразделения и снизу вверх – анализ соответствия выполняемых функций и модели компетенций для сотрудника. В статье инструменты выделения и анализа бизнес-процессов, функционально-стоимостного анализа применяются на примере функций сотрудника склада – кладовщика. В рамках исследования было построено несколько моделей: структура бизнес-процессов подразделения, матрица ответственности сотрудников по функциям/бизнес-процессам, функционально-стоимостная модель, структура компетенций кладовщика. На основании анализа моделей и перекрестного сравнения были выделены проблемы, связанные с некорректной структурой бизнес-процессов и несоответствием компетенций кладовщика. Для решения проблем предложено альтернативное выделение бизнес-процессов без кардинального изменения структуры ответственности подразделения и модель компетенций с показателями оценки для сотрудника. В результате формируется более сбалансированная функционально-стоимостная диаграмма кладовщика, новые компетенции и показатели для оценки эффективности работы сотрудника. Данный подход позволяет провести системный анализ работы подразделения, оценить вклад сотрудника и учесть дополнительные факторы, влияющие на выполнение показателей всего подразделения.

Ключевые слова: машиностроительное предприятие, работа склада, бизнес-процессы подразделения, функционально-стоимостной анализ, показатели бизнес-процесса, матрица ответственности, эффективность работы кладовщика, компетенции кладовщика

Для цитирования: Минеева Т. А., Кузнецова Н. А., Калинина Н. Е. Построение модели компетенций с использованием функционально-стоимостного анализа на примере кладовщика // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 53–60. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-6>.

Original article

Competency model creation using function cost analysis on example of storekeeper

Tatyana A. Mineeva[✉], Nadezhda A. Kuznetsova, Nataliya E. Kalinina

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article addresses issues of employee qualification matching job functions. The purpose of the article is to combine the technology of business process structure analysis and function-cost method to optimize the performance of a warehouse employee. This analysis considers two approaches: a top-down examination of departmental business processes and a bottom-up comparison of employee functions to the competency model. The tools of business process identification and analysis, function cost analysis are applied

on the example of storekeeper's functions. The research created several models: the structure of subdivision business processes, the matrix of employee responsibilities according to functions and business processes, the function cost model, and the storekeeper's competence structure. Based on the analysis of the models and cross comparison, the issues related to incorrect business process structure and inconsistency of storekeeper's competences are highlighted. We propose an alternative identification of business processes and a competence model with employee evaluation indicators to solve these problems, without radically altering the division of responsibilities. This generates a more balanced function cost diagram for the storekeeper, along with new competences and performance indicators for the employee. This approach allows for a systematic analysis of the department's performance to assess the employee's contribution and take into account additional factors that affect the performance of the entire department.

Keywords: machine-building enterprise, storehouse operation, department business processes, function cost analysis, business process indicators, responsibility matrix, storekeeper's work efficiency, storekeeper's competencies

For citation: Mineeva T. A., Kuznetsova N. A., Kalinina N. E. Competency model creation using function cost analysis on example of storekeeper. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):53–60. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-6>.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «компетенция» сегодня широко используется как в учебных заведениях для описания результатов обучения, так и на предприятиях – для формирования требований к специалистам. Причем если в учебных заведениях этот термин является наследником для совокупности «знать – уметь – владеть» и более-менее понятно его наполнение, то в контексте производственного подразделения возникают проблемы, связанные с разрывом между требованиями к должности – выполняемыми функциями и оценкой качества работы. В статье предлагается анализ бизнес-процессов складского подразделения и функционально-стоимостный анализ модели компетенций его сотрудника – кладовщика. По результатам разрабатывается новая модель.

Актуальность работы заключается в разработке модели компетенций на основании сочетания двух точек зрения: бизнес-процессов подразделения и структуры ответственности сотрудника. Авторами предлагается использование функционально-стоимостного анализа для оценки корректности текущей модели компетенций.

Целью настоящего исследования является обоснование построения модели профессиональных компетенций специалиста подразделения наукоемкого производства, отвечающей требованиям цифровой индустрии, создающей принципиально новые бизнес-

модели, социальные и организационно-экономические механизмы, инновационные экосистемы.

Стандартно под моделью профессиональных компетенций исследователи понимают [1–12]: описательную характеристику качеств и профессиональных компетенций, знаний, умений и навыков специалиста, способного решать практические задачи и выполнять необходимые трудовые функции в определенной сфере, а также соответствовать требованиям рынка труда. В рамках исследований предлагаются классификации компетенций и построение модели [1–8]. Как иллюстрация авторами разрабатываются модели с привязкой к специалисту (например, в работе И. Н. Иванова [3] предлагается модель для бухгалтера, а в работах Е. Е. Василенко [4] и М. С. Блохина [5] – для менеджера) или универсальные модели [7, 8].

Авторами работ [11, 12] рассматривается дополнительная функция использования модели компетенций как управление профессиональными знаниями. На основании данной модели строятся процессы отчуждения, формализации и повышения эффективности использования профессиональных знаний.

Настоящее исследование позволяет представить эффективную модель построения компетенций благодаря параллельному использованию функционально-стоимостного метода и анализа бизнес-процессов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой исследования решения поставленных задач, определенных целью работы, являются системный, методический подход к оценке работы кладовщика машиностроительного предприятия, структурно-логический анализ.

Преимущества использования функционально-стоимостного анализа для построения модели компетенций состоят в возможности сопоставления трудовых затрат и их значимости для выполняемых функций. Построение функционально-логических, структурных и объектных моделей позволяет выявить требования к компетенциям для работника склада. Возможность рассмотреть функции подразделений и зоны их контроля в разных представлениях дает дополнительные идеи для оптимизации работы как подразделения в целом, так и отдельного сотрудника.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На машиностроительном предприятии «АЛЬФА» проблемным участком (зоной) в сфере управления служат работы, связанные со складской деятельностью. Анализ трудоемкости реализации отдельных операций складирования показал, что ряд работ обладает значительной трудоемкостью. К таким работам на анализируемом объекте относится оперативный учет движения товарно-материальных цен-

ностей (далее по тексту – ТМЦ). Значительная трудоемкость связана с недостаточной автоматизацией обработки документов, таких как: дефектные ведомости, акты на ремонт и списание, приходно-расходные документы и т. д.

Одной из проблем по учету материалов вместе со снижением трудоемкости является необходимость создать условия для своевременного и надежного направления в производство заказанных материалов. Решение данной задачи при недостаточной автоматизации невозможно.

Цель данного исследования – анализ и корректировка функционала сотрудника с разных позиций: текущая работа, результаты работы подразделения, квалификация сотрудника и оценка эффективности его работы. Рассматривается гипотеза: сочетание анализа бизнес-процессов подразделения и функционально-стоимостного анализа помогает оптимизировать работу сотрудника.

Был проведен анализ структуры бизнес-процессов и распределения задач между сотрудниками склада (табл. 1), выделены следующие проблемы.

1. В качестве бизнес-процессов выделены задачи, которые не обладают целостностью. Например, «подготовка отчетов», «контроль наличия расходных материалов» и т. д. Это приводит к увеличению незавершенных задач и отсутствию конечного ответственного.

Таблица 1

Текущая матрица ответственности сотрудников склада

Функция склада	Бизнес-процессы	Начальник	Оператор	Кладовщик	Грузчик
Управление складом	Общее руководство складом	ОИ	–	–	–
	Осуществление документального контроля	О	И	–	–
	Подготовка отчетов	–	ОИ	–	–
	Управление складскими операциями	О	И	–	–
Взаимодействие с контрагентами	Обеспечение взаимодействия с внутренними и внешними контрагентами	ОИ	И	–	–
Учет рабочего времени	Контроль учета рабочего времени сотрудников	ОИ	–	–	–
	Ведение учета рабочего времени	ОИ	–	–	–

Окончание таблицы 1

Функция склада	Бизнес-процессы	Начальник	Оператор	Кладовщик	Грузчик
Учет материалов, ТМЦ	Контроль наличия расходных материалов	О	–	И	–
	Распечатка документов по перемещению ТМЦ	–	ОИ	–	–
	Ведение учета ТМЦ в электронном и бумажном виде на всех стадиях нахождения на складе	О	ОИ	–	–
	Приемка и выдача ТМЦ	–	–	ОИ	И
	Хранение ТМЦ	–	–	ОИ	–
	Оперативный учет движения ТМЦ	–	–	ОИ	–
	Контроль над состоянием запасов ТМЦ. Выполняют погрузку, разгрузку ТМЦ	О	–	И	–
	Перемещение ТМЦ внутри склада и за его пределами	–	–	О	И
	Подготовка отчетов	–	ОИ	–	–
Работа с оборудованием	Своевременное обслуживание погрузочно-разгрузочной техники	О	–	–	И
	Контроль состояния техники	О	–	–	И

Примечание: О – ответственный, И – исполнитель.
Составлено авторами.

2. Перегрузка начальника отдела дублирующими и мелкими задачами. Например, «осуществление документального контроля», «ведение учета ТМЦ в бумажном и электронном виде». Начальник отдела не успевает заниматься управленческими функциями, что приводит к снижению эффективности принимаемых решений.

3. Частичное дублирование: «подготовка отчетов» и «осуществление документального

контроля». Тут проблема «лишнего» ответственного – непонятно, кто за что отвечает.

4. Параллельное создание запросов, заявок в информационной системе и бумажном виде. Появляется разница в документах, что приводит к ошибкам в учете движения ТМЦ.

На основании построенной структурно-элементной схемы была проведена классификация функций и расчет затрат и значимости функций для кладовщика (рис. 1).

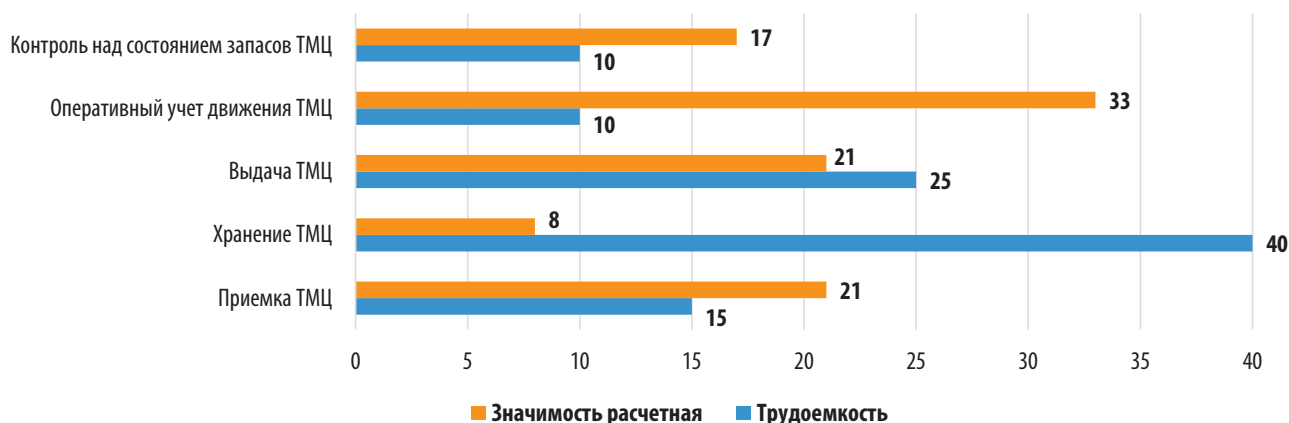

Рис. 1. Функционально-стоимостная диаграмма текущего состояния функций кладовщика

Примечание: составлено авторами.

Значимость и трудозатраты почти совпадают только у функции «Выдача ТМЦ». Причем у функций «Приемка ТМЦ», «Оперативный учет ТМЦ» и «Контроль над состоянием запасов ТМЦ» перекося в сторону значимости, а в функции «Хранение ТМЦ» – в трудозатраты. По данной диаграмме видна большая разбалансировка значимости и трудоемкости, что приводит к проблемам с оценкой эффективности работы сотрудников и мотивацией.

Была проведена перегруппировка задач в рамках текущего функционала и выделены новые бизнес-процессы. Что привело к новому распределению ответственности между сотрудниками склада (табл. 2).

На основании новой матрицы ответственности изменилась и функционально-стоимостная диаграмма состояния функций кладовщика (рис. 2).

Таблица 2

Новая матрица ответственности сотрудников склада

Функция склада	Бизнес-процессы	Начальник	Оператор	Кладовщик	Грузчик
Управление складом	Общее руководство складом	ОИ	–	–	–
	Ведение документооборота	О	И	И	–
	Управление складскими операциями	О	И	–	–
	Ведение учета рабочего времени	О	И	И	–
Взаимодействие с контрагентами	Обеспечение взаимодействия с внутренними и внешними контрагентами	ОИ	И	–	–
Учет материалов, ТМЦ	Ведение учета ТМЦ в электронном и бумажном виде на всех стадиях нахождения на складе	О	И	И	–
	Приемка, хранение и выдача ТМЦ	–	О	И	И
	Перемещение ТМЦ внутри склада и за его пределами	–	–	О	И
Работа с оборудованием	Обслуживание погрузочно-разгрузочной техники	О	–	–	И
	Контроль состояния техники	О	–	–	И

Примечание: О – ответственный, И – исполнитель.
Составлено авторами.

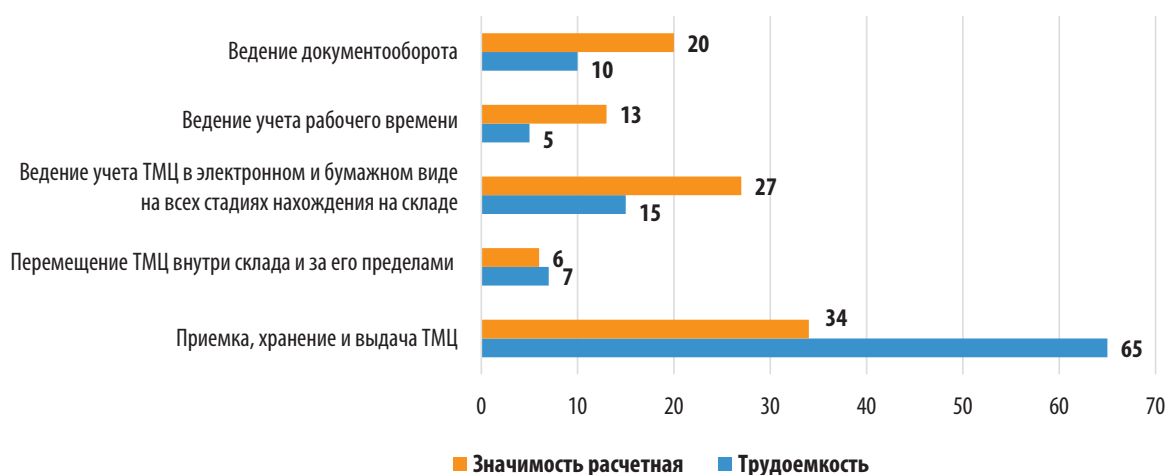

Рис. 2. Функционально-стоимостная диаграмма нового распределения функций кладовщика

Примечание: составлено авторами.

При анализе функционально-стоимостной диаграммы видно, что наибольшее рассогласование у функции «Приемка, хранение и выдача ТМЦ» в сторону избыточной трудоемкости. У функций «Ведение учета ТМЦ ...», «Ведение документооборота», «Ведение учета рабочего времени» перекося идет в сторону значимости. Данное рассогласование можно скорректировать за счет изменения требований к квалификации кладовщика и введением новых показателей эффективности работы сотрудника.

Если мы начинаем смотреть требования к должности кладовщика и его компетенции, данные рассогласования становятся понятными. Список требований:

- знать основы документооборота;
- проверять качество принимаемых и отпускаемых товаров, сверять их с сопроводительными документами;
- разбираться в ассортименте продукции и требованиях к условиям хранения;
- следить за исправностью рабочего оборудования и инструментов;
- проводить инвентаризацию ТМЦ, докладывать о результатах проверки руководству предприятия.

В компетенциях нет ссылок на используемые технологии, автоматизированный учет и уровень принимаемых решений.

Нами предлагается новый список компетенций для оценки работы кладовщика:

- способен собирать, обрабатывать, анализировать, передавать данные и информацию с использованием цифровых средств для эффективного решения поставленных задач с учетом требований информационной безопасности;
- способен самостоятельно ставить, формализовывать и решать задачи, относящиеся к работе склада, используя методы учета, мониторинга, контроля, направленные на функции поступления, проверки наличия и отгрузки ТМЦ;
- способен осуществлять контроль работы оборудования и инструментов.

Для оценки работы кладовщика предлагаем следующие показатели:

- количество подготовленных документов в течение месяца, доля электронных документов, доля документов в двух видах (электронном и бумажном);
- время на заведение ТМЦ в систему учета, количество несоответствий между бумажным и электронным учетом;
- трудоемкость перемещения ТМЦ;
- трудоемкость для операций приемки, хранения и выдачи ТМЦ;
- оборот ТМЦ на складе.

В результате происходит корректировка работы кладовщика по текущим функциям. В качестве дополнительного преимущества получаем формирование системного мышления у сотрудника и повышение его ответственности к результатам работы.

Далее предлагается последовательность выполнения исследования. Анализ предлагается проводить по двум параллельным направлениям: функции и бизнес-процессы подразделения; задачи и эффективность работы кладовщика.

Сформулируем основные этапы анализа работы склада:

1. Выделяется система для проведения анализа. Строится организационная структура с распределением задач по сотрудникам предприятия. С помощью системного анализа выполняется группировка задач по функциям / направлениям деятельности.

2. Проводится опрос сотрудников и определяются зоны исполнения и ответственности. В результате получаем матрицу ответственности подразделения. При опросе обычно возникают пересечения с ответственностью сотрудников: у нескольких сотрудников стоит ответственность за одну и ту же задачу. Например, за задачу «Подготовка отчетов» может быть несколько ответственных – это тоже является ошибкой и необходима корректировка.

3. Список задач анализируется с позиции правильности выделения бизнес-процессов по критериям: целостность, завершенность, соответствие границам подразделения. По результатам происходит изменение бизнес-процессов и, следовательно, задач сотрудников. Тогда формируется новая матрица ответственности.

Параллельно анализируем работу кладовщика на основании его функций и матриц ответственности.

1. В качестве начальной точки берем функции кладовщика из первоначальной матрицы ответственности. Проводим анализ методом функционально-стоимостного анализа (ФСА). По терминологии ФСА она является структурно-элементной моделью.

2. Для выделенных функций определяется значимость, длительность выполнения. Значимость получается методом экспертных оценок, а длительность – на основании наблюдений и протоколов выполнения задач. Составляем функционально-стоимостную диаграмму функций. При ее анализе видны точки рассогласования.

3. Аналогичную процедуру проводим для новой матрицы ответственности и, соответственно, нового функционала кладовщика. Количество точек рассогласования уменьшается и задачи сотрудника становятся более целостными с позиции получения результата.

4. Далее анализируем требования к работе и текущие технологии. В контексте измененного функционала требуется корректировка и технологий, и компетенций сотрудника.

5. В качестве результата предлагается изменить показатели оценки работы сотрудника, чтобы они соответствовали новым компетенциям и технологиям.

Логика предлагаемого исследования начинается с анализа структуры функций и бизнес-процессов подразделения. Анализ проводится с двух направлений: от функций подразделения и работы одного сотрудника. Наши предложения касаются общего выделения бизнес-процесса, перераспределения ответственности/исполнения и повышения эффективности ра-

боты кладовщика за счет корректировки его задач, компетенций, показателей эффективности работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новая концепция анализа эффективности работы сотрудника предполагает рассмотрение работы с нескольких точек зрения: мы выделяем и анализируем бизнес-процессы подразделения на уровне общей структуры и распределения ответственности – это дает системный взгляд на работу подразделения в целом и возможные проблемные зоны; строим функционально-стоимостную модель функций сотрудника и видим соотношение значимость – затраты по всем функциям – это дает оценку работы одного сотрудника и понимание, какие процессы зависят от него индивидуально, а какие связаны с работой подразделения. Предложено изменение структуры бизнес-процессов подразделения, компетенций для кладовщика и новые показатели для оценки работы. В результате произойдет изменение структуры ответственности подразделения и корректировка квалификации кладовщика.

Таким образом, сочетание методов анализа бизнес-процессов и функционально-стоимостного анализа позволяет выявить проблемные функции работы подразделения благодаря построению функционально-стоимостной диаграммы. Взаимодействие методов обеспечивает не только снижение затрат, но и оптимизирует соотношение «значимость – затраты». Это позволяет создать новую концепцию системы управления, которая является более эффективной. Можно говорить о том, что функционально-стоимостной анализ повышает эффективность работы подразделения.

Список источников

1. Антонов Н. В., Афанасьев М. В., Куницына С. М. Модели оценки отклонений компетенций персонала организации от требований трудовых функций // Современный ученый. 2022. № 6. С. 264–269.
2. Юлаева В. А., Рудакова О. В. Использование модели компетенций для оценки персонала: отечественный и зарубежный подход // Вестник аграрной науки. 2022. № 6. С. 150–155.

References

1. Antonov N. V., Afanasyev M. V., Kunitsyna S. M. Models for assessing the deviations of the competencies of the organization's personnel from the requirements of labor functions. *Modern scientist*. 2022;(6):264–269. (In Russ.).
2. Yulaeva V. A., Rudakova O. V. Using a competency model to evaluate staff: domestic and foreign approach. *Bulletin of Agrarian Science*. 2022;(6):150–155. (In Russ.).

3. Иванов И. Н., Лукьянова Т. В. Разработка модели компетенций: подходы и реализация // Вестник университета. 2019. № 1. С. 14–21. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-14-21>.
4. Василенко Е. Е., Жердев С. С., Щёголева Т. В. Построение модели профессиональных компетенций менеджера наукоемкого производства // Цифровая и отраслевая экономика. 2022. № 2. С. 82–91.
5. Блохина М. С. Модель инновационных компетенций руководителя коммерческой организации // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 3. С. 31–37.
6. Казакова С. Н., Ярковская Т. В., Решетникова А. С. Модель компетенций и инструментарий для их оценки // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 1. С. 172–181. <https://doi.org/10.37691/2311-5351-2021-0-1-172-181>.
7. Этүев Х. Х., Соколова С. К., Шупаев А. В. и др. Модель и матрица компетенций, актуальных для цифровой экономики // ЦИТИСЭ. 2022. № 4. С. 284–297. <https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.27>.
8. Шарипова О. М. Модель компетенций для персонала в условиях цифровизации и Индустрии 4.0 // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 12. С. 2411–2420. <https://doi.org/10.18334/ce.13.12.41520>.
9. Тепавичарова М., Дикова Л., Яворска М. и др. Разработка модели компетенций для управления персоналом в горнодобывающем секторе // Экономика и управление инновациями. 2020. № 4. С. 66–79. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2020-4-66-79>.
10. Герасименко О. В. Формирование модели компетенций как фактор развития персонала компании // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 1. С. 32–37. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-32-37>.
11. Катаргина Н. А. Разработка модели компетенций персонала организации в контексте формирования экономики знаний // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 4. С. 31–36. <https://doi.org/10.14258/epb201944>.
12. Шевелева О. Е., Добрынин В. Н., Гончарова Я. А. Концептуальная модель оценки компетенций и знаний // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2023. Т. 12, № 2. С. 60–67.
3. Ivanov I. N., Lukyanova T. V. Development of the model of competence: approaches and implementation. *Vestnik universiteta*. 2019;(1):14–21. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-1-14-21>. (In Russ.).
4. Vasilenko E. E., Zherdev S. S., Shchegoleva T. V. Building a model of professional competencies of a knowledge-intensive production manager. *Tsifrovaya i otraslevaya ekonomika*. 2022;(2):82–91. (In Russ.).
5. Blokhina M. S. Commercial organisations head's innovative competencies model. *Digital sociology*. 2022;5(3):31–37. (In Russ.).
6. Kazakova S. N., Yarkovskaya T. V., Reshetnikova A. S. Competences model and tools for their assessment. *Herald of Moscow Humanitarian Economic University*. 2021;(1):172–181. <https://doi.org/10.37691/2311-5351-2021-0-1-172-181>. (In Russ.).
7. Etuev Kh. Kh., Sokolova S. K., Shupaev A. V. et al. Model and matrix of relevant competencies for the digital economy. *CITISE*. 2022;(4):284–297. <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.4.27>. (In Russ.).
8. Sharipova O. M. Competency model for staff in terms of digitalization and industry 4.0. *Creative Economy*. 2019;13(12):2411–2420. <https://doi.org/10.18334/ce.13.12.41520>. (In Russ.).
9. Tepavicharova M., Dikova L., Jaworska M. et al. Development of a competency model for personnel management in the mining sector. *Economics and innovation management*. 2020;(4):66–79. <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2020-4-66-79>. (In Russ.).
10. Gerasimenko O. V. Formation of a competence model as a factor in the development of the company's personnel. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2023;(1):32–37. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-32-37>. (In Russ.).
11. Katargina N. A. Development of a competence model of organization personnel in the context of forming knowledge economy. *Economics Profession Business*. 2019;(4):31–36. <https://doi.org/10.14258/epb201944>. (In Russ.).
12. Sheveleva O. E., Dobrynin V. N., Goncharova Ya. A. Conceptual model for assessing competences and knowledge. *XXI century: Resumes of the Past and Challenges of the Present Plus*. 2023;12(2):60–67. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Минеева – кандидат экономических наук, доцент;

tmineeva@list.ru

Н. А. Кузнецова – старший преподаватель;

kuznetsovana1971@gmail.com

Н. Е. Калинина – кандидат экономических наук, доцент;

nkalinina@rambler.ru

About the authors

T. A. Mineeva – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

tmineeva@list.ru

N. A. Kuznetsova – Senior Lecturer;

kuznetsovana1971@gmail.com

N. E. Kalinina – Candidate of Sciences (Economics), Docent;

nkalinina@rambler.ru

Научная статья

УДК 338.45:001.895 + 338.45: 005.216.1

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-7>

Методико-аналитический базис оценивания эффективности экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности

Алексей Владимирович Половян, Мария Юлиановна Терентьева✉

Институт экономических исследований, Донецк, Россия

Аннотация. Предмет исследования – теоретико-методические и практические проблемы оценивания эффективности экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности при управлении инвестиционно-инновационным развитием. Целью работы является совершенствование научно-методических положений анализа эффективности процессов инвестиционно-инновационного развития высокотехнологичного сектора индустрии. Основные задачи состоят в дальнейшем развитии методики оценки эффективности экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности с апробацией на показателях станкоинструментальной отрасли России. Методология работы включает методы анализа финансово-хозяйственной деятельности, балльно-регрессионного оценивания, факторно-категориального абсорбирования, служащие формированию общей картины экономического функционирования сектора высоких технологий отечественной индустрии. Авторская методика имеет признаки научной новизны, отличаясь от известных подходов критериями положительной рентабельности выпуска изделий с существенной добавленной стоимостью, роста индекса рентабельности производства индустриальной хай-тек продукции, увеличения индекса потребления высокотехнологичных изделий отрасли на внутреннем рынке, что свидетельствует о сформировавшейся региональной ресурсно-инновационной среде. Результаты исследования обеспечивают повышение продуктивности осуществления инвестиционной деятельности и реализации внутриотраслевой инновационной политики в высокотехнологичном секторе промышленности, что подтверждено апробацией на экономических показателях станкостроения и инструменталоиндустрии Российской Федерации.

Ключевые слова: экономика, методика, оценка, инвестиции, развитие, инновация, эффективность, управление, анализ, регион, рентабельность, станкоинструментальная отрасль, высокотехнологичная промышленность

Для цитирования: Половян А. В., Терентьева М. Ю. Методико-аналитический базис оценивания эффективности экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 61–69. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-7>.

Original article

Methodical and analytical basis for economic activity efficiency assessment in high-tech industry

Aleksey V. Polovyan, Mariya Yu. Terentyeva✉

Economic Research Institute, Donetsk, Russia

Abstract. The subject of the study is theoretical, methodological and practical issues of assessing the efficiency of high-tech industry's economic activity in the management of investment and innovation development. The aim of the work is to improve the scientific and methodological provisions of the performance analysis of investment and innovation development processes in high-tech industry. Further development

of a methodology for assessing high-tech industry economic activity efficiency, using Russian machine-tool industry indicators for testing, is the main task. The methodology of work includes analysis methods of financial and economic activity, linear regression method, factor analysis, which are used to form a general image of economic functioning of the high-tech sector in domestic industry. The author's methodology possesses scientific novelty. It differs from the known approaches by the criteria of positive profitability of the production of items with significant added value, growth of the profitability index of industrial high-tech products, an increase in the consumption index of high-tech products of the industry on the domestic market, which indicates a formed regional resource-innovation environment. The results of the research provide an increase in the productivity of investment activity and the implementation of intra-industry innovation policy in the high-tech industry sector, which is approved by approbation on the economic indicators of machine-tool and tool industry of the Russian Federation.

Keywords: economics, methodology, assessment, investments, development, innovation, efficiency, management, analysis, region, profitability, machine-tool industry, high-tech industry

For citation: Polovyan A. V., Terentyeva M. Yu. Methodical and analytical basis for assessing efficiency of economic activity in high-tech industry. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):61–69. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-7>.

ВВЕДЕНИЕ

Укрепление позиций России на международной арене и обеспечение социальных гарантий ее населения нуждаются в прочной экономической основе, одной из важнейших составляющих которой является индустриально-технологический суверенитет страны на внешних рынках. Особая роль в этих событиях отводится высокотехнологичным отраслям промышленности, таким как станкоинструментальная, автомобилестроительная, судостроительная, авиастроительная, ракетно-космическая и энергоатомная индустрии.

Данный сектор национального хозяйства способен создавать и тиражировать индустриальные технологии критического характера и сквозного назначения. Объективность оценки экономического эффекта от функционирования высокотехнологичных отраслей промышленности требует совершенствования методик анализа, что подтверждает актуальность исследования, формируя его цели и задачи (приведены в аннотации).

Сложность протекания процессов инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичного сектора индустрии Российской Федерации требует осмысления зарубежного и отечественного опыта научно-практических достижений в данной сфере.

Инновационное районирование высокотехнологичных зон в западных регионах

Китайской Народной Республики исследовали с позиций формирования промышленных экосистем Х. Huang, L. Ma, R. Li, Zh. Liu [1]. Применяемый метод относится к так называемому факторно-категориальному абсорбированию и может быть использован для выявления ключевых составляющих региональных ресурсно-инновационных сред, способствующих эффективной экономической деятельности высокотехнологичных отраслей промышленности России.

Предлагаемый в статье Т. В. Кокуйцевой, О. П. Овчинниковой методический подход к оцениванию эффекта от экономической деятельности предприятий высокотехнологичной отрасли индустрии дополнен креативным блоком, отражающим степень влияния цифровой трансформации на традиционную производственно-сбытовую аналитику хозяйствующих субъектов [2].

Еще одной составляющей оценки эффективности экономического функционирования высокотехнологичной отрасли индустрии выступает аналитика инновационных перспектив предприятий отрасли, которую Л. А. Гамидуллаева, Т. О. Толстых, Н. В. Шмелева предлагают осуществлять в рамках потенциальных возможностей региональных промышленных экосистем [3].

В свою очередь, Ю. А. Дорошенко, М. С. Старикова, В. Н. Ряпухина предложили методику оценивания локализационных коэффициентов

в сфере индустриализации и инновационных результативностей регионов [4].

Не умаляя значимости результатов [1–4], хотелось бы выделить работу А. М. Батьковского, П. В. Кравчука, А. Н. Стяжкина, выполненную на основе анализа инновационно-активных производств отечественной индустрии [5]. Предложены формулы оценки значений дисконтированных коэффициентов результативности инвестиций при производстве хай-тек продукции индустрии, индексов рентабельности высокотехнологичных инвестиционных проектов, для которых определены четкие границы допустимости.

Отмечая весомость научно-практических достижений работ [1–5], выскажем собственную точку зрения. Для получения совокупной оценки эффективности экономического функционирования высокотехнологичной отрасли индустрии при управлении процессами ее инвестиционно-инновационного развития отраслевые хозяйствующие субъекты необходимо анализировать в динамике, как минимум за последние пять лет, по объемам произведенных изделий с существенной долей добавленной стоимости, обусловленной интеллектуальными затратами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве объекта исследования рассматривается инвестиционно-инновационное развитие экономики высокотехнологичной отрасли промышленности.

Проверка гипотезы, достижение целей и решение задач исследования потребовали использования открытых материалов нормативно-правовой базы [6, 7], службы госстатистики [8–10], отраслевых отчетов [11, 12].

Теоретико-методическую основу работы сформировали результаты научных статей [1–5] в авторской систематизации.

На начальном этапе применения авторской методики использован метод анализа финансово-хозяйственной деятельности [3]. Метод применяется в отношении экономических субъектов высокотехнологичных отраслей промышленности, которые участвуют

в реализации отраслевых инновационных проектов [6, 7, 11, 12].

Следующая стадия применения методики задействует метод балльно-регрессионного оценивания [5], который определяет сравнительные характеристики функционирования предприятий высокотехнологичной отрасли по влиянию на качественные изменения в экономике и социальной сфере страны [6–9].

В рамках авторской методики для определения ключевых составляющих региональных ресурсно-инновационных сред в пределах границ Российской Федерации применяется метод факторно-категориального абсорбирования [1]. К этим составляющим относятся ежегодные среднедушевые инвестиционные расходы на создание и внедрение инноваций, объемы выпуска инновационной продукции, природно-охранные и экологические затраты, величины денежных сбережений домохозяйств, объемы финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в регионах Российской Федерации [8–10].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Предлагаемое исследование посвящено развитию методики оценки эффективности экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности. При разработке методики учитывались, прежде всего, ее адаптационные возможности по отношению к реалиям хозяйственно-финансовых процессов, протекающих в индустриальном секторе высоких технологий экономики Российской Федерации [10, 11].

Методика опирается на авторскую гипотезу о том, что результативность осуществления инвестиционной деятельности и реализации внутриотраслевой инновационной политики зависит от наличия ресурсно-инновационной среды в тех регионах, где территориально размещаются производственные мощности ведущих предприятий высокотехнологичной отрасли промышленности. Эффективность экономического функционирования отрасли должна оцениваться по наличию отечественных технологий критического характера

и сквозного назначения, серийному выпуску продукции, конкурентоспособной в России и за ее пределами, способностью обеспечить импортозамещение по профильным товарам и оказываемым услугам.

По нашему мнению, финансово-хозяйственные показатели следует рассматривать не в целом по выпуску предприятий отрасли, а сугубо к реализованным товарам и услугам гражданского профиля с существенной долей добавленной стоимости, которая создается в основном интеллектуальными затратами, а не дорогостоящим сырьем [8–10].

Объем реализации такой высокотехнологичной продукции обозначим g_t , где t – номер года ($t = \overline{1, T}$). Во избежание влияния инфляционных процессов фактические показатели будем отражать в ценах базового года, т. е. $t = 1$.

В расчетах, выполненных с помощью метода анализа финансово-хозяйственной деятельности [3], участвуют годовые уровни инфляции I_t (%), объемы реализации продукции с существенной добавленной стоимостью G_t (ден. ед.), затраты на выпуск K_t (ден. ед.) и ежегодные объемы внутрироссийского потребления C_t (ден. ед.) такой продукции [8–10]. Здесь G_t и K_t характеризуют изделия, произведенные в России, а C_t – как внутри страны, так и за рубежом [6].

Аналитическая основа авторской методики и пояснения к ней отражены в табл. 1.

Первое условие системы критериев (табл. 1) означает наличие положительной рентабельности выпуска продукции с существенной добавленной стоимостью в течение всего периода анализа. Второе условие определяет

Таблица 1

**Аналитический вид методики оценки эффективности экономической деятельности
высокотехнологичной отрасли промышленности**

Смысловое содержание компоненты методики	Расчетная характеристика
Объем реализации продукции с существенной добавленной стоимостью в ценах базового года	$G_1 = g_1, G_t = \frac{g_t}{\prod_{u=2}^t \left(1 + \frac{I_u}{100\%}\right)},$ $t = 2, 3, \dots, T$
Рентабельность производства продукции с существенной добавленной стоимостью	$E_t = \frac{G_t - K_t}{K_t} \cdot 100\%$
Индекс рентабельности производства продукции с существенной добавленной стоимостью	$Q_t = \frac{E_t}{E_{t-1}}$
Среднее значение индекса рентабельности	$\overline{Q}_t = \frac{1}{T-1} \cdot \sum_{t=2}^T Q_t$
Индекс потребления высокотехнологичной продукции на внутреннем рынке	$U_t = \frac{\frac{G_t}{C_t} \cdot 100\%}{\frac{G_{t-1}}{C_{t-1}} \cdot 100\%}$
Среднее значение индекса потребления	$\overline{U}_t = \frac{1}{T-1} \cdot \sum_{t=2}^T U_t$
Система критериев присвоения экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности статуса «эффективная»	$\begin{cases} E_t > 0, t = \overline{1, T}; \\ \overline{Q}_t \geq 1; \\ \overline{U}_t \geq 1. \end{cases}$

Примечание: авторская разработка.

средний стабильный рост индекса рентабельности производства индустриальной хай-тек продукции. Третье условие характеризует среднее увеличение значения индекса потребления высокотехнологичной продукции отрасли на внутреннем рынке, свидетельствующее о сформировавшейся региональной ресурсно-инновационной среде в контексте решения задач импортозамещения [6, 9], что способно подтверждать гипотезу, выдвинутую в данном исследовании.

Сопоставив полученные результаты с работами [1–5], отметим, что система критериев оценки экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности (табл. 1) является элементом научной новизны, подчеркивающим объективность как авторской методики, так и проведенного исследования в целом.

Методика носит общий характер и может служить оцениванию эффективности функционирования экономики любой высокотехнологичной отрасли промышленности. Проблемы управления процессами инвестиционно-инновационного развития отечественного сектора индустрии требуют верификации полученных научно-методических результатов на реальных показателях конкретной отрасли, в качестве которой рассмотрим станкоинструментальную отрасль – базовый сегмент фондосоздающего сектора национального хозяйства [7, 11, 12].

В статистических источниках и научно-практических публикациях экономическая деятельность отечественной станкоинструментальной отрасли подробно отражена начиная с 2016 г. [11, 12]. Во избежание влияния инфляции примем этот год за базовый. Воспользовавшись формулами из табл. 1, отобразим показатели экономики станкоинструментальной отрасли в ценах 2016 г. (табл. 2).

Деятельность предприятий отрасли не ограничивается производством станков, кузнечно-прессового и литейного оборудования, инструментов и измерительной техники, доля которых в общем количестве хозяйствующих субъектов за последние пять лет претерпевала изменения от 65 до 70 %. На выпуске комплектующих, сборочном производстве, выполнении ремонтов и модернизации, выпуске лазерной техники и оборудования других типов специализировались в среднем от 22 до 25 % компаний отрасли. Примерно двадцатая часть предприятий и организаций обеспечивала в течение последних пяти лет инжиниринг, маркетинг, повышение квалификации персонала, работу региональных представительств и конкурсных комиссий [12]. Сравнительные характеристики функционирования хозяйствующих субъектов отрасли определены методом балльно-регрессионного оценивания [5].

Существенно, что абсолютное большинство крупных и средних компаний станкостроения

Таблица 2

Производство и потребление станкоинструментальной продукции в России

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Объем внутрироссийского потребления C_i станков, машин, инструментов, млрд руб.	83,8	89,2	87,5	85,5	73,0	83,3	68,7	72,9
Совокупный объем внутрироссийского производства реализованной продукции станкоинструментальной отрасли G_p , млрд руб.	23,8	28,3	29,7	34,0	32,6	34,3	40,0	54,0
Объем производства реализованной продукции станкостроительной подотрасли, млрд руб.	11,8	13,8	13,8	15,3	15,5	18,0	16,6	24,2
Объем производства реализованной продукции инструментальной подотрасли, млрд руб.	12	14,5	16,0	18,6	17,1	16,4	23,4	29,8

Примечание: рассчитано авторами в ценах 2016 г. на основе статистической информации [11, 12].

и инструменталоиндустрии территориально располагаются в Центральном, Уральском, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах [11, 12]. Факт наличия региональных ресурсно-инновационных сред эффективного функционирования экономики анализируемой отрасли высоких технологий в пределах перечисленных территориальных единиц подтвержден методом факторно-категориального абсорбирования [1].

Уровень рентабельности реализованной продукции с существенной добавленной стоимостью E_t (%) всей станкоинструментальной отрасли оценен за период с 2016 по 2023 г. и помещен в табл. 3. Этот показатель колебался от 4,7 % (минимум) до 10,8 % (максимум), будучи строго положительным и возрастающей практически год от года. Средний уровень рентабельности за этот период составлял примерно 9,71 %.

По данным табл. 3 (третья строка) с помощью формулы из табл. 1 оценим среднее значение индекса рентабельности производства станкоинструментальной продукции с существенной добавленной стоимостью $\overline{Q}_t = 1,149$, который показывает среднегодовой рост этого показателя примерно на 14,9 %.

Аналогично по последней строке табл. 3, применив формулу из табл. 1, рассчитаем среднее значение индекса потребления высокотехнологичной продукции компаний станкоинструментальной отрасли на внутреннем рынке $\overline{U}_t = 1,156$. Следовательно, и здесь име-

ет место среднегодовое повышение приблизительно на 15,6 %.

Таким образом, выполнены все критерии авторской методики, численно отраженные неравенствами системы ограничений из табл. 1, а именно:

1) $E_t > 0$, $t = \overline{1, T}$, т. е. в течение всего анализируемого периода имела место положительная рентабельность выпуска станкоинструментальной продукции с существенной добавленной стоимостью;

2) $\overline{Q}_t = 1,149$, т. е. $\overline{Q}_t \geq 1$, что означает средний стабильный рост индекса рентабельности производства индустриальной хай-тек продукции станкоинструментальной отрасли;

3) $\overline{U}_t = 1,156$, т. е. $\overline{U}_t \geq 1$, которое характеризует среднее увеличение значения индекса потребления высокотехнологичной продукции отрасли на внутреннем рынке и свидетельствует о сформировавшейся региональной ресурсно-инновационной среде, подтверждая выдвинутую гипотезу в частном случае конкретной отрасли.

Приведенные расчеты свидетельствуют об адаптационных возможностях предложенной методики, объективности полученных результатов и научной новизне системы критериев, примененной в отношении отечественной экономики станкостроения и инструменталоиндустрии.

Итак, авторская методика, апробированная на показателях станкоинструментальной отрасли России за период с 2016 по 2023 г.,

Таблица 3

Применение авторской методики к оцениванию эффективности функционирования экономики станкоинструментальной отрасли России

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Уровень рентабельности реализованной продукции с существенной добавленной стоимостью E_t , %	4,7	5,2	8,7	7,2	8,3	8,9	10,2	10,8
Индекс рентабельности производства продукции с существенной добавленной стоимостью $\overline{Q}_t$	–	1,12	1,66	0,83	1,16	1,08	1,15	1,05
Индекс потребления высокотехнологичной продукции на внутреннем рынке $\overline{U}_t$	–	1,12	1,07	1,17	1,12	0,92	1,41	1,27

Примечание: вычислено авторами по данным [10, 12] и табл. 2.

позволила проанализировать и оценить, с присвоением статуса «эффективная», экономическую деятельность данной отрасли индустрии.

Достаточная длительность периода анализа служит аргументом к имеющей место стабильной средней эффективности экономической деятельности станкоинструментальной отрасли. Переход к экономическим эффектам более высоких уровней возможен до конца текущего десятилетия [7], если в отечественной станкоинструментальной отрасли промышленности будут преодолены или в основном нейтрализованы угрозы обеспечению кадрами нужной квалификации, сбыту продукции на внутренних рынках, осуществлению инвестиционной деятельности в промышленном секторе высоких технологий, реализации инновационной политики в научно-исследовательском и опытно-конструкторском сегментах индустрии, созданию новых промышленных высокотехнологичных производств.

Заметим, что с такими рисками сталкиваются в той или иной мере все российские индустриальные отрасли высоких технологий [6]. Следовательно, в разработке мероприятий по устранению угроз инвестиционно-инновационному развитию экономики высокотехнологичных отраслей промышленности заинтересованы субъекты управления национальным хозяйством в общегосударственных масштабах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Методика оценивания эффекта от экономической деятельности высокотехнологичной отрасли промышленности получила дальнейшее развитие, сформировав основу итоговых результатов проведенного исследования, реализовав цель и решив задачи постановочного этапа работы.

Существующие подходы к анализу показателей из стандартных форм бухгалтерско-финансовой отчетности ведущих предприятий отрасли дополнены в научном контексте оценкой эффективности осуществления инвестиционных проектов индустриального профиля, индексов концентрации производства,

доли реализации продукции на профильных рынках. Методы оценивания опираются на подтвержденную эмпирически авторскую гипотезу о наличии ресурсно-инновационной среды в тех регионах, где расположены основные промышленные мощности анализируемой отрасли.

Специфика высокотехнологичных отраслей индустрии такова, что эффективная экономическая деятельность определяется объемами выпуска товаров и услуг с существенной долей добавленной стоимости, обусловленной интеллектуальными затратами. Экономическая эффективность отрасли детерминирована наличием прорывных отечественных технологий в промышленности, возможностью их масштабного тиражирования в производственных процессах и способностью к полному импортозамещению профильных изделий.

Предложенная методика позволяет оказывать управляющие воздействия на экономику отрасли, повышая продуктивность осуществления инвестиционной деятельности и реализации инновационной политики в анализируемом секторе отечественной промышленности, что подтверждено апробацией на показателях станкоинструментальной отрасли России. За период 2016–2023 гг. проанализировано внутрироссийское производство и потребление станкоинструментальной продукции.

По уровню рентабельности реализованной продукции с существенной добавленной стоимостью, динамике индексов рентабельности и потребления высокотехнологичной продукции на внутреннем рынке авторская методика определила стабильный средний уровень эффективности экономической деятельности станкоинструментальной отрасли России. Для долгосрочного инвестиционно-инновационного развития экономики отрасли предложен ряд организационных мероприятий, стимулирующих переход от стабильной средней эффективности к более высоким достижениям.

Перспективы дальнейших научных изысканий видятся в более детальной характеристике основных направлений деятельности

крупных и средних предприятий станкоинструментальной промышленности на основе значений индексов стоимостного объема произведенных изделий, использования

и движения трудовых ресурсов, оплаты труда, изменения величин фондоотдачи, фондовооруженности, прибыли, объема инвестиций в основной капитал.

Список источников

1. Huang X., Ma L., Li R. et al. Determinants of innovation ecosystem in underdeveloped areas – Take Nanning High-Tech Zone in Western China as an example // *Journal of Open Innovation: Technology Market and Complexity*. 2020. Vol. 6, no. 4. <https://doi.org/10.3390/joitmc6040135>.
2. Кокуйцева Т. В., Овчинникова О. П. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности // *Креативная экономика*. 2021. Т. 15, № 6. С. 2413–2430. <https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112192>.
3. Гамидуллаева Л. А., Толстых Т. О., Шмелева Н. В. Методика комплексной оценки потенциала промышленной экосистемы в контексте устойчивого развития региона // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. 2020. № 2. С. 29–48. <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-2-3>.
4. Дорошенко Ю. А., Старикова М. С., Ряпухина В. Н. Выявление моделей индустриально-инновационного развития региональных экономических систем // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, № 1. С. 78–91. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-6>.
5. Батьковский А. М., Кравчук П. В., Стяжкин А. Н. Оценка экономической эффективности производства высокотехнологичной продукции инновационно-активными предприятиями отрасли // *Креативная экономика*. 2019. Т. 13, № 1. С. 115–128. <https://doi.org/10.18334/ce.13.1.39738>.
6. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 20.06.2023 № 1315-р. Доступ из СПС «Гарант».
7. Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 05.11.2020 № 2869-р. Доступ из СПС «Гарант».
8. Промышленное производство // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 22.09.2024).
9. Социально-экономическое положение России : доклад // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 22.09.2024).
10. Эффективность экономики России // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 22.09.2024).
11. Итоги деятельности станкоинструментальной отрасли России в 2023 году // Ассоциация производителей

References

1. Huang X., Ma L., Li R. et al. Determinants of innovation ecosystem in underdeveloped areas – Take Nanning High-Tech Zone in Western China as an example. *Journal of Open Innovation: Technology Market and Complexity*. 2020;6(4). <https://doi.org/10.3390/joitmc6040135>.
2. Kokuytseva T. V., Ovchinnikova O. P. Methodological approaches to performance evaluation of enterprises digital transformation in high-tech industries. *Creative Economy*. 2021;15(6):2413–2430. <https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112192>. (In Russ.).
3. Gamidullaeva L. A., Tolstykh T. O., Shmeleva N. V. Method of integrated assessment of the potential of the industrial ecosystem in the context of sustainable development of the region. *Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society*. 2020;(2):29–48. <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-2-3>. (In Russ.).
4. Doroshenko Yu. A., Starikova M. S., Ryapukhina V. N. Identification of industrial and innovative development models of regional economic systems. *Economy of Regions*. 2022;18(1):78–91. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-6>. (In Russ.).
5. Batykovskiy A. M., Kravchuk P. V., Styazhkin A. N. Evaluation of the economic efficiency of the production of high-tech products by innovation-active enterprises of the industry. *Creative Economy*. 2019;13(1):115–128. <https://doi.org/10.18334/ce.13.1.39738>. (In Russ.).
6. The Concept of Technological Development of Russia for period until 2030. Order of the Russian Federation Government No. 1315-r. of June 20, 2023. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
7. On approval of the Strategy for the development of the machine-tool industry for the period up to 2035. Order of the Russian Federation Government No. 2869-r, November 5, 2020. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
8. Promyshlennoe proizvodstvo. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (accessed: 22.09.2024). (In Russ.).
9. Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Rossii: доклад. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed: 22.09.2024). (In Russ.).
10. Effektivnost ekonomiki Rossii. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (accessed: 22.09.2024). (In Russ.).
11. Itogi deyatelnosti stankoinstrumentalnoy otrasli Rossii v 2023 godu. Assotsiatsiya proizvoditeley stankoinstrumentalnoy produktsii “Stankoinstrument”. URL:

- лей станкоинструментальной продукции «Станкоинструмент» : офиц. сайт. URL: <https://stankoinstrument.ru/itogi-1-2023#!/tab/711984043-2> (дата обращения: 22.09.2024).
12. Самодуров Г. В., Лахтюков Д. В. Станкоинструментальная отрасль России в 2022 году: цифры и факты // Станкоинструмент. 2023. № 2. С. 40–46. <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2023.31.2.40.46>. <https://stankoinstrument.ru/itogi-1-2023#!/tab/711984043-2> (accessed: 22.09.2024). (In Russ.).
12. Samodurov G. V., Lakhtyukhov D. V. Russian machine tool industry in 2022: figures and facts. *Stankoinstrument*. 2023;(2):40–46. <https://doi.org/10.22184/2499-9407.2023.31.2.40.46>. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Половян – доктор экономических наук, доцент, директор;

polovyan@yandex.ru

М. Ю. Терентьева – аспирант;
terentyeva.mariya@yandex.ru[✉]

About the authors

A. V. Polovyan – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Director;

polovyan@yandex.ru

M. Yu. Terentyeva – Postgraduate;
terentyeva.mariya@yandex.ru[✉]

Перспективы экономического и технологического развития БРИКС в период изменения геополитического ландшафта

Сергей Валерьевич Пономарев¹, Светлана Владимировна Языкова²,
Ирина Владимировна Шапошникова², Елена Олеговна Плеханова^{2✉}

¹Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Калуга, Россия

²Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена происходящими в мировой экономике процессами трансформации глобального ландшафта вследствие изменения позиций и соотношения вклада развитых и развивающихся стран, участия в интеграционных объединениях для укрепления их потенциала, а также усиления конкурентной борьбы за лидерство. Целью настоящего исследования является изучение перспектив экономического и технологического развития БРИКС, а также подготовка рекомендаций по укреплению его позиций в период изменения геополитического ландшафта. Задачи исследования связаны с установлением вклада интеграционного объединения стран БРИКС в мировой ВВП; выявлением особенностей экономического и технологического развития; определением возможностей укрепления индивидуального и интеграционного потенциала стран БРИКС. Исследование выполнено с помощью общенаучных методов: анализа и синтеза, анализа рядов динамики, метода сравнения (для межстрановых сопоставлений), логического и графического метода. Проанализировано соотношение двух групп стран (развитых и развивающихся) по вкладу в мировой ВВП в период 2003–2023 гг., определено, что произошло укрепление позиций стран БРИКС и существенный рост их вклада в глобальное экономическое развитие при одновременном сокращении доли развитых стран в мировом ВВП. Произведена оценка темпов роста ВВП исследуемых групп стран. Изучена отраслевая структура экономик стран БРИКС, а также особенности их экспортно ориентированных стратегий и положения в международной торговле. Установлены позиции стран БРИКС в Глобальном инновационном рейтинге, а также проведен анализ их ключевых научных и технологических показателей (включая финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, экспорт услуг информационно-коммуникационных технологий, научная публикационная активность, состояние цифровой инфраструктуры). Сделан вывод об укреплении позиций интеграционного объединения стран БРИКС в глобальной экономике, прежде всего за счет ведущей роли Китая. Выявлена разнородность стран-участниц по уровню социально-экономического и технологического развития. В статье предложены меры по укреплению индивидуального и интеграционного потенциала стран БРИКС.

Ключевые слова: экономическое развитие, технологическое развитие, БРИКС, Россия, Китай, глобальное лидерство, рост, замедление, конкуренция

Для цитирования: Пономарев С. В., Языкова С. В., Шапошникова И. В., Плеханова Е. О. Перспективы экономического и технологического развития БРИКС в период изменения геополитического ландшафта // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 70–85. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-8>.

Original article

Prospects for BRICS economic and technological development during geopolitical landscape change

Sergey V. Ponomarev¹, Svetlana V. Yazykova²,
Irina V. Shaposhnikova², Elena O. Plekhanova²✉

¹Kaluga Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga, Russia

²Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the study is due to ongoing processes of the global landscape change in the world economy because of changes in the positions and the ratio of the developed and developing countries' contribution, participation in integration associations to strengthen their potential, as well as intensified competition for leadership. The purpose of this study is to examine the prospects for the economic and technological development of the BRICS and to prepare recommendations for strengthening its positions in the period of geopolitical landscape change. The objectives of the study are related to establishing the contribution of BRICS integration association to the world GDP; identifying the features of economic and technological development; identifying opportunities to strengthen the individual and integration potential of the BRICS countries. The study implements general scientific methods: analysis and synthesis, analysis of dynamic series, method of comparison (for international comparisons), logical and graphical methods. The article analyses the ratio of the two groups of countries (developed and developing) in terms of their contribution to global GDP in the period 2003–2023. It is determined that the BRICS countries have strengthened their positions and significantly increased their contribution to global economic development, while the share of developed countries in global GDP has decreased. The GDP growth rates of the studied groups of countries are assessed. This study examines the sectoral structure of the BRICS economies, their export-oriented strategies, and their position in international trade. The paper establishes the positions of the BRICS countries in the Global Innovation Index and analyses their key scientific and technological indicators (including research and development (R&D) and innovative activities financing, exports of Information and Communication Technology services, scientific publication activity, and the state of digital infrastructure). The authors conclude that the BRICS integration association is strengthening its position in the global economy, primarily due to the leading role of China. The article highlights the diverse levels of social, economic, and technological development across member countries. The article proposes measures to strengthen the individual and integration potential of the BRICS countries.

Keywords: economic development, technological development, BRICS, Russia, China, global leadership, growth, slowdown, competition

For citation: Ponomarev S. V., Yazykova S. V., Shaposhnikova I. V., Plekhanova E. O. Prospects for BRICS economic and technological development during geopolitical landscape change. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):70–85. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-8>.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития мировой экономики связан с активным включением стран в борьбу за глобальное влияние и, как следствие, изменением геополитического ландшафта [1]. Страны, которые традиционно доказывали развитость своих экономических систем (прежде всего, речь идет о странах «Большой семерки» и странах, входящих в Организацию экономического сотрудниче-

ства и развития (ОЭСР)) в условиях воздействия экономической нестабильности, эпидемиологических катастроф и нарастания политической напряженности начинают замедлять темпы своего развития [2, 3]. Напротив, в тех же самых условиях развивающиеся экономики находят новые ниши роста и ускоряют темпы своего развития, в отдельных случаях демонстрируя лучшую адаптивность к вызовам, чем экономики развитых стран [4, 5].

Стремление занять более устойчивые и безопасные позиции на мировой арене подталкивают страны к развитию взаимовыгодного сотрудничества в рамках создаваемых интеграционных объединений. Но и между ними возникает конкуренция за доступ к ресурсам и влияние на другие страны. В частности, за последние двадцать лет интеграционное объединение развивающихся стран БРИКС по своему вкладу в мировой ВВП превзошло альянс развитых стран «Большой семерки». При этом некоторые члены БРИКС, например Китай и Индия, демонстрируют опережающее технологическое развитие, обгоняя безусловных лидеров, в частности США. Таким образом, научно-технический прогресс, позволяющий продуцировать инновации, освоение продвинутых цифровых технологий становятся факторами, укрепляющими экономический потенциал современных государств и определяющими позицию страны в глобальном пространстве.

Целью настоящего исследования является изучение перспектив экономического и технологического развития БРИКС, а также подготовка рекомендаций по укреплению его позиций в период изменения геополитического ландшафта.

Задачи исследования связаны с установлением вклада интеграционного объединения стран БРИКС в мировой ВВП; выявлением особенностей экономического и технологического развития; определением возможностей укрепления индивидуального и интеграционного потенциала стран БРИКС.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследованию воздействия экономической нестабильности (включая эпидемиологические катастрофы, нарастание политической напряженности, углубление экономических кризисов), приводящей к дестабилизации хозяйственных систем различных стран мира, посвящены труды А. Ю. Усанова и соавт. [6], Б. О. Хашир и соавт. [7], Е. А. Isaeva и соавт. [8], Е. Е. Kukina и соавт. [9].

Тематика, связанная с включением стран в борьбу за глобальное влияние, изменением

соотношения между интеграционными объединениями различных стран и, как следствие, трансформацией геополитического ландшафта, отражена в исследованиях В. Lo [10], W. Matli, M. Malatji [11], А. К. Морозкиной [12].

Изучению приоритетов научного и технологического развития БРИКС посвящены работы Е. К. Карпуниной и М. Е. Коноваловой [13], А. В. Соколова и соавт. [14], А. Pouris, P. Rapha-sha [15], М. Kahn [16], I. Dezhina [17], Ю. Н. Соловьевой, И. А. Галаниной [18], Е. Karpunina и соавт. [3], Е. Yakovleva и соавт. [19], С. В. Пономарева и соавт. [20], С. В. Плясовой и соавт. [21], S. V. Ponomarev и соавт. [22], А. Б. Петровского и соавт. [23].

Исследование выполнено с помощью общенаучных методов: анализа и синтеза, анализа рядов динамики, метода сравнения (для межстрановых сопоставлений), логического и графического метода.

Научная новизна исследования состоит в реализации сравнительного анализа экономического и технологического развития стран БРИКС в долгосрочном периоде с обоснованием перспектив их участия в глобальной экономике в качестве ведущего интеграционного объединения.

Информационная база исследования представлена статистическими материалами Всемирного банка, Международного валютного фонда, Банка России, Statista.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Международный валютный фонд классифицирует страны на две основные группы: страны с развитой экономикой и страны с формирующимся рынком и развивающейся экономикой [24]. Страны «Большой семерки» в рамках данной классификации относятся к развитым странам, страны, входящие в интеграционное объединение БРИКС, – к странам с формирующимся рынком и развивающейся экономикой.

На протяжении длительного времени соотношение этих двух групп стран по вкладу в мировой ВВП менялось, но на последнем этапе развития стало очевидно укрепление позиций стран БРИКС и существенный рост их вклада в глобальное экономическое развитие.

На рис. 1 представлены данные за последние 20 лет о соотношении стран «Большой семерки» и стран БРИКС по доле в мировом ВВП (данные заканчиваются 2023 г., поэтому не включают информацию о вкладе Египта, Ирана, Объединенных Арабских Эмиратов и Эфиопии, которые с 1 января 2024 г. присоединились к БРИКС) [25].

Данные, представленные на рис. 1, показывают, что за последние двадцать лет произошли изменения в соотношении развитых стран «Большой семерки» и развивающихся стран БРИКС по их вкладу в мировой ВВП. Вплоть до 2018 г. преобладающую роль играли развитые страны, в 2018 г. страны БРИКС увеличили свое влияние, а их совокупная доля в мировом ВВП превысила аналогичный показатель стран Большой семерки (32,33 и 31,84 % соответственно).

В табл. 1 представлен вклад каждой страны – участницы БРИКС в совокупный ВВП БРИКС и в глобальный ВВП в 2023 г.

Данные табл. 1 позволяют сделать вывод о том, что Китай обеспечивает большую часть вклада в ВВП БРИКС (70,1 %), составляя в глобальном масштабе конкуренцию США [29]. Далее следует Индия, обеспечивая 13,5 % в совокупный ВВП БРИКС и 4 % в мировом ВВП. Позиции Бразилии и России в 2023 г. практически равны (7,5 % в совокупный ВВП БРИКС и 2 % в мировом ВВП), Южная Африка обеспечивает 1,44 % в совокупном ВВП БРИКС и 0,4 % в мировом ВВП. Что касается темпов роста ВВП в странах БРИКС в 2023 г., то, по данным МВФ, в 2023 г. в Бразилии наблюдался более медленный рост на уровне 2 % после ковидного восстановления,

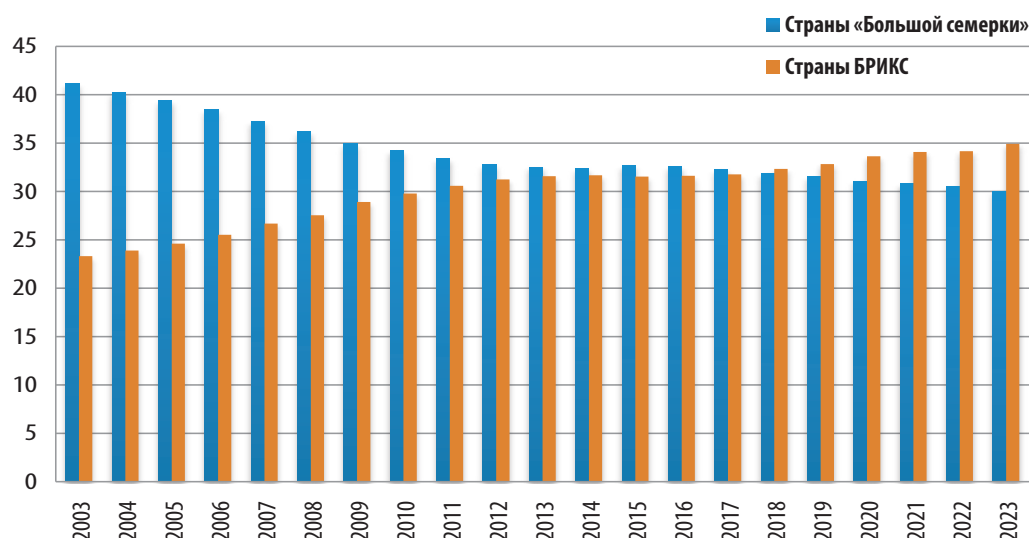

Рис. 1. Соотношение стран «Большой семерки» и стран БРИКС по доле в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС), 2003–2023 гг.
Примечание: составлено авторами по данным Statista [26].

Таблица 1

Информация о ВВП стран БРИКС в 2023 г.

Показатель / Страна	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Африка
ВВП, млрд долларов США	2 081	2 063	3 737	19 374	399
Доля в ВВП БРИКС, %	7,5	7,46	13,5	70,1	1,44
Доля в глобальном ВВП, %	2,0	2,0	4,0	18,0	0,4
Темп роста ВВП, %	2,0	1,8	7,2	5,5	1,7

Примечание: составлено авторами по данным Visualcapitalist [27], Банка России [28].

в России в связи с ростом геополитической напряженности в 2022 г. ВВП сокращался, однако по итогам 2023 г. ожидался его рост до уровня 1,8 %, в Индии произошло замедление (7,2 % в сравнении с 9,15 % в 2022 г.), Китай продемонстрировал рост (+2,5 п.п. в сравнении с предыдущим годом), в Южной Африке – незначительное замедление (-0,2 п.п.).

Рассмотрим долю отраслей экономики в валовом внутреннем продукте (ВВП) стран, входящих в БРИКС в 2023 г. ВВП Бразилии на 59 % формируется за счет услуг, 22 % составляет производство, 6 % приходится на сельское хозяйство, 13 % – прочее. В структуре ВВП России в 2023 г. сфера услуг составляет 57 %, промышленность – 31 %, сельское хозяйство – 3 %, прочее – 9 %. ВВП Индии на 50 % обеспечивается сектором услуг, на 25 % – промышленным производством, на 16 % – сельским хозяйством, 8 % – прочее. Китайский ВВП,

являясь самым мощным по объему, обеспечен в 2023 г. на 55 % за счет оказанных услуг, на 38 % – промышленным производством, на 7 % – сельским хозяйством. В ВВП Южной Африки 63 % составляет сфера услуг, 25 % – промышленность, 3 % – сельское хозяйство, 9 % – прочее [30] (рис. 2).

Данные, представленные на рис. 2, позволяют сделать вывод, во-первых, о преобладающей доле сферы услуг в структуре ВВП всех стран БРИКС (в среднем 58,2 %). Во-вторых, о высокой доле промышленности в экономике всех стран БРИКС (в среднем на уровне 27 %), в частности, в Бразилии, России и Южной Африке отрасль добывающей промышленности выступает основным источником финансовых поступлений от внешнеторговой деятельности [32].

Структура экспорта стран БРИКС отражена в табл. 2.

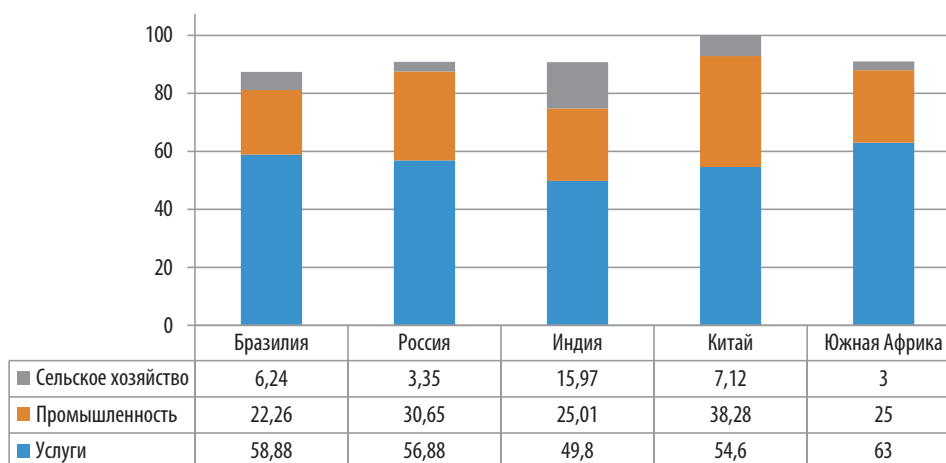

Рис. 2. Доля отраслей экономики в ВВП стран, входящих в БРИКС, %, 2023 г.

Примечание: составлено авторами по данным Statista [31].

Таблица 2

Структура экспорта стран БРИКС, %, 2023 г.

Страна / Экспорт	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Африка
Продовольственные товары	42,0	4,0	–	–	–
Минеральные продукты (топливо)	27,0	60,0	21,0	–	11,0
Машины, оборудование и транспортные средства	10,0	–	21,0	51,0	12,0
Металлы и изделия из них	7,0	3,0	–	7,0	6,0
Химикаты и связанные продукты	–	–	9,0	6,0	8,0
Текстиль и кожа	–	–	7,0	–	–

Окончание таблицы 2

Страна / Экспорт	Бразилия	Россия	Индия	Китай	Южная Африка
Драгоценные камни, металлы и изделия из них	–	5,0	8,0	–	20,0
Недрагоценные металлы	–	–	8,0	–	–
Мебель	–	–	–	4,0	–
Пластмассовые изделия и резина	–	–	–	8,0	–
Руда, зола	–	–	–	–	15,0
Удобрения	–	2,0	–	–	–
Зерновые культуры	–	2,0	–	–	–
Прочее	14,0	23,0	26,0	32,0	28,0

Примечание: составлено авторами по данным SBS-consulting [30], в таблице представлены данные, превышающие 2 % от общего экспорта.

Страны БРИКС богаты природными ресурсами, в частности, на их долю приходится более 40 % мировой добычи нефти, 30 % запасов железной руды. Кроме того, они обеспечивают 25 % мирового экспорта сырьевых товаров [33].

С 2003 г. Китай неизменно является крупнейшим экспортером товаров среди стран БРИКС, и его доля в экспорте за последние двадцать лет значительно выросла. Если в 2003 г. доля Китая в экспорте БРИКС составляла 50 %, то в 2020 г. она достигла 74 %. Россия всегда занимала второе место по объему экспорта, а ЮАР – последнее, в то время как Индия обогнала Бразилию в 2009 г. [34]. В 2022 г. основными экспортными партнерами для Бразилии были: Китай (26 % экспорта), США (11 %), Аргентина

(5 %) [35]. Самым важным экспортным партнером России в 2022 г. являлся Китай (21 % всего экспорта), далее следовала Индия (8 %), Германия (6 %), Турция (5 %), Италия (5 %) [36]. Основным экспортным партнером Индии являются США (в 2022 г. – 18 % всего экспорта), ОАЭ (7 %), Нидерланды (4 %) [37]. Китай является крупнейшей производящей экономикой и крупнейшим экспортером в мире. В 2023 г. объем экспорта товаров Китая составил 3,38 триллиона долларов США [38]. Ведущими экспортными партнерами Китая являлись США, АСЕАН и Европейский союз [39].

Страны БРИКС, реализуя экспортно ориентированные стратегии, обеспечивают себе устойчивое положение в международной торговле (рис. 3).

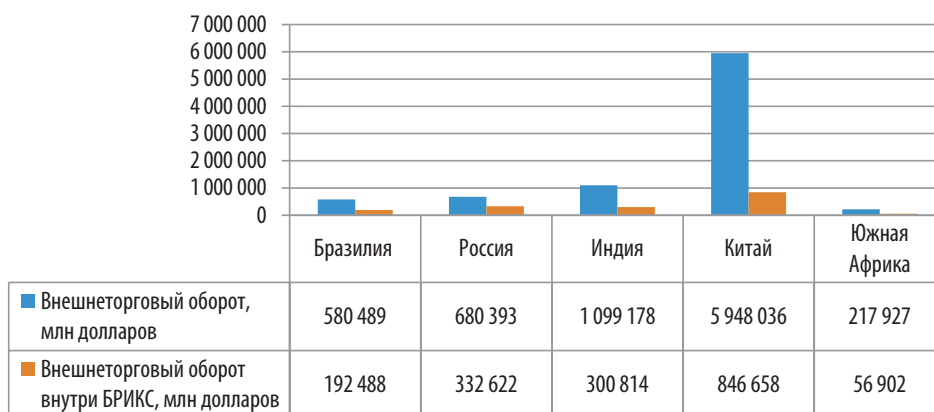

Рис. 3. Объем торговых операций стран БРИКС, 2023 г.

Примечание: составлено авторами по данным 1520international [33], Infobrics [40].

Данные, представленные на рис. 3, позволяют сделать вывод о том, что в интеграционном объединении БРИКС ведущую роль играет Китай, чей внешнеторговый оборот превышает суммарный оборот остальных стран БРИКС более чем в 2 раза. На втором месте находится Индия, Россия – на третьей позиции. Заметим, что в 2023 г. внешнеторговый оборот внутри БРИКС составил 20,3 % общего объема внешнеторгового оборота БРИКС.

Помимо укрепляющихся экономических позиций стран БРИКС следует исследовать, как меняется их положение в сфере технологического развития, науки и инноваций.

Уровень технологического развития государства можно определить по значению Глобального инновационного индекса. В рамках данного индекса оцениваются несколько групп показателей: во-первых, инвестиции в науку и инновации (включая научные публикации; инвестиции в исследования и разработки; количество сделок с венчурным капиталом; стоимость сделок с венчурным капиталом; международные патентные заявки); во-вторых, технологический прогресс (в том числе вычислительная мощность; затраты на возобновляемые источники энергии; стоимость электрической батареи; стоимость секвенирования генома; одобрение лекарств); в-третьих, внедрение технологий (безопасная санитария, подключение к интернету, роботы, электромобили, лучевая терапия рака); в-четвертых, социально-экономическое воздействие (производительность

труда, ожидаемая продолжительность жизни, выбросы углекислого газа).

Так, сравнивая исследуемые страны по итогам 2023 г., следует выделить Китай, который занимает 12-е место из 132 в рейтинге по Глобальному инновационному индексу (55,3 балла) (для сравнения – лидер рейтинга Швейцария имеет 67,6 балла) [41]. Со значительным отрывом идет Индия, занимая 40-ю позицию в рейтинге, Бразилия – на 49-м месте, Россия расположилась на 51-м месте, ЮАР – на 59-м месте (рис. 4).

Создатели рейтинга отмечают, что Китай является единственной страной со средним уровнем дохода, которая с 2014 г. входит в топ-30 рейтинга, в 2023 г. Китай опередил, например, Японию (13-е место в рейтинге). Значительный рывок за последнее десятилетие совершила Индия, относящаяся к группе стран со средним уровнем дохода, которой удалось войти в топ-65 рейтинга Глобального инновационного индекса и занять лидирующие позиции среди стран-новаторов (40-е место в 2023 г.).

Рассмотрим некоторые показатели технологического развития стран БРИКС более подробно. Динамика внутренних затрат на исследования и разработки стран БРИКС в период 2003–2023 гг. представлена на рис. 5.

Анализируя расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в странах БРИКС за последние 20 лет, можно выделить лидера группы – Китай,

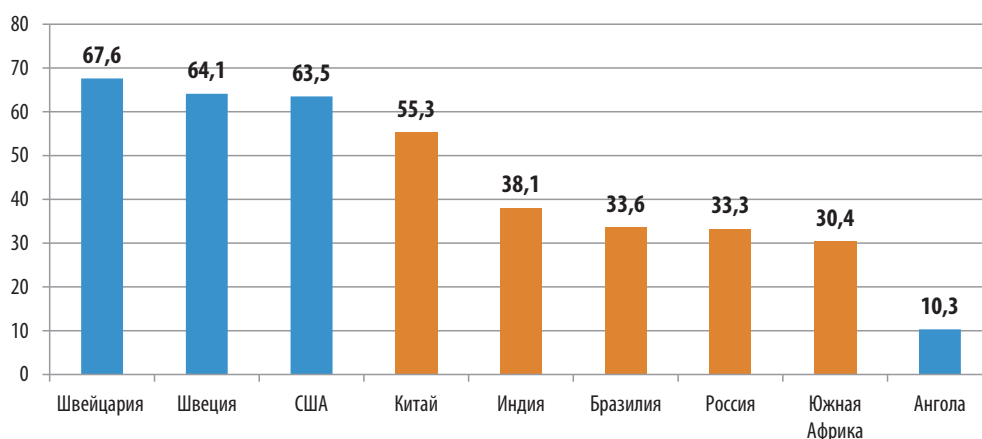

Рис. 4. Позиции стран БРИКС в рейтинге по Глобальному инновационному индексу, 2023 г.
Примечание: составлено авторами по данным Wipo [41].

который за исследуемый период увеличил объем данных расходов в 2,3 раза, обеспечив их ежегодное финансирование на уровне 2,6 % ВВП. К 2022 г. по абсолютным размерам расходы на НИОКР в Китае вывели страну на вторую позицию в мире (582 млрд долларов) после США (720 млрд долларов) [43], тогда как по объему расходов на НИОКР в ВВП лидирует Израиль (5,4 %), Южная Корея (4,8 %), Швеция (3,5 %), США (3,45 %).

В Бразилии также произошло увеличение расходов на НИОКР, однако оно не является столь существенным, как в Китае (+15 % в период 2002–2020 гг.). Тем не менее именно на государство приходится большая часть затрат по финансированию НИОКР, что создает потенциал для проведения совместных НИОКР для межгосударственных научных проектов, прежде всего в сфере фармохимической и фармацевтической, автомобильной, нефтегазовой промышленности, секторе сельского хозяйства, лесопользования, питания и борьбы с инфекциями. Государство использует налоговые льготы для стимулирования НИОКР в национальных компаниях.

В отличие от Китая и Бразилии, за последние 20 лет в России произошло сокращение расходов на НИОКР в ВВП на 14,7 %, в Индии – на 8,3 %, в Южной Африке – на 11,8 %.

Несмотря на общую динамику сокращения затрат на НИОКР в России в течение исследуемого периода, следует отметить их рост в 2022–2023 гг. до 1 099,2 млрд руб. (+6,3 %

в постоянных ценах). Кроме того, Россия традиционно отличается от многих стран реализуемой системой финансирования НИОКР, так как большая часть данных расходов покрывается за счет государственных средств (66,6 % в общем объеме внутренних затрат) [44]. Однако в последние годы наблюдаются изменения в структуре финансирования НИОКР: растет доля предпринимательского сектора в общем объеме внутренних затрат на НИОКР (темп прироста в 2023 г. составил 13,7 %); увеличивается значимость государственных корпораций как инвесторов в науку (рост их доли в общем объеме – с 4,4 до 5,7 % в течение 2023 г.) [45]. 2023 г. также продемонстрировал увеличение внутренних текущих затрат по всем видам работ: рост объема прикладных исследований (+6,9 %); фундаментальных (+1,3 %), разработок (+5,9 %).

Причинами общей тенденции сокращения расходов на НИОКР в Индии являются отсутствие координации между правительственными учреждениями и сокращение участия предпринимательского сектора в их финансировании. И в первом, и во втором случае дестабилизирующую роль играют бюрократические процессы, которые не позволяют четко определять приоритеты выполняемых работ, оценивать и утверждать полученные результаты, на основании которых производится оплата труда научных сотрудников. А поскольку 45 % общих расходов на НИОКР в Индии финансируется правительством, то неустойчивость приоритетов

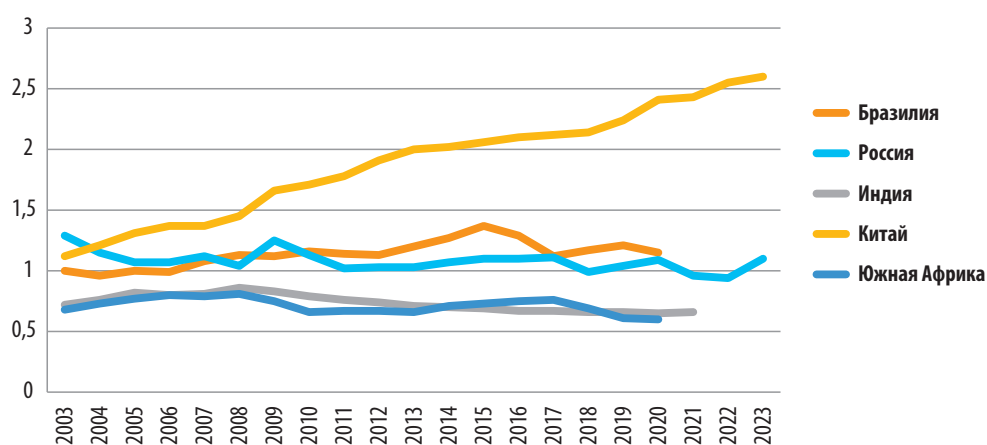

Рис. 5. Динамика расходов на НИОКР в странах БРИКС, % от ВВП, 2003–2023 гг.

Примечание: составлено авторами по данным Worldbank [42].

в финансировании научных исследований создает проблему неадекватного планирования и неэффективной реализации стратегии развития научно-инновационной сферы [46]. Кроме того, 38 % всего объема финансирования НИОКР в Индии приходится на частный сектор (0,7 % ВВП), и в стране также возникают проблемы, связанные с неоднозначными нормативными картами, отталкивающими инвесторов, а также отсутствием надежной системы защиты интеллектуальных прав и четких путей выхода для инвесторов в секторе биотехнологий [47].

Сокращение расходов на НИОКР в Южной Африке обусловлено в большей мере существующей системой финансирования научных исследований (46 % всего объема приходится на государство; 38 % – на бизнес; 13 % – на поддержку из зарубежных источников; 3 % – на некоммерческие организации) [23], при которой в случае изменения в структуре затрат крупных корпораций происходит снижение расходов на НИОКР и инновации. При этом выполнение научных исследований в рамках небольших компаний ограничено недостатком средств и их мощностей, что не позволяет осуществлять новые разработки. Кроме того, в стране существует проблема дефицита человеческих ресурсов, а именно ученых и специалистов, осуществляющих прикладные исследования (46 %), экспериментальные исследования (29 %), фундаментальные исследования (25 %) [48].

Одним из самых важных индикаторов инновационности является показатель количества заявок на патенты. В 2023 г. Китай (1,64 миллиона) лидировал по количеству поданных заявок на патенты во всем мире (опережая США (518 364), Японию (414 413), Республику Корея (287 954) и Германию (133 053)) [49]. Индия (64 480) поднялась на шестое место, увеличив в 2023 г. число патентных заявок от резидентов на 15,7 % и удвоив их общее количество в период с 2018–2023 гг., при этом рост заявок на товарные знаки составил 60 %.

По итогам 2023 г. Scimago Journal & Country Rank отмечает лидерство Китая (790 577 документов) по количеству научных публикаций в журналах, индексируемых в наукометрических базах Scopus и по индексам цитирования [50],

также Китай (33 400) находится на первой позиции в рейтинге по Nature Index 2024 среди стран с наибольшей долей статей, опубликованных в научных журналах, опережая США, Германию, Великобританию и Японию [51].

Страны БРИКС интегрированы в развитие глобальной венчурной индустрии, крупнейшие города этих стран (Шанхай, Мумбаи, Москва, Сан-Паулу, Йоханнесбург) становятся все более привлекательными для инвесторов за счет генерирования инноваций в области искусственного интеллекта (ИИ), финтеха, биотехнологий и устойчивого развития. В частности, Китай занимает ведущие позиции в мире в области искусственного интеллекта. Индия и Бразилия стремятся расширить доступ к финансовым услугам за счет инвестирования в инновационные технологии финтех. Развитие биотехнологий для решения экологических и социальных проблем – приоритетные сферы венчурного инвестирования в России и Южной Африке. Однако российский рынок облачной инфраструктуры в настоящее время отстает по объемам и темпам роста от других стран БРИКС. Так, в 2023 г. он оценивался на уровне 121 млрд руб. [52].

Кроме того, важным показателем технологического развития и непосредственным следствием инвестиций в науку и инновации является экспорт услуг в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В данном аспекте первенство среди стран БРИКС принадлежит Индии (объема экспорта ИКТ-услуг Индии в 2023 г. достиг 48,2 %, страна является в настоящее время мировым лидером). Китай экспортирует 17,5 % ИКТ-услуг (в то время как аналогичный показатель в США составляет 6,9 %, в Германии – 10,9 %). Бразилия активно увеличивает экспорт услуг в области ИКТ начиная с 2019 г., в 2023 г. значение показателя составляло 12,7 %. В России вплоть до 2021 г. наблюдалась динамика роста объемов экспорта ИКТ-услуг (в 2021 г. значение показателя составляло 13 %), начавшееся после 2022 г. снижение показателя привело к достижению его значения в 2023 г. на уровне 7 %. В Южной Африке динамика экспорта ИКТ-услуг характеризуется непостоянством,

например в период 2018–2021 гг. наблюдался рост до 9,1 %, затем последовало сокращение до 7,5 % в 2022 г., в 2023 г. рост возобновился (9,4 %). Таким образом, можно сделать вывод о наличии потенциала роста экспорта ИКТ-услуг во всех странах БРИКС.

Еще одной составляющей технологического развития современных государств является состояние цифровой инфраструктуры и способность страны обеспечить своим гражданам полноценный доступ к сети Интернет. В настоящее время доступ к сети Интернет является базовым фактором реализации возможностей развития человеческого капитала [53, 54].

В данном аспекте динамика показателя, отражающего развитие фиксированной широкополосной связи страны в странах БРИКС, представлена на рис. 6.

Информация, представленная на рисунке, позволяет выделить явного лидера среди исследуемых стран по развитию широкополосной сети Интернет за последние 20 лет. Это Китай, который увеличил показатель в 51,1 раза. В настоящее время уровень развития фиксированной широкополосной связи (44,43 абонента на 100 человек населения в 2023 г.) превосходит аналогичные показатели в развитых странах. Например, в США он составляет 38,05, в Великобритании – 41,01. Среди стран БРИКС также можно выделить Россию (по данным за 2022 г.

значение показателя составляло 24,63) и Бразилию (22,91 в 2023 г.). Однако эти значения уступают аналогичным показателям большинства развитых стран. Ситуация в Индии и Южной Африке остается проблемной, уровень развития цифровой инфраструктуры вследствие низкого уровня жизни населения невысок.

Тем не менее страны ищут альтернативу фиксированному широкополосному доступу к сети Интернет в виде мобильного доступа в интернет. Как правило, в развивающихся странах эта связь намного дешевле, не требует специального оборудования и условий для подключения. Именно поэтому в Бразилии 88,1 абонента на 100 человек населения используют мобильный доступ к сети Интернет, в Китае – 95,4, а в ЮАР – 76 [12].

В целом количество физических лиц, пользующихся сетью Интернет, в общей численности населения в 2003–2023 гг. выросло: в Бразилии – в 6,4 раза, в России – в 11,5 раза, в Индии – в 21,5 раза, в Китае – 12,8 раза, в Южной Африке – в 10,7 раза [56]. Вместе с тем в настоящее время проблема совершенствования цифровой инфраструктуры является наиболее важной для стран БРИКС.

Подводя итог проведенного анализа экономического и технологического развития, следует отметить, что по многим показателям страны БРИКС за последние 20 лет

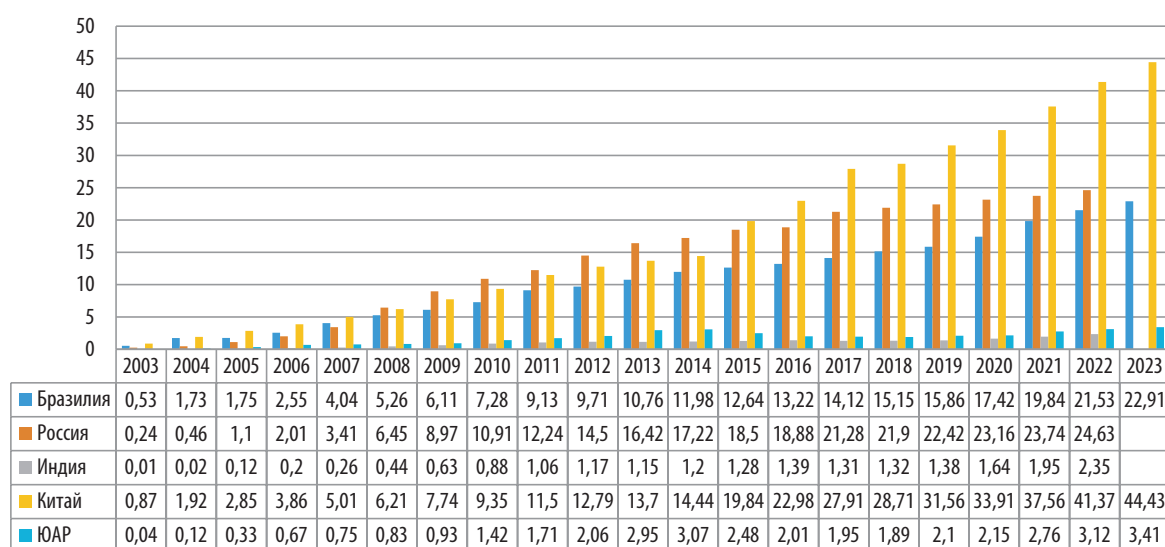

Рис. 6. Развитие фиксированной широкополосной связи в странах БРИКС
(количество абонентов на 100 человек населения), 2023 г.

Примечание: составлено авторами по данным Worldbank [55].

существенно укрепили свои позиции на мировой арене. Тем не менее дифференциация по уровню социально-экономического и технологического развития между странами-участницами чрезмерно высока. Безусловным лидером является Китай, который вносит больший вклад в мировой ВВП и прежде всего в технологическое развитие глобальной экономики. Каждая страна – участница БРИКС обладает своими особенностями развития и старается оптимизировать сильные стороны имеющегося потенциала. Их задействование может внести свою лепту при реализации совместных целей БРИКС.

Следует отметить, что меры по укреплению потенциала стран БРИКС могут носить индивидуальный характер в рамках национальных экономик стран-участниц. Речь идет прежде всего об усилении позиций стран БРИКС, за исключением Китая. Так, Бразилии необходимо развитие механизмов стимулирования НИОКР в национальных компаниях; совершенствование цифровой инфраструктуры. В России требуется реализация стратегии ускоренного развития НИОКР и инноваций при осуществлении государственной поддержки; создание благоприятной среды для роста инвестиций бизнеса в финансирование научных исследований; реализация экспортно ориентированной стратегии для укрепления позиций страны в международной торговле; расширение цифровой инфраструктуры и доступа населения к сети Интернет. Для Индии важно преодоление зависимости от западных технологий и финансирования для критически важных компонентов инновационной экосистемы, совершенствование цифровой инфраструктуры, повышение грамотности населения, в том числе развитие цифровых компетенций. Южная Африка на сегодняшний момент является наиболее слабой из всех стран – участниц БРИКС, укрепление ее потенциала возможно не только путем реализации мер на уровне национальной экономики, но и за счет разработки стратегии догоняющего развития в рамках БРИКС.

Меры, направленные на повышение качества взаимоотношений между странами-

участницами объединения БРИКС, безусловно, должны быть внедрены с учетом принципов многополярного мира при разрешении глобальных проблем, связанных с неравенством, урегулированием политических конфликтов, противодействием терроризму, реализации планов развития конкуренции на уровне национальных государств и интеграционных объединений. В данном аспекте уместно объединение усилий стран-участниц в образовательной и научной сферах, в том числе путем создания единой образовательной платформы с использованием сильного образовательного потенциала России, расширения диапазона научных исследований и обмена опытом, кооперации между научно-исследовательскими организациями и вузами для разработки инноваций, при использовании механизмов государственной поддержки; создание единой системы кибербезопасности для расширения возможностей безопасного взаимодействия в цифровой среде; развитие единого онлайн-рынка труда, институционализация форм международных трудовых отношений, реализуемых в онлайн-среде; координация усилий стран БРИКС при организации сотрудничества в области биотехнологий и биомедицины, включая здоровье человека и нейронауки (Бразилия и Россия), информационных технологий и высокопроизводительных вычислений (Китай и Южная Африка), нанотехнологий (Индия и Россия) [57].

Предложенные меры ориентированы на страны – участницы БРИКС по состоянию на 2023 г. Однако в 2024 г. интеграционное объединение БРИКС расширилось, в его состав были включены еще 5 стран-участниц (ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет, Эфиопия, Иран), которые также обладают потенциалом роста и устойчивыми позициями в мировой экономике [17]. В связи с этим ожидается усиление роли БРИКС в глобальном пространстве, что особенно актуально для периода изменения геополитического ландшафта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование посвящено изучению состояния экономического и техноло-

гического развития БРИКС на современном этапе развития, а также раскрытию возможностей укрепления их потенциала и повышения значимости в мировой экономике.

Установлен вклад интеграционного объединения стран БРИКС в мировой ВВП, а также показано усиление значимости БРИКС в глобальной экономике за последние 20 лет на фоне сокращения вклада развитых стран в мировой ВВП. Проведенный анализ ключевых экономических, научных и технологических показателей стран БРИКС позволил установить особенности их развития, определить потенциал роста и выявить существующие

ограничения. В исследовании акцент сделан на анализ показателей инновационного развития стран БРИКС, финансирования НИОКР, экспорта ИКТ-услуг, состояния и развития цифровой инфраструктуры.

Сделан вывод об укреплении позиций интеграционного объединения БРИКС в глобальной экономике на фоне ведущей роли Китая, а также разнородности уровня социально-экономического и технологического развития стран-участниц. В статье определены возможности укрепления индивидуального и интеграционного потенциала стран БРИКС.

Список источников

1. Пономарев С. В., Бондарева Н. А., Абалакин А. А. Преимущества и ограничения развития экосистемы цифровой экономики (на примере стран БРИКС и G7) // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2024. Т. 26, № 1. С. 128–140. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.11>.
2. Бейлина А. Ф., Зинченко Н. В., Нигматуллина Г. Р. и др. Исследование современных экономических кризисов и их влияния на деятельность организаций // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 2. С. 160–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-160-169>.
3. Karpunina E. K., Yakovleva E. A., Shurupova O. S. et al. Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership // International Journal of Knowledge-Based Development. 2024. Vol. 14, no. 3. P. 290–313.
4. Алехина О. Ф., Плясова С. В., Языкова С. В. и др. Сравнительный анализ преодоления кризисов 2008 и 2020 гг. развитыми и развивающимися странами // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8, № 3. С. 312–322. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-312-322>.
5. Yussuf A. A., Okunkova E. A., Ioda J. V. et al. Assessment of the risks of transition from a global pandemic crisis to a model of long-term economic growth. In: Popkova E. G., ed. Sustainable Development Risks and Risk Management. Cham: Springer, 2023. P. 75–81.
6. Усанов А. Ю., Мазунина М. В., Абалакин А. А. и др. Исследование воздействия пандемии на хозяйственные системы сквозь призму экономической безопасности // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 1. С. 52–63. <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-1-52-63>.
7. Хашир Б. О., Яковлева Е. А., Лубова Т. Н. и др. Социально-экономическое благополучие челове-

References

1. Ponomarev S. V., Bondareva N. A., Abalakin A. A. Advantages and limitations of the development of the digital economy ecosystem (using the example of the BRICS and G7 countries). *Journal of Volgograd State University. Economics*. 2024;26(1):128–140. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2024.1.11>. (In Russ.).
2. Beilina A. F., Zinchenko N. V., Nigmatullina G. R. et al. Contemporary economic crises and their impact on the activities of organizations. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2023;8(2):160–169. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-2-160-169>. (In Russ.).
3. Karpunina E. K., Yakovleva E. A., Shurupova O. S. et al. Enhancing BRICS scientific and educational potential as a prerequisite for knowledge-based development and digital leadership. *International Journal of Knowledge-Based Development*. 2024;14(3):290–313.
4. Alekhina O. F., Plyasova S. V., Yazykova S. V. et al. Overcoming crises of 2008 and 2020 by developed and developing countries: Comparative analysis. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: political, sociological and economic sciences*. 2023;8(3):312–322. <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-3-312-322>. (In Russ.).
5. Yussuf A. A., Okunkova E. A., Ioda J. V. et al. Assessment of the risks of transition from a global pandemic crisis to a model of long-term economic growth. In: Popkova E. G., ed. Sustainable Development Risks and Risk Management. Cham: Springer; 2023. p. 75–81.
6. Usanov A. Yu., Mazunina M. V., Abalakin A. A. et al. Study of the pandemic influencing economic systems through the prism of economic security. *Surgut State University Journal*. 2023;11(1):52–63. <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-1-52-63>. (In Russ.).
7. Khashir B. O., Yakovleva E. A., Lubova T. N. et al. Social and economic human well-being under the influence of environmental threats. *Surgut State University Journal*. 2023;11(3):82–95. <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-3-82-95>. (In Russ.).

- ка в условиях воздействия экологических угроз // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 3. С. 82–95. <https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-3-82-95>.
8. Isaeva E. A., Materova E. S., Galieva G. F. et al. Pandemic and sanctions: a study of economic shocks in the Russian economy. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. *Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations*. Cham: Springer, 2024. P. 445–451.
 9. Kukina E. E., Fomenko N. M., Alekhina O. F. et al. Long-term effects of Covid-19: how the pandemic highlighted the global digital divide. In: Ostrovskaya V. N., Bogoviz A. V., eds. *Big Data in the GovTech System*. Cham: Springer, 2022. P. 137–148.
 10. Lo B. Between Aspiration and Reality: Russia in the World (Dis)order. Ifri, 2024. No. 134.
 11. Matli W., Malatji M. A Review of internet use and access for BRICS sustainable futures: Opportunities, benefits, and challenges // *Journal of Information Systems and Informatics*. 2024. Vol. 6, no. 1. P. 435–452.
 12. Морозкина А. К. Цифровой разрыв в странах БРИКС: проблемы межрегионального неравенства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 70–90.
 13. Карпунина Е. К., Коновалова М. Е. Инвестируя в НИОКР, формируем будущее: сравнительный анализ по странам БРИКС и ОЭСР // *Друкеровский вестник*. 2021. № 1. С. 65–76.
 14. Соколов А. В., Шашнов С. А., Коцемир М. Н. и др. Определение приоритетов научно-технологического сотрудничества стран БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 4. С. 32–67. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-04-32>.
 15. Pouris A., Raphasha P. Priorities Setting with Foresight in South Africa // *Foresight and STI Governance*. 2015. Vol. 9, no. 3. P. 66–79.
 16. Kahn M. Prospects for cooperation in science, technology and innovation among the BRICS members // *International Organisations Research Journal*. 2015. Vol. 10, no. 2. P. 105–119.
 17. Dezhina I. Russia and the New BRICS Countries: Potentials and Limitations of Scientific and Technological Cooperation. Ifri, 2024.
 18. Соловьева Ю. Н., Галанина И. А. Структура источников финансирования в разных странах // Ученые записки ТОГУ. 2017. Т. 8, № 4. С. 296–301.
 19. Yakovleva E. A., Gorbunova O. N., Oganessian T. L. et al. Scientific and educational potential as a factor in ensuring the economic security of the state in terms of the digital development intensification: analysis and assessment for the BRICS countries // *Proceedings of the 36th IBIMA conference*, November 4–5, Granada, Spain, 2020. p. 8205–8214.
 20. Пономарев С. В., Бухонова Н. М., Сайфутдинова Л. Р. и др. Сравнительный анализ научно-образо-
 8. Isaeva E. A., Materova E. S., Galieva G. F. et al. Pandemic and sanctions: a study of economic shocks in the Russian economy. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. *Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations*. Cham: Springer, 2024. p. 445–451.
 9. Kukina E. E., Fomenko N. M., Alekhina O. F. et al. Long-term effects of Covid-19: how the pandemic highlighted the global digital divide. In: Ostrovskaya V. N., Bogoviz A. V., eds. *Big Data in the GovTech System*. Cham: Springer, 2022. p. 137–148.
 10. Lo B. Between Aspiration and Reality: Russia in the World (Dis)order. Ifri, 2024. No. 134.
 11. Matli W., Malatji M. A Review of internet use and access for BRICS sustainable futures: Opportunities, Benefits, and Challenges. *Journal of Information Systems and Informatics*. 2024;6(1):435–452.
 12. Morozkina A. K. Regional perspective of digitalization in BRICS. *International organizations research journal*. 2020;15(4):70–90. (In Russ.).
 13. Karpunina E. K., Konovalova M. E. Investing in R&D, shaping the future: a comparative analysis of the BRICS and OECD countries. *Drukerovskij vestnik*. 2021;(1):65–76. (In Russ.).
 14. Sokolov A., Shashnov S., Kotsemir M. et al. Identification of Priorities for S&T Cooperation of BRICS Countries. *International Organizations Research Journal*. 2017;12(4):32–67. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-04-32>. (In Russ.).
 15. Pouris A., Raphasha P. Priorities Setting with Foresight in South Africa. *Foresight and STI Governance*. 2015;9(3):66–79.
 16. Kahn M. Prospects for Cooperation in Science, Technology and Innovation among the BRICS Members. *International Organisations Research Journal*. 2015;10(2):105–119.
 17. Dezhina I. Russia and the New BRICS Countries: Potentials and Limitations of Scientific and Technological Cooperation. Ifri, 2024.
 18. Solovyova Y. N., Galanina I. A. Structure of sources of financing NIOKR in different countries. *Scientists notes PNU*. 2017;8(4):296–301. (In Russ.).
 19. Yakovleva E. A., Gorbunova O. N., Oganessian T. L. et al. Scientific and educational potential as a factor in ensuring the economic security of the state in terms of the digital development intensification: analysis and assessment for the BRICS countries. In: *Proceedings of the 36th IBIMA conference*, November 4–5, Granada, Spain; 2020. p. 8205–8214.
 20. Ponomarev S. V., Bukhonova N. M., Saifutdinova L. R. et al. Comparative analysis of the scientific, educational and digital potential of the BRICS and G7 countries: conclusions for public administration systems. *Proceedings of the Southwest State University. Series: economics, sociology and management*. 2023;13(2):39–52. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>. (In Russ.).
 21. Plyasova S. V., Bondareva N. A., Gridnev Yu. V. Assessment of the digital potential of the BRICS

- вательно и цифрового потенциала стран БРИКС и G7: выводы для систем государственного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 2. С. 39–52. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52>.
21. Плясова С. В., Бондарева Н. А., Гривнев Ю. В. Оценка цифрового потенциала стран БРИКС в условиях формирования нового геопорядка // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25, № 1. С. 128–142. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.1.11>.
 22. Ponomarev S. V., Mirgorod E. E., Beilina A. F. et al. Online education in BRICS countries: new opportunities for post-pandemic development. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations. Cham: Springer, 2024. P. 373–378.
 23. Петровский А. Б., Проничкин С. В., Стернин М. Ю. и др. Организация и управление наукой: опыт ЮАР // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2017. Т. 67, № 2. С. 91–103.
 24. International Monetary Fund. World Economic Outlook 2023. Navigating Global Divergences. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (дата обращения: 05.02.2025).
 25. Планета БРИКС : Коммерсантъ : офиц. сайт. Ведущее объединение незападного мира связало разные континенты. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7363881> (дата обращения: 05.02.2025).
 26. Statista. BRICS and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.6bd66a59-67701241-66713039-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/ (дата обращения: 05.02.2025).
 27. Visualcapitalist. Charted: Comparing the GDP of BRICS and the G7 Countries. URL: <https://www.visualcapitalist.com/charted-comparing-the-gdp-of-brics-and-the-g7-countries/> (дата обращения: 05.02.2025).
 28. CBR. BRICS 2023 Economic bulletin. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/47728/brics_bulletin_2023.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
 29. Statisticstimes. Comparing United States and China by Economy. URL: <https://statisticstimes.com/economy/united-states-vs-china-economy.php> (дата обращения: 05.02.2025).
 30. Анализ экономик стран БРИКС и их сотрудничества с Россией в части международной торговли. 2024. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/83d/gifenn7d8pdai6dx5278bidhpwopwn0.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
 31. Statista. Proportions of economic sectors in the gross domestic product (GDP) in selected countries in 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/264653/proportions-of-economic-sectors-in-gross-domestic-product-gdp-in-selected-countries/> (accessed: 05.02.2025).
 32. Muratshina K. G. "BRICS Plus" format: background, institutionalization trajectories and regional specific features. *Ars Administrandi*. 2019;11(1):135–150. (In Russ.).
 33. 1520INTERNATIONAL. BRICS and the new architecture of. URL: <https://1520international.com/content/2024/sentyabr-2024/brics-and-the-new-architecture-of-international-trade/> (accessed: 05.02.2025).
 - countries in the formation of the new geopolitical order. *Journal of Volgograd State University. Economics*. 2023;25(1):128–142. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.1.11>. (In Russ.).
 22. Ponomarev S. V., Mirgorod E. E., Beilina A. F. et al. Online education in BRICS countries: new opportunities for post-pandemic development. In: Sergi B. S., Popkova E. G., Ostrovskaya A. A., Churshin A. A., Ragulina Yu. V., eds. Ecological Footprint of the Modern Economy and the Ways to Reduce It. The Role of Leading Technologies and Responsible Innovations. Cham: Springer, 2024. p. 373–378.
 23. Petrovsky A. B., Pronichkin S. V., Sternin M. Yu. et al. Organization and management of science: The experience of Republic of South Africa. *Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences*. 2017;67(2):91–103. (In Russ.).
 24. International Monetary Fund. World Economic Outlook 2023. Navigating Global Divergences. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023> (accessed: 05.02.2025).
 25. Planeta BRIKS. Kommersant. Vedushchee obyedienie nezapadnogo mira svyazalo raznye kontinenty. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7363881> (accessed: 05.02.2025).
 26. Statista. BRICS and G7 countries' share of the world's total gross domestic product (GDP) in purchasing power parity (PPP) from 2000 to 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/> (accessed: 05.02.2025).
 27. Visualcapitalist. Charted: Comparing the GDP of BRICS and the G7 Countries. URL: <https://www.visualcapitalist.com/charted-comparing-the-gdp-of-brics-and-the-g7-countries/> (accessed: 05.02.2025).
 28. CBR. BRICS 2023 Economic bulletin. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/47728/brics_bulletin_2023.pdf (accessed: 05.02.2025).
 29. Statisticstimes. Comparing United States and China by Economy. URL: <https://statisticstimes.com/economy/united-states-vs-china-economy.php> (accessed: 05.02.2025).
 30. Analiz ekonomik stran BRIKS i ikh sotrudnichestva s Rossiey v chasti mezhdunarodnoy trgovli. 2024. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/83d/gifenn7d8pdai6dx5278bidhpwopwn0.pdf> (accessed: 05.02.2025).
 31. Statista. Proportions of economic sectors in the gross domestic product (GDP) in selected countries in 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/264653/proportions-of-economic-sectors-in-gross-domestic-product-gdp-in-selected-countries/> (accessed: 05.02.2025).
 32. Muratshina K. G. "BRICS Plus" format: background, institutionalization trajectories and regional specific features. *Ars Administrandi*. 2019;11(1):135–150. (In Russ.).
 33. 1520INTERNATIONAL. BRICS and the new architecture of. URL: <https://1520international.com/content/2024/sentyabr-2024/brics-and-the-new-architecture-of-international-trade/> (accessed: 05.02.2025).

- product-gdp-in-selected-countries/ (дата обращения: 05.02.2025).
32. Муратшина К. Г. Формат «БРИКС-плюс»: истоки, особенности институционализации, региональная специфика // *Ars Administrandi*. 2019. Т. 11, № 1. С. 135–150.
33. 1520INTERNATIONAL. БРИКС и новая архитектура. URL: <https://1520international.com/content/2024/sentyabr-2024/brics-and-the-new-architecture-of-international-trade/> (дата обращения: 05.02.2025).
34. Statista. Export of goods by the BRICS countries from 2000 to 2023 (in billion U.S. dollars). URL: <https://www.statista.com/statistics/254301/exports-of-the-bric-countries/> (дата обращения: 05.02.2025).
35. Statista. Brazil: Main export partners in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/270816/most-important-export-partner-countries-for-brazil/> (дата обращения: 05.02.2025).
36. Statista. Russia: Main export partners in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/271346/main-export-partners-for-russia/> (дата обращения: 05.02.2025).
37. Statista. India: Main export partners in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/271316/main-export-partners-for-india/> (дата обращения: 05.02.2025).
38. Statista. Value of export of goods from China from 2013 to 2023 (in billion U.S. dollars). URL: <https://www.statista.com/statistics/263661/export-of-goods-from-china/> (дата обращения: 05.02.2025).
39. Statista. Distribution of Chinese exports in 2023, by trade partner. URL: <https://www.statista.com/statistics/270326/main-export-partners-for-china/> (дата обращения: 05.02.2025).
40. Infobrics. Intra-BRICS Trade and Analysis 2023. URL: <https://infobrics.org/post/39263/> (дата обращения: 05.02.2025).
41. Global Innovation Index 2023 at a glance. URL: <https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-2023-wipo-pub-2000-2023-section1-en-gii-2023-at-a-glance-global-innovation-index-2023.pdf> (accessed: 05.02.2025).
42. World Bank Group. Research and development expenditure (% of GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2022&start=2003> (дата обращения: 05.02.2025).
43. The International affairs. Экономика США: перспективы послекризисного развития. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2823> (дата обращения: 05.02.2025).
44. Иванов В. В. Научно-технологическая политика в условиях новой стратегии развития России // *Инновации*. 2019. № 4. С. 3–7.
45. Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/963447657.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
46. The Hindu. Why sustainable funding matters for India's "science power" ambition. URL: <https://www.thehindu.com/sci-tech/science/sustainable-funding-science-power-ambition-india/article67884760.ece> (дата обращения: 05.02.2025).
47. Statista. Export of goods by the BRICS countries from 2000 to 2023 (in billion U.S. dollars). URL: <https://www.statista.com/statistics/254301/exports-of-the-bric-countries/> (accessed: 05.02.2025).
48. Statista. Brazil: Main export partners in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/270816/most-important-export-partner-countries-for-brazil/> (accessed: 05.02.2025).
49. Statista. Russia: Main export partners in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/271346/main-export-partners-for-russia/> (accessed: 05.02.2025).
50. Statista. India: Main export partners in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/271316/main-export-partners-for-india/> (accessed: 05.02.2025).
51. Statista. Value of export of goods from China from 2013 to 2023 (in billion U.S. dollars). URL: <https://www.statista.com/statistics/263661/export-of-goods-from-china/> (accessed: 05.02.2025).
52. Statista. Distribution of Chinese exports in 2023, by trade partner. URL: <https://www.statista.com/statistics/270326/main-export-partners-for-china/> (accessed: 05.02.2025).
53. Infobrics. Intra-BRICS Trade and Analysis 2023. URL: <https://infobrics.org/post/39263/> (accessed: 05.02.2025).
54. Global Innovation Index 2023 at a glance. URL: <https://www.wipo.int/documents/d/global-innovation-index/docs-en-2023-wipo-pub-2000-2023-section1-en-gii-2023-at-a-glance-global-innovation-index-2023.pdf> (accessed: 05.02.2025).
55. World Bank Group. Research and development expenditure (% of GDP). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?end=2022&start=2003> (accessed: 05.02.2025).
56. The International affairs. Экономика США: перспективы послекризисного развития. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2823> (accessed: 05.02.2025).
57. Иванов В. В. Научно-технологическая политика в условиях новой стратегии развития России // *Инновации*. 2019. № 4. С. 3–7.
58. Рост затрат на науку в России: итоги 2023 года. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/963447657.pdf> (accessed: 05.02.2025).
59. The Hindu. Why sustainable funding matters for India's "science power" ambition. URL: <https://www.thehindu.com/sci-tech/science/sustainable-funding-science-power-ambition-india/article67884760.ece> (accessed: 05.02.2025).
60. Analiz rynka uslug Indii v sfere intellektualnoy sobstvennosti (franchayzing i NIOKR). URL: https://myexport.exportcenter.ru/marketing-research/Услуги%20ИС_Индия.pdf (accessed: 05.02.2025).
61. Krylatykh E. S. The challenges of South Africa towards the foundation of an effective national innovation policy. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"*. 2014;(6). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/102EVN614.pdf> (accessed: 05.02.2025). (In Russ.).
62. Wipo. World Intellectual Property Indicators Report: Global Patent Filings Reach Record High in 2023. URL:

47. Анализ рынка услуг Индии в сфере интеллектуальной собственности (франчайзинг и НИОКР). URL: https://myexport.exportcenter.ru/marketing-research/Услуги%20ИС_Индия.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
48. Крылатых Э. С. Проблемы ЮАР на пути к созданию эффективной инновационной политики страны // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 6. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/102EVN614.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
49. Wipo. World Intellectual Property Indicators Report: Global Patent Filings Reach Record High in 2023. URL: https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2024/article_0015.html (дата обращения: 05.02.2025).
50. Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?order=itp&ord=desc&year=2020> (дата обращения: 05.02.2025).
51. Nature index. Country/territory tables. URL: <https://www.nature.com/nature-index/country-outputs/generate/all/global> (дата обращения: 05.02.2025).
52. PSB blog.. Венчур перемен. Как развивается инвестиционный рынок мегаполисов стран БРИКС? URL: <https://psblog.ru/venchur-peremen-kak-razvivaetsya-investitsionnyj-rynok-megapolisov-stran-briks/> (дата обращения: 05.02.2025).
53. Karpunina E. K., Pilipchuk N. V., Mirzabalaeva F. I. et al. Measuring the activity of the population of Russian regions in the global online labour market // *International Journal of Human Resources Development and Management*. 2023; 23(3):250–267. (In Russ.).
54. Karpunina E. K., Arutyunova A. E., Sazanova E. V. et al. Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*. 2022; 13(4):392–409. (In Russ.).
55. World Bank Group. Fixed broadband subscriptions (per 100 people). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.BBND.P2?end=2023&locations=CN&start=2003> (дата обращения: 05.02.2025).
56. World Bank Group. Individuals using the Internet (% of population). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2023&start=2003> (дата обращения: 05.02.2025).
57. Кони́на Н. Ю. Развитие ключевых технологий в БРИКС – возможности международного экономического сотрудничества и инноваций // *Экономические науки*. 2024. № 9. С. 357–361. https://www.wipo.int/pressroom/en/articles/2024/article_0015.html (accessed: 05.02.2025).
50. Scimago Journal & Country Rank. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php?order=itp&ord=desc&year=2020> (accessed: 05.02.2025).
51. Nature index. Country/territory tables. URL: <https://www.nature.com/nature-index/country-outputs/generate/all/global> (accessed: 05.02.2025).
52. PSB blog. Venchur peremen. Kak razvivaetsya investitsionnyj rynok megapolisov stran BRIKS? URL: <https://psblog.ru/venchur-peremen-kak-razvivaetsya-investitsionnyj-rynok-megapolisov-stran-briks/> (accessed: 05.02.2025).
53. Karpunina E. K., Pilipchuk N. V., Mirzabalaeva F. I. et al. Measuring the activity of the population of Russian regions in the global online labour market. *International Journal of Human Resources Development and Management*. 2023; 23(3):250–267. (In Russ.).
54. Karpunina E. K., Arutyunova A. E., Sazanova E. V. et al. Digitalisation determinants and digital dividends of the higher education system (on the example of Russia). *International Journal of Education Economics and Development*. 2022; 13(4):392–409. (In Russ.).
55. World Bank Group. Fixed broadband subscriptions (per 100 people). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.BBND.P2?end=2023&locations=CN&start=2003> (accessed: 05.02.2025).
56. World Bank Group. Individuals using the Internet (% of population). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS?end=2023&start=2003> (accessed: 05.02.2025).
57. Konina N. Yu. Development of key technologies in BRICS – opportunities for international economic cooperation and innovation. *Economic Sciences*. 2024; (9):357–361. (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Пономарев – кандидат физико-математических наук, доцент;
pionerday@yandex.ru
С. В. Языкова – кандидат экономических наук, доцент;
sv.yaz@bk.ru
И. В. Шапошникова – кандидат экономических наук, доцент;
ranets@yandex.ru
Е. О. Плеханова – старший преподаватель;
egenkak@gmail.com

About the authors

S. V. Ponomarev – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Docent;
pionerday@yandex.ru
S. V. Yazykova – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
sv.yaz@bk.ru
I. V. Shaposhnikova – Candidate of Sciences (Economics), Docent;
ranets@yandex.ru
E. O. Plekhanova – Senior Lecturer;
egenkak@gmail.com

Научная статья

УДК 332.871(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-9>

Функции управления многоквартирным домом

Евгения Васильевна Уфимцева^{1, 2✉}, Вячеслав Петрович Ревенко³,
Юсуп Юнусович Галямов¹

¹Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия

²Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

³ООО «Управляющая компания «Жилище», Томск, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена целью государственной политики Российской Федерации в сфере управления многоквартирными домами, которая заключается в обеспечении безопасного состояния многоквартирных домов и благоприятных условий проживания в них граждан посредством устойчивой системы эффективного управления многоквартирными домами сообществами собственников помещений, привлекающими для оказания услуг и выполнения работ профессиональных исполнителей на рынке. Цель исследования продиктована остротой вопроса и заключается в необходимости формирования теоретических и практических основ в аспекте функций управления многоквартирными домами в современных условиях. Существующая совокупность несовершенства системы управления многоквартирными домами порождает комплекс проблем. В этой связи в ходе исследования последовательно рассмотрено понятие «управление многоквартирным домом», обозначены общепринятые функции управления, разработаны и сформулированы определения понятий функций управления как звеньев процесса управления многоквартирным домом, способствующих обеспечению результативной и эффективной управленческой деятельности собственников помещений и управляющих организаций в текущий период и в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: управление, функции, многоквартирный дом, субъект, объект, система, эффективность

Для цитирования: Уфимцева Е. В., Ревенко В. П., Галямов Ю. Ю. Функции управления многоквартирным домом // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 86–95. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-9>.

Original article

Apartment building management functions

Evgeniya V. Ufimtseva^{1, 2✉}, Vyacheslav P. Revenko³, Yusup Yu. Galyamov¹

¹Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk, Russia

²Tomsk State University, Tomsk, Russia

³ООО Building Management Company “Zhilishche”, Tomsk, Russia

Abstract. The relevance of the study is conditioned by the objective of the Russian Federation state policy in the sphere of apartment building's management, which is to ensure the security of apartment buildings and favorable living conditions for citizens. Communities of property owners can achieve this by employing a sustainable system of effective apartment building management and engaging professional market service providers. The urgency of the issue dictates the purpose of the study, which consists of the need to form theoretical and practical foundations in the aspect of management functions of apartment buildings in modern conditions. Flaws within the apartment building's management system create various problems. The research consistently considers the concept of “apartment building management”, identifies commonly accepted management functions, develops and formulates definitions of the management functions concepts

as links of the apartment building management process. These functions contribute to ensuring efficient management activities of property owners and management organizations in the current period and in the future.

Keywords: management, functions, apartment building, subject, object, system, efficiency

For citation: Ufimtseva E. V., Revenko V. P., Galyamov Yu. Yu. Apartment building management functions. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):86–95. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-9>.

ВВЕДЕНИЕ

Квартиры в многоквартирном доме – это жизненное пространство человека. В целом многоквартирный дом – это здание, представляющее собой не только жилые помещения (квартиры), но и все инженерные коммуникации, удобства, оборудование, соединенные с ним и считающиеся его неотъемлемой частью, а также участок земли, на котором оно расположено, и примыкающую к нему дворовую территорию. Особенность собственности в многоквартирном доме заключается в том, что кроме собственной квартиры, имеется еще и «общее имущество в многоквартирном доме». Обозначим, что общее имущество не является частями квартир и предназначено для обслуживания более одного помещения в многоквартирном доме. В отношении управления жилым помещением (квартирой) каждый собственник принимает самостоятельные решения, а в части управления общим имуществом собственников необходимо принимать решение собственниками помещений совместно. Исходя из вышеизложенного общая собственность многоквартирного дома, включая земельный участок под этим домом, выступает объектом управления в многоквартирном доме. Следовательно, управление в данном случае должно быть обращено на гарантии безопасности эксплуатации, безотказности работы конструкций и инженерных систем, эффективности использования энергии в многоквартирном доме.

Подчеркнем, что управление – это циклический процесс, заключающийся в детерминированной последовательности этапов определенных действий. Всякий реальный процесс, в том числе процесс управления, является процессом неравновесным, так как обычно связан с большим количеством переменных (определенных частей процесса)

и зависимостей между ними. Иначе говоря, процесс управления представляет собой цепочку коррелирующих функций планирования, организации, мотивации и контроля. Таким образом, процесс управления есть сложноорганизованный механизм, а функции управления – непосредственно звенья этого механизма.

На проблемах управления многоквартирными домами сосредоточено внимание таких ученых-исследователей, как Н. А. Барышникова, П. Л. Алтухов, Е. М. Душевина [1], К. А. Рябова [2], А. А. Петросян [3], Д. П. Гордеев [4], И. С. Силантьев [5], Ю. В. Посвятенко, Е. А. Фиров [6], Д. А. Пастер [7] и др.

В трудах Ю. В. Панько [8], Н. В. Кузнецовой [9], Ш. Ражабова, М. Х. Гадоевой [10], Е. Л. Борщука, Т. В. Бегун, Д. Н. Бегун, Е. А. Калининой, Е. Г. Колосовой, И. Г. Сидоровой [11], В. А. Балабан и других уделено внимание вопросам в области функций управления.

В результате обзора существующих теоретических и практических трудов ученых-исследователей в области управления многоквартирным домом становится очевидным факт отсутствия конкретного выделения функций управления применительно к управлению многоквартирным домом. Смело можно заключить, что функциям управления многоквартирным домом как звеньям процесса управления не уделено должного внимания. В этой связи данное положение делает настоящее исследование весьма актуальным, что позволит детально осмыслить обозначенную область исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследования применены следующие методы: анализ и синтез, обобщение и систематизация, также логический,

причинно-следственный, функциональный и графический.

При проведении исследования использованы нормативно-правовые документы в области жилищной сферы: Жилищный кодекс [12] и постановления Правительства РФ [13–15].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим детально понятие «управление многоквартирным домом». Жилищный кодекс РФ (ст. 161 п. 1) определяет управление многоквартирным домом как обеспечение благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащее содержание общего имущества в многоквартирном доме, решение вопросов пользования указанным имуществом, а также предоставление коммунальных услуг гражданам, проживающим в таком доме, или в случаях, предусмотренных ст. 157.2 ЖК РФ, обеспечение готовности инженерных систем [12].

В формулировке понятия «управление многоквартирным домом» используются следующие действия: «обеспечение», «содержание», «решение вопросов», «предоставление».

Использование в формулировке понятия «управление многоквартирным домом» обозначенных действий с юридической точки зрения имеет фундаментальное значение для определения границ полномочий, направленной деятельности и конечных результатов реализации деятельности.

В словаре русского языка «обеспечение» – это комплекс мер и средств, создание условий, способствующих нормальному протеканию процессов, реализации намеченных планов, программ, проектов, поддержанию стабильного функционирования системы и ее объектов, предотвращению сбоев, нарушений законов, нормативных установок, контрактов.

«Обеспечение» – это длительное, постоянно возобновляемое (циклическое) действие, направленное на выполнение задачи.

Из определения понятия «обеспечение» видно, что оно включает:

- «создание условий» – это разовое действие, направленное на решение конкретной задачи;
- «реализацию» – акт выполнения, осуществления или воплощения чего-либо;
- «поддержание» имеет такие синонимы, как сохранение, стабилизация, помощь, подстраховка, т. е. осуществление определенного действия;
- «предотвращение» имеет синонимическое сближение с понятиями «предупреждение, устранение, блокирование», т. е. осуществление определенного действия.

«Содержание», «решение вопросов», «предоставление» – это осуществление конкретного действия (совокупности действий) или принятия конкретного решения.

Итак, управление многоквартирным домом есть целевой и непрерывный процесс действий, направленных субъектом управления на изменение состояния объекта управления.

В качестве объекта управления выступает многоквартирный дом, а точнее, общее имущество такого дома.

В роли субъектов управления выступают:

- во-первых, первичный субъект – это собственники помещений многоквартирного дома;
- во-вторых, опосредованный субъект – это лица, привлеченные собственниками помещений для управления домом (управляющая организация).

Важно подчеркнуть, что в случае если собственники не выбрали способ управления, то орган местного самоуправления проводит открытый конкурс по отбору управляющей организации (ст. 161 п. 4 ЖК РФ) [12].

Исходя из обозначенного первичный субъект управления заключает договор управления многоквартирным домом с опосредованным субъектом управления (рис. 1).

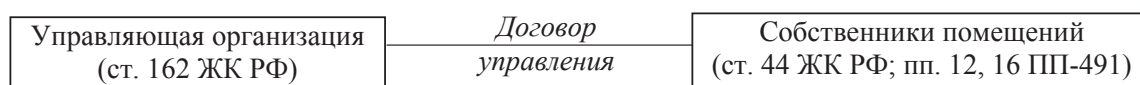

Рис. 1. Заключение договора управления по результатам выбранного способа управления

Примечание: составлено авторами.

В общепринятом понимании функциями управления на предприятии являются планирование, организация, мотивация и контроль. В отношении многоквартирного дома как объекта управления выделим следующие функции управления: планирование, организация, реализация, контроль.

Далее последовательно рассмотрим обозначенные функции управления применительно к управлению многоквартирным домом и по итогу объединим их в систему. Отметим, что система – это объединение некоторого разнообразия в единое, но четко разделенное целое, элементы которого по отношению друг к другу занимают соответствующие структуре системы места. Элементы (подсистемы) объединяются в систему посредством формирования связей между ними. Связь – такое отношение между элементами (подсистемами), при котором изменение свойств одного (одной)

из них вызывает соответствующее изменение свойств другого (другой).

Планирование. В традиционном понимании планирование – это функция субъекта управления по определению объективно обусловленных пропорций и объемов развития и функционирования объекта управления. Сформулируем определение понятия «планирование» как функцию управления многоквартирным домом – это согласованная деятельность между собственниками помещений многоквартирного дома и управляющей организацией по определению конкретных задач в вопросах содержания и текущего ремонта общего имущества, а также средств их реализации для достижения поставленных целей в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (рис. 2).

Результатом «планирования» как функции управления многоквартирным домом с позиции авторов исследования является

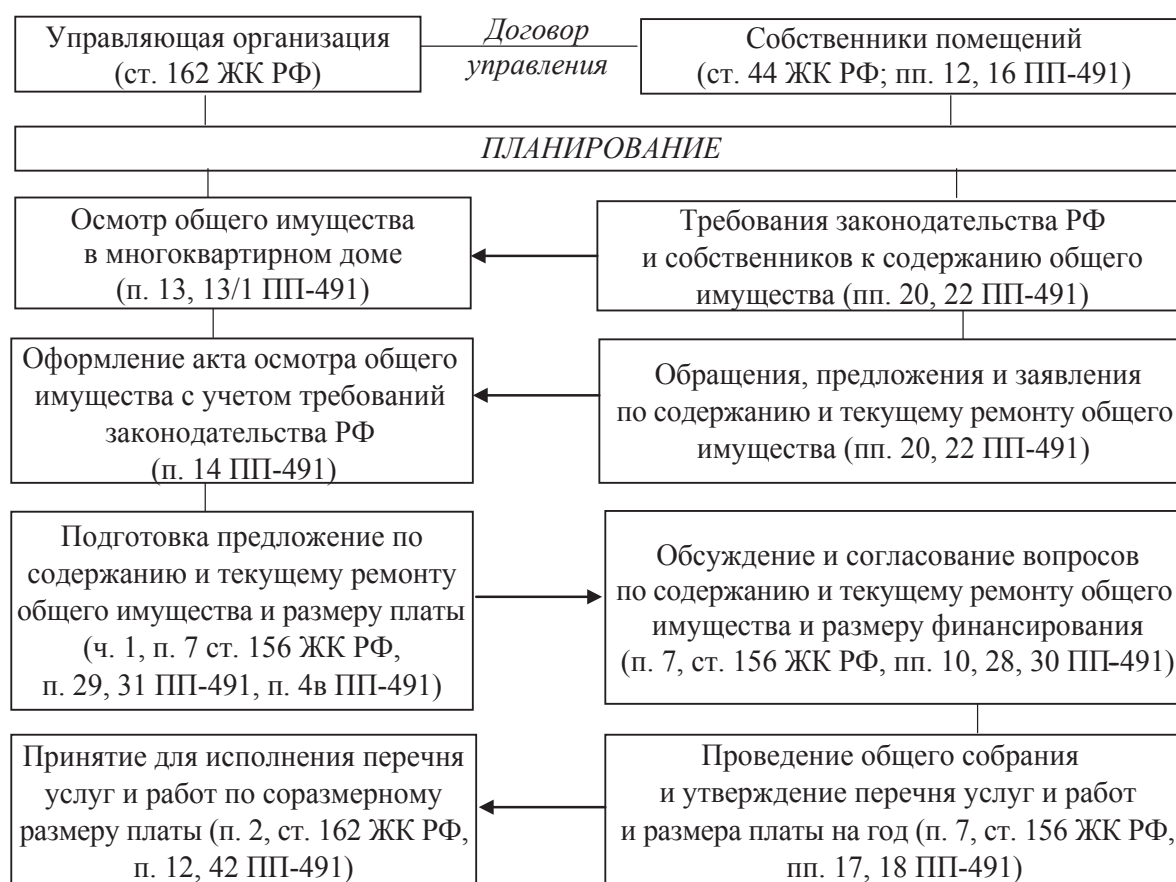

Рис. 2. Планирование как функция управления многоквартирным домом

Примечание: составлено авторами.

запланированный на общем собрании собственников помещений и принятый к исполнению управляющей организацией перечень работ и услуг в отношении многоквартирного дома. В процессе планирования принимают участие все субъекты управления многоквартирным домом (собственники помещений в лице общего собрания и управляющая организация).

Следует отметить, что ограничения действий управляющего только в рамках решения текущих задач по содержанию многоквартирного дома недопустимы. Он должен помочь собственникам посмотреть в будущее (5–15 лет) и предложить стратегический план развития дома, чтобы исполнение каждого мероприятия приближало собственников к стратегической цели. Обозначим, что если собственники желают сохранить и улучшить свое имущество, то содержанием и текущим ремонтом дома надо заниматься планомерно.

Организация. В общепринятом понимании организация как процесс представляет комплекс мероприятий, обеспечивающих взаимосвязь между элементами системы. Организация как воздействие – это упорядоченное влияние субъекта на объект с целью измене-

ния состояния (качества) объекта для достижения определенного результата. Следовательно, говоря об «организации» как функции управления многоквартирным домом, с точки зрения авторов исследования, – это комплекс системно упорядоченных организационно-правовых и организационно-технических мероприятий субъекта управления, направленных на объект управления с целью изменения состояния последнего (рис. 3).

Результатом «организации» как функции управления многоквартирным домом с позиции авторов исследования является наличие услуг и (или) работ установленного качества и объема. За обозначенный результат «организации» отвечает управляющая организация.

Реализация. Реализация – это сложный процесс, протекающий во времени, заключающийся в осуществлении, воплощении в реальность. Формами реализации как функции управления многоквартирным домом являются:

- соблюдение – заключается в воздержании субъекта управления от совершения действий, находящихся под запретом;
- исполнение – заключается в активных действиях субъекта управления по претворению в реальность обязывающих предписаний;

Рис. 3. Организация как функция управления многоквартирным домом

Примечание: составлено авторами.

– использование – заключается в осуществлении правомочий субъекта управления.

Конкретизируем определение понятия «реализация» как функцию управления многоквартирным домом – это фактическое осуществление услуг и (или) работ (законные активные действия) опосредованным субъектом управления в отношении объекта управления с целью изменения (с позиции улучшения) состояния последнего (рис. 4).

Результатом «реализации» как функции управления многоквартирным домом с точки зрения авторов исследования является фактическое оказание услуг и (или) выполнение работ в заданные сроки, также установленного качества и объема. За обозначенный результат «реализации» отвечает управляющая организация.

Контроль. Контроль – это процесс обеспечения достижения целей. Этот процесс пре-

доставляет возможность свести к минимуму отклонения от стандартов и гарантировать, что заявленные цели будут достигнуты желаемым образом. Уточним определение понятия «контроль» как функцию управления многоквартирным домом – это своевременное выявление ошибок в процессе осуществления услуг и (или) работ в отношении объекта управления с целью принятия корректирующих мер (рис. 5).

Результатом «контроля» как функции управления многоквартирным домом с точки зрения авторов исследования является качественное и в полном объеме фактическое оказание услуг и выполнение работ точно в срок.

Таким образом, управление многоквартирным домом с выделением разработанных функций управления можно представить в виде системы (рис. 6).

Рис. 4. Реализация как функция управления многоквартирным домом

Примечание: составлено авторами.

Рис. 5. Контроль как функция управления многоквартирным домом

Примечание: составлено авторами.

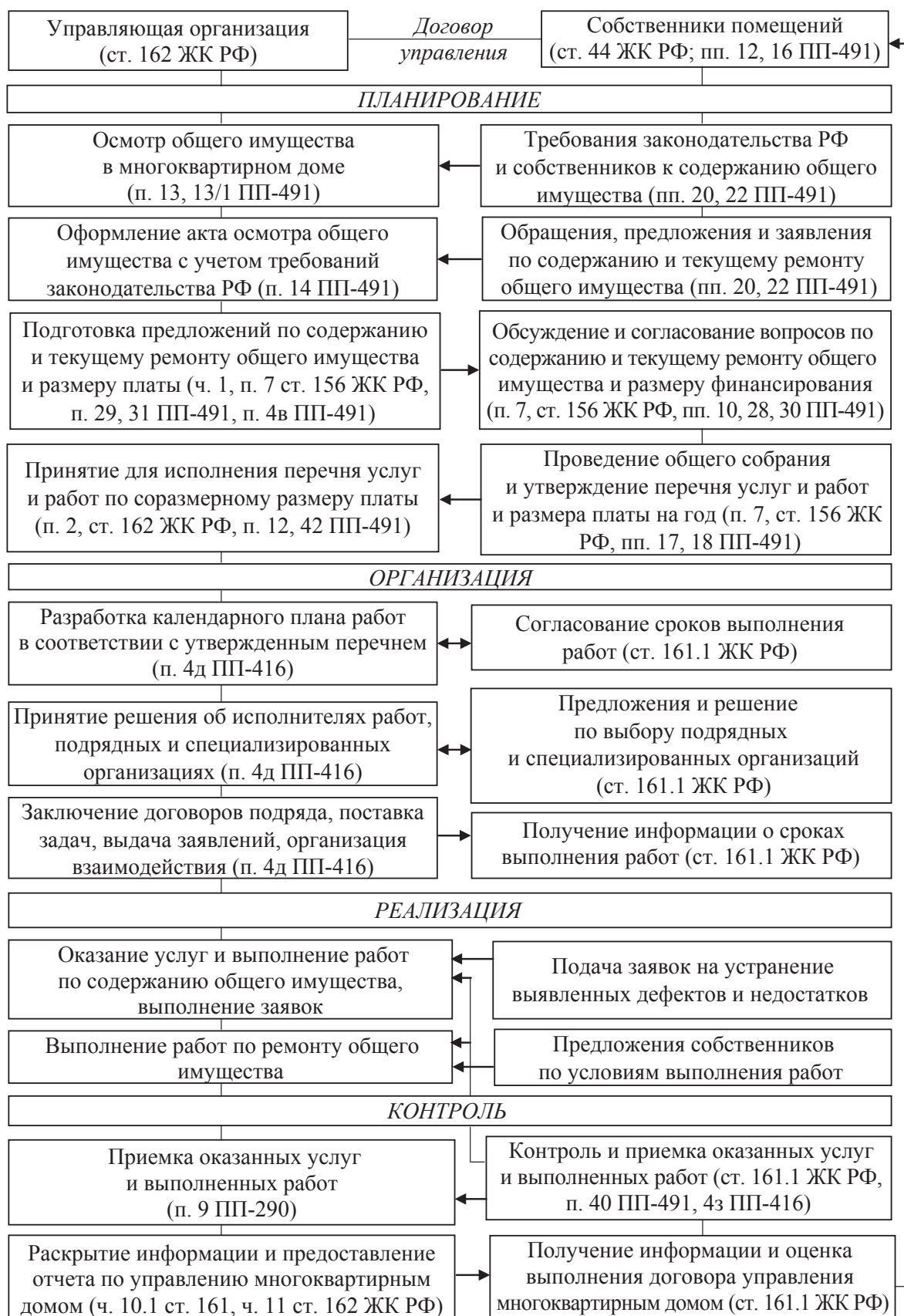

Рис. 6. Управление многоквартирным домом как система

Примечание: составлено авторами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на предложенном, управление многоквартирным домом – это согласованная деятельность собственников помещений и управляющей организации по надлежащему содержанию общего имущества с целью обеспечения благоприятных и безопасных условий проживания граждан в данном доме.

Соответствующим образом результатом управления многоквартирным домом является повышение (улучшение, изменение) качества услуг (работ) и уровня условий проживания граждан в конкретном многоквартирном доме.

Заклучим, что функции управления занимают одно из центральных мест в управленческой деятельности, поскольку они образуют процесс управления в целом, при этом каждая из них является процессом, и определяют устойчивый

состав всей управленческой деятельности, которая характеризуется однородностью своих целей, действий или объектов их приложения. Процесс управления многоквартирным домом должен начинаться с планирования как функции управления, открывающей цикл управления и обеспечивающей основу для других функций, которые, в свою очередь, ориентированы на выполнение плана. Завершаться процесс управления многоквартирным домом должен по принципу обратной связи, существующему при любых взаимодействиях субъекта и объекта управления, который обеспечивает такая функция управления, как контроль, заключающийся в проверке безошибочности управленческой деятельности, а также обеспечении ее таким образом, чтобы она была максимально результативна и эффективна.

Список источников

1. Барышникова Н. А., Алтухов П. Л., Душевина Е. М. Управление многоквартирными домами: современное состояние, проблемы, пути решения // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 9. С. 536–554.
2. Рябова К. А. Перспективы и тенденции развития российской доктрины и законодательства в сфере управления многоквартирными домами // Молодой ученый. 2023. № 46. С. 289–291.
3. Петросян А. А. Критерии выбора наиболее эффективного способа управления многоквартирным домом // Синергия наук. 2019. № 35. С. 422–527.
4. Гордеев Д. П. Изменение правового статуса товариществ собственников жилья как объединения собственников жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11. С. 74–87.
5. Силантьев И. С. О некоторых особенностях управления многоквартирным домом посредством заключения договора управления // Актуальные проблемы юриспруденции : сб. ст. XXVIII междунар. науч.-практ. конф., 20 ноября 2019 г., г. Новосибирск. Новосибирск : Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2019. С. 69–75.
6. Посвятенко Ю. В., Фиров Е. А. Взаимодействие потребителей и публичной власти в сфере управления многоквартирными домами // Экономика и предпринимательство. 2023. № 12. С. 1395–1399. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.161.12.272>.
7. Пастер Д. А. Выбор управляющей организации как один из способов реализации права граждан на управление многоквартирным домом // Социальная справедливость и право: к упрочению

References

1. Baryshnikova N. A., Altuhov P. L., Dushevina E. M. Management of apartment buildings: current state, problems, solutions. *Moscow Economic Journal*. 2022;7(9):536–554. (In Russ.).
2. Ryabova K. A. Perspektivy i tendentsii razvitiya rossiyskoy doktriny i zakonodatelstva v sfere upravleniya mnogokvartirnymi domami. *Young Scientist*. 2023;(46):289–291. (In Russ.).
3. Petrosyan A. A. Criteria of the selection of the most efficient method of managing the apartment building. *Sinergiya nauk*. 2019;(35):422–527. (In Russ.).
4. Gordeev D. P. Changes in legal status homeowners as the union of owners of residential and commercial premises in the apartment house. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2016;(11):74–87. (In Russ.).
5. Silantiev I. S. About some features of managing a multi-apartment house by concluding a management agreement. In: *Proceedings of 28th Research-to-Practice Conference “Aktualnye problemy yurisprudentsii”*, November 20, 2019, Novosibirsk. Novosibirsk: Assotsiatsiya nauchnykh sotrudnikov “Sibirskaia akademi-cheskaya kniga”; 2019. p. 69–75. (In Russ.).
6. Posvyatenko Yu. V., Firov Ye. A. Interaction between consumers and public authorities in the sphere of apartment building management. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2023;(12):1395–1399. <https://doi.org/10.34925/EIP.2023.161.12.272>. (In Russ.).
7. Paster D. A. Vybor upravlyayushchey organizatsii kak odin iz sposobov realizatsii prava grazhdan na upravlenie mnogokvartirnym domom. In: *Proceedings of International Research-to-Practice Conference “Sotsialnaya spravedlivost i pravo: k uprocheniyu mira i predotvrashcheniyu krizisov”*, February 17–18, 2023, Moscow. Moscow: Moscow University for the Humanities; 2023. p. 321–325. (In Russ.).

- мира и предотвращению кризисов : материалы Междунар. науч.-практич. конф., 17–18 февраля 2023 г., г. Москва. М. : Московский гуманитарный университет, 2023. С. 321–325.
8. Панько Ю. В. Проблемы дефиниции категорий «функция управления» и «управленческая функция» в теории управления // Развитие концепций управления в системе научного знания : материалы междунар. науч.-практич. конф., 15 марта 2021 г., г. Саратов. Саратов : Амирит, 2021. С. 104–107.
 9. Кузнецова Н. В. Теория и практика управления. Основные функции управления: коммуникация. Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54226662> (дата обращения: 28.06.2024).
 10. Ражабов Ш., Гадоева М. Х. Функции управления и их значение в процессе эффективного управления предприятием // Бенефициар. 2019. № 33. С. 23–27.
 11. Боршук Е. Л., Бегун Т. В., Бегун Д. Н. и др. Процесс управления: функции управления и связующие процессы. Оренбург : ОрГМУ, 2021. 106 с.
 12. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ ; принят Гос. Думой 22.12.2004; одоб. Советом Федерации 24.12.2004 (ред. от 22.04.2024, с изм. от 25.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024). Доступ из СПС «Гарант».
 13. Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность : постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант».
 14. О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами : постановление Правительства РФ от 15.05.2013 № 416 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант».
 15. О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения : постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант».
 8. Panko Yu. V. Problema definitsii kategoriy “funktsiya upravleniya” i “upravlencheskaya funktsiya” v teorii upravleniya. In: *Proceedings of International Research-to-Practice Conference “Razvitie kontseptsiy upravleniya v sisteme nauchnogo znaniya”*, March 15, 2021, Saratov. Saratov: Amirit; 2021. p. 104–107. (In Russ.).
 9. Kuznetsova N. V. Teoriya i praktika upravleniya. Osnovnye funktsii upravleniya: kommunikatsiya. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University; 2023. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54226662> (accessed: 28.06.2024). (In Russ.).
 10. Razhabov Sh., Gadoeva M. Kh. Functions of management and their value in the process of effective management of the enterprise. *Beneficiary*. 2019;(33):23–27. (In Russ.).
 11. Borshchuk E. L., Begun T. V., Begun D. N. et al. Protsess upravleniya: funktsii upravleniya i svyazuyushchie protsessy. Orenburg: Orenburg State Medical University; 2021. 106 p. (In Russ.).
 12. Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of December 29, 2004 (with Amendments and Additions), adopted by the State Duma on December 12, 2004; approved by the Federation Council on December 24, 2004 (as amended on April 4, 2024, as amended on April 25, 2024) (as amended and supplemented, came into effect on July 1, 2024). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
 13. On approval of the Rules for the maintenance of common property in an apartment building and the Rules for changing the amount of payment for the maintenance of residential premises in the event of the provision of services and performance of work on the management, maintenance and repair of common property in an apartment building of inadequate quality and (or) with interruptions exceeding the established duration: Russian Federation Government Resolution of August 13, 2006, No. 491 (as amended and supplemented). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
 14. On the procedure for implementing activities to manage apartment buildings: Russian Federation Government Resolution of May 15, 2013, No. 416 (as amended and supplemented). Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
 15. On the minimum list of services and works necessary to ensure the proper maintenance of common property in an apartment building, and the procedure for their provision and performance: Russian Federation Government Resolution of April 3, 2013, No. 290 (as amended and supplemented) . Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Уфимцева – кандидат экономических наук, доцент, член Общественного совета при Департаменте жилищно-коммунального хозяйства и государственного жилищного надзора Томской области;
<https://orcid.org/0000-0002-9946-0220>,
Ufimtseva80@mail.ru

About the authors

E. V. Ufimtseva – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Member of the Public Council under the Department of Housing and Public Utilities and State Housing Supervision of the Tomsk Region;
<https://orcid.org/0000-0002-9946-0220>,
Ufimtseva80@mail.ru

В. П. Ревенко – кандидат военных наук, доцент, начальник планово-экономического отдела;
rev275@mail.ru

Ю. Ю. Галямов – доктор экономических наук, доцент, профессор, действительный член Академии жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации;
yusupgalyamov@mail.ru

V. P. Revenko – Candidate of Sciences (Military), Docent, Head of Economic Planning Department;
rev275@mail.ru

Yu. Yu. Galyamov – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Professor, Full Member of the Housing and Communal Academy of the Russian Federation;
yusupgalyamov@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LAW

Научная статья

УДК 343.3/.7(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-10>

Уголовно-правовые меры противодействия современной профессиональной преступности в России: проблемы и перспективы

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Аннотация. Объектом данного исследования являются современные уголовно-правовые меры противодействия профессиональной преступности в России.

Цель настоящего исследования – анализ проблем и перспектив реализации уголовно-правовых мер противодействия отечественной профессиональной преступности в условиях угроз и вызовов современности.

Задачи исследования: определить особенности развития современной профессиональной преступности в России; выявить основные направления реализации уголовной политики в России, целью которых является борьба с профессиональной преступностью; проанализировать эффективность применения уголовно-правовых мер противодействия профессиональной преступной деятельности в современности и определить перспективы их реализации.

Методология. В процессе исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, в числе которых сравнительно-правовой, хронологический, формально-юридический и некоторые другие методы исследования.

Результаты. В современной уголовной политике России можно обнаружить разные варианты противодействия профессиональной преступности правовыми мерами. Повышение порогов уголовной ответственности в отношении преступников-профессионалов достигается путем обнаружения в преступной деятельности данных лиц отличительных черт криминального профессионализма и предусмотрения за «обладание» этими чертами более суровых санкций.

Вывод. Определено, что реализация современной уголовной политики в российском государстве, направленной на борьбу с профессиональной преступностью, не демонстрирует высокую эффективность, поскольку вычленив профессиональную преступную деятельность из общеуголовной правовыми методами ввиду специфики этой деятельности затруднительно. Вследствие этого для решения обозначенной проблемы считаем необходимым сосредоточить внимание законодателя в союзе с правоприменителями на общем обеспечении и укреплении законности и правопорядка в обществе и государстве посредством совершенствования уголовно-правовых институтов.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальный профессионализм, уголовный закон, уголовно-правовые меры предупреждения, рецидив, совокупность преступлений, криминальная специализация

Финансирование: НИР подготовлена в рамках выполнения госзадания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Для цитирования: Зарубина К. А. Уголовно-правовые меры противодействия современной профессиональной преступности в России: проблемы и перспективы // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 96–103. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-10>.

Original article

Criminal law prevention measures against professional crime in Russia: Problems and prospects

Kristina A. Zarubina

Southwest State University, Kursk, Russia

Abstract. The object of this study is modern criminal law measures to counteract professional crime in Russia.

The aim of this study is to analyze the problems and prospects of criminal law measures to counteract domestic professional crime in the context of threats and challenges of the present.

Objectives of the study: to determine the features of the development of modern professional crime in Russia; to identify the main directions of criminal policy implementation in Russia, the purpose of which is to combat professional crime; to analyze the implementation efficiency of criminal-legal measures to counteract professional criminal activity in the present and determine the prospects for their implementation.

Methodology. This research uses both general and specific scientific methods of cognition, such as comparative-legal, chronological, and formal-legal methods, along with others.

Results. In the modern criminal policy of Russia, it is possible to find options for counteracting professional crime by legal measures. We achieve higher limits of criminal liability for professional criminals by identifying the distinctive features of their criminal professionalism and imposing stricter penalties for possessing these traits.

Conclusion. It has been determined that the implementation of modern criminal policy in Russia, aimed at combating professional crime, does not demonstrate high efficiency, because it is difficult to separate professional criminal activity from general criminal activity by legal methods due to its specificity. Consequently, in order to solve this problem, we consider it necessary to focus the attention of the legislator in alliance with law enforcers on the general provision and strengthening of law and order in society and the state through the improvement of criminal legal institutions.

Keywords: professional crime, criminal professionalism, criminal law, criminal law prevention measures, recidivism, set of crimes, criminal specialization

Financing: the work was prepared within the framework of the State Assignment “Legal measures to ensure strategic priorities to counter threats to national security” (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

For citation: Zarubina K. A. Criminal law prevention measures against professional crime in Russia: Problems and prospects. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):96–103. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-10>.

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (далее – Стратегия 2021 г.), одной из важнейших задач реализации внутренней политики российского государства является совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, а также обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступлений. В ст. 42 Стратегии 2021 г. указывается, что, несмотря на принимаемые в государстве

меры, уровень преступности в отдельных сферах остается на высоком уровне. Так, например, в настоящее время в России совершается большое количество преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, а равно и против собственности, в кредитно-финансовой сфере [1]. Это создает реальную угрозу дальнейшей криминализации общества, расширения преступных связей в структуре общеуголовной преступности и проникновения этих связей в разные сферы жизни социума и государства. В результате этого для развития единой государственной

системы противодействия преступной деятельности в различных ее формах и вариациях используются самые разнообразные меры борьбы с этим криминальным явлением, в том числе с ее наиболее опасными видами, детерминирующими общее движение преступного мира, такими как профессиональная преступность.

Профессиональная преступность – это относительно самостоятельный вид преступности, который представляет собой совокупность преступлений, совершаемых на постоянной основе преступниками-профессионалами с целью извлечения дохода [2]. К неотъемлемым признакам криминального профессионализма относятся наличие у преступника криминальной специализации, квалификации, связей в преступном мире, а также восприятие своей противозаконной деятельности как основного и постоянного источника дохода. Об истинных масштабах распространения профессиональной преступности сегодня судить трудно, поскольку этот вид преступности имеет высокий уровень латентности, однако вне зависимости от количественных показателей большинство исследователей едины во мнении: она представляет серьезную опасность для общества и государства, отлично самодетерминируясь, самовоспроизводясь и постоянно адаптируясь к текущим изменениям политической, социально-экономической и культурной конъюнктуры. Современная профессиональная преступность представляет серьезную опасность для страны, являясь движущей силой теневой экономики и составляя тем самым реальную конкуренцию политической власти, создавая мощный прессинг силами своего собственного лобби [3, с. 39–58]. Кроме того, исследователи справедливо констатируют, что профессиональная преступность сегодня не просто существует, но и постоянно растет и развивается, приобретая в ходе изменений своей структуры все более изощренные и опасные формы [4, с. 216–223].

Подобное положение, по справедливому замечанию д.ю.н. Л. Г. Татьяниной, обуславливает необходимость изменения современной уголовно-правовой политики при решении вопроса привлечения к соизмеримой

уголовной ответственности преступников-профессионалов, деятельность которых представляет значительную опасность для личности, общества и государства [5, с. 122–126]. Хотя решение этой важнейшей задачи сегодня имеет много сложностей.

Объектом данного исследования являются современные уголовно-правовые меры противодействия профессиональной преступности в России.

Цель настоящего исследования – анализ проблем и перспектив реализации уголовно-правовых мер противодействия отечественной профессиональной преступности в условиях угроз и вызовов современности.

Задачи исследования: определить особенности развития современной профессиональной преступности в России; выявить основные направления реализации уголовной политики в России, целью которых является борьба с профессиональной преступностью; проанализировать эффективность применения уголовно-правовых мер противодействия профессиональной преступной деятельности в современности и определить перспективы их реализации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В процессе исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы познания, в числе которых сравнительно-правовой, хронологический, формально-юридический и некоторые другие методы исследования. Сравнительно-правовой метод исследования в совокупности с хронологическим методом применялся для анализа эволюции российского уголовного законодательства с целью определения на разных этапах развития современного государства в отечественном законе норм, направленных на борьбу с профессиональной преступностью. Формально-юридический метод применялся для системно-аналитического познания различных правовых категорий, изучаемых в исследовании.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Одной из первых попыток организации противодействия профессиональной преступности уголовно-правовыми мерами стало

нормативное закрепление отечественным законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) института неоднократности, позволяющего дать правовую оценку однородным и (или) тождественным деяниям лиц, ни за одно из которых преступник не был привлечен к ответственности. В первой редакции УК РФ 1996 г. неоднократность была представлена в Общей части как форма множественности преступлений, в особенной – как квалифицирующий признак [6, с. 36–41]. Ч. 1 ст. 16 УК РФ (в первоначальной редакции) закрепляла, что под неоднократностью преступлений необходимо понимать совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК РФ, либо совершение двух или более преступлений, которые предусмотрены разными статьями в случаях, когда это предусмотрено соответствующими статьями Особенной части. При этом уточнялось: если лицо имело погашенную или снятую судимость за ранее совершенное преступление или оно было освобождено от уголовной ответственности, это не считалось неоднократностью преступлений [7]. Несмотря на всю противоречивость нормативного закрепления института неоднократности, исследователи справедливо отмечают, что именно в случае совершения повторного однородного и (или) тождественного преступления социальная оценка преступного поведения заметно меняется, поскольку первое преступление воспринимается обществом в качестве своеобразной составной части вновь возникшей криминальной ситуации [8, с. 46–50]. В результате возникновения такой ситуации у преступника формируется особое мировосприятие, укрепляются и развиваются преступные умения и навыки, что, в свою очередь, по емкому замечанию исследователя А. И. Бойко, закрепляет в данном виде повторности специализированную (приближенную к криминальному профессионализму) форму множественности [9, с. 12–13]. Вследствие этого можно заключить, что институт неоднократности фактически был нацелен на борьбу с профессиональной преступной деятельностью.

Однако, как уже отмечалось ранее, этот уголовно-правовой институт не был лишен

недостатков, главным из которых было неразрешимое противоречие действия нормы о неоднократности преступлений с неотъемлемым принципом уголовного права – принципом справедливости. В результате Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 162-ФЗ институт неоднократности был упразднен [10]. Законодатель справедливо аргументировал принятие данного решения недопустимостью повторного привлечения к уголовной ответственности лица за одно и то же преступление, вследствие чего в УК РФ остались закреплены только две формы множественности – рецидив и совокупность преступлений. С одной стороны, и рецидив, и совокупность преступлений косвенно указывают на систематичность преступной деятельности и устойчивое восприятие преступником противоправного поведения как приемлемого варианта поведения, в связи с чем ужесточение наказания за рецидив и совокупность преступлений полностью отвечает целям борьбы с профессиональной преступностью мерами уголовно-правового характера. Однако, с другой стороны, не каждый рецидивист и не каждый преступник, совершивший два и более преступления, ни за одно из которых он не был осужден, является «профессионалом», поскольку ни рецидив, ни совокупность преступлений ни в какой форме не содержат указаний на такой важнейший признак криминального профессионализма, как наличие у лица преступной специализации и квалификации, необходимых для совершения преступлений, или языком уголовного закона – на однородность и (или) тождественность преступной деятельности. Кроме того, понятие рецидива предполагает обязательное наличие непогашенной судимости у лица, хотя настоящий профессиональный преступник отличается неуязвимостью к уголовному преследованию.

Вследствие этого можно заключить, что современные формы множественности преступлений, закрепленные в действующем УК РФ, такие как совокупность преступлений

и рецидив, не позволяют в полной мере реализовать мероприятия по противодействию профессиональной преступности посредством привлечения к уголовной ответственности лиц в соответствии с реальной общественной опасностью их противозаконной деятельности, а проводимая либерализация уголовного законодательства, входит в некоторое противоречие с задачами борьбы с рассматриваемым видом преступности [11, с. 101–105]. А с упразднением института неоднократности, как отмечала исследователь Н. Ф. Кузнецова, Государственная дума РФ «в противовес генеральным направлениям уголовной политики гуманизировала наказуемость профессиональной преступности...» [12, с. 26–27].

Однако справедливости ради отметим, что по признаку систематичности преступной деятельности привлечь лицо к соизмеримому наказанию достаточно проблематично, поскольку правильно учесть при правовой оценке деяний былые «криминальные заслуги» преступника, за которые лицо уже отбывало наказание, не нарушая основные принципы уголовного права, не представляется возможным. Вследствие этого можно предположить, что для борьбы с профессиональной преступностью систематичность преступной деятельности не может являться «отправной точкой» при формулировании квалифицирующих признаков преступлений, поскольку формирование этого направления правового противодействия активности преступников-профессионалов в рамках действующей уголовно-правовой доктрины заведомо малоэффективно.

При этом справедливости ради отметим, что вычленение «профессионалов» среди остальной массы правонарушителей с целью ужесточения наказаний именно в отношении данной категории преступников можно производить не только посредством определения систематичности преступной деятельности. Так, например, к неотъемлемым признакам криминального профессионализма также относится наличие устойчивых связей с преступным миром, которое предопределяет занятие лицом в этом мире определенного статуса. Полагаем, что именно это

умозаключение легло в основу аргументации принятия решения относительно введения в апреле 2019 г. в действующий УК РФ ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 [13], после которого в уголовном законодательстве впервые появилось понятие «высшее положение в преступной иерархии», а наказывать стали не только за совершение деяния в форме действия или бездействия, но и за обладание тем самым криминальным статусом, о котором шла речь ранее. В пояснительной записке к данному законопроекту указывалось, что в действующем уголовном законе не была предусмотрена ответственность за сам факт лидерства лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, хотя именно такие лица представляют для общества серьезную опасность [14]. Это утверждение косвенно дает основания полагать, что основной целью данного нововведения является как раз борьба с наиболее «мастеровитыми» и уважаемыми среди своих «коллег» преступниками, выполняющими в преступной среде управленческие и координирующие функции, или, другими словами, с преступниками-профессионалами, имеющими высокое положение в преступном мире.

Как видим, принятие данных норм является прямой демонстрацией реализации одной из задач современной уголовной политики России – задачи борьбы с профессиональной преступностью. Однако эта новелла отечественного законодательства, по справедливому замечанию ученых, при всех ее недостатках противоречива в главном: она, как и в случае с институтом неоднократности, не согласуется с теорией уголовного права, поскольку современные принципы уголовного права не допускают возможность назначения наказания не за деяние в форме действия или бездействия, а за обладание преступником определенного статуса [15, с. 66–70; 16, с. 130–133]. Это дает право заключить, что введение ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии, не связанного с каким-либо деятельностным поведением, является очередной попыткой приспособить закон под реализацию конкретных задач современной уголовной политики. Однако это «приспособление» снова

не совсем удачно, на что указывают проблемы в правоприменении, выраженные, в том числе, в единичных обвинительных приговорах по данной статье. Как видим, отечественному законодателю сыграть на наличии преступных связей «высокого уровня» для привлечения профессиональных преступников к уголовной ответственности также не получилось, а значит, возможности действия правовых мер борьбы с преступниками-профессионалами в указанном направлении также видятся ограниченными.

Вместе с этим противодействие профессиональной преступности в настоящее время осуществляется и с помощью иных уголовно-правовых мер, например посредством усиления ответственности за совершение отдельных наиболее «профессионализированных» преступлений. Безусловно, в данном случае указанные меры прямо не нацелены на борьбу именно с преступниками-профессионалами, но ввиду специфики некоторых разновидностей преступной деятельности они обладают значительным потенциалом противодействия распространению и развитию криминального профессионализма. Другими словами, отдельные квалифицирующие составы преступлений получили законодательное обособление именно потому, что совершение данных преступлений наиболее типично для профессиональных преступников. Так, например, п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ предусматривает более суровое наказание по сравнению с основным составом преступления за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем или, по-другому, за карманничество. Данные современных исследований показывают, что большая часть лиц, осужденных по данной статье, – это профессиональные преступники. Так, О. П. Бердникова указывает, что в 94,8 % случаев у карманников отмечаются навыки преступной деятельности [17, с. 173–179], а исследователь А. В. Майоров справедливо подчеркивает, что карманные кражи в настоящее время стали одним из видов профессиональной преступности, который представляет повышенную общественную опасность [18, с. 20–26].

Другой пример – п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, согласно которому к отягчающим обстоятельствам убийства помимо прочего законодатель отнес совершение данного преступления из корыстных побуждений или по найму. Отметим, что в этой норме предусматривается назначение более сурового наказания в отношении наемных убийц или, по-другому, киллеров, противоправная деятельность которых как раз и характеризуется как профессиональная преступная. Считаем, что именно это обстоятельство послужило важным аргументом в процессе выделения данного состава преступления в качестве квалифицированного. Ученый Ю. М. Антонян справедливо использует для обозначения данной категории преступников термин «профессиональные убийцы», лица, «которые сделали убийство по найму своей “профессией”» [19, с. 82–86]. Другие ученые наемных убийц, совершающих заказные убийства, также чаще всего относят к группе именно профессиональных преступников, подчеркивая, что эти лица занимаются этой противозаконной деятельностью на постоянной основе, имея соответствующие криминальные умения, навыки и опыт [20, с. 436–439].

Так, в современной уголовной политике России можно обнаружить разные варианты противодействия профессиональной преступности правовыми мерами. Определено, что повышение порогов уголовной ответственности в отношении преступников-профессионалов достигается путем обнаружения в преступной деятельности данных лиц отличительных черт криминального профессионализма и предумышленного за «обладание» этими чертами более суровых санкций. В качестве таких отличительных черт закон выделяет: занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, что прямо указывает на наличие криминальных связей у преступника, как признак профессиональной преступности; занятие типичной для преступника-профессионала общественно опасной деятельностью, за которую по наличию такой узкой криминальной специализации предусмотрена более серьезная ответственность. В то же время понятия рецидив и совокупность

преступлений не отражают однородность и (или) тождественность совершенных преступлений, указывающие на преступную специализацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно определить, что реализация современной уголовной политики в российском государстве, направленной на борьбу с профессиональной преступностью, не демонстрирует высокую эффективность, поскольку вычленив профессиональную преступную деятельность из общеуголовной правовыми методами затруднительно. В угоду достижению поставленной задачи законодатель нередко нарушает общие принципы уголовного права (яркий пример – введение в действие ст. 210.1 УК РФ или существование

института неоднократности до 2003 г.). Вследствие этого считаем необходимым в настоящее время несколько изменить подходы к оценке роли уголовного закона в деле борьбы с таким опасным видом преступности, как профессиональная преступность. Полагаем, что для решения обозначенной задачи необходимо прекратить попытки приспособления уголовного закона в нарушение общей уголовно-правовой доктрины под нужды внутренней политики государства и сосредоточить внимание законодателя в союзе с правоприменителями на укреплении законности и правопорядка в обществе и государстве, обеспечении назначения наказаний в соответствии с принципами гуманизма, демократизма, дифференциации и индивидуализации, реальности, обоснованности, своевременности и комплексности.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из СПС «Гарант».
2. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М. : Юрид. лит., 1990. 301 с.
3. Фадеев В. Н., Тэсс Л. В. Онтология и антология криминологии будущего (профессионально-организованная преступность – часть 3 – XXI в.) // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 39–58. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10132>.
4. Абакумов О. Б., Богданов А. В., Хазов Е. Н. Причины и условия появления и распространения профессиональной, рецидивной и организованной преступности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 216–223. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10407>.
5. Татьяна Л. Г. Влияние профессиональной преступности на уголовную политику: дискуссионные вопросы // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4. С. 122–126.
6. Цыганков А. Ю. Неоднократность как форма множественности преступлений в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2. С. 36–41.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (первая редакция). URL: https://lawrussia.ru/bigtexts/law_1389/page2.htm (дата обращения: 07.05.2024).
8. Геворкян А. М. Множественность преступлений в условиях совершенствования уголовного законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С. 46–50.

References

1. About National Security Strategies in Russian Federation. Decree of the Russian President of July 2, 2021, No. 400. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
2. Gurov A. I. Professionalnaya prestupnost: proshloe i sovremennost. Moscow: Yurid. lit.; 1990. 301 p. (In Russ.).
3. Fadeev V. N., Tess L.V. Ontology and anthology of criminology of the future (professionally-organized criminality – part 3 – XXI century). *Vestnik of economic security*. 2019;(3):39–58. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10132>. (In Russ.).
4. Abakumov O. B., Bogdanov A. V., Khazov E. N. Causes and conditions of the emergence and spread of professional, recidivist and organized crime in Russia. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(7):216–223. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10407>. (In Russ.).
5. Tatyana L. G. Impact of professional crime on criminal policy: discussion issues. *Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2020;(4):122–126. (In Russ.).
6. Tsygankov A. Yu. Recurrence as a form of multiplicity of crimes in Russian and foreign criminal legislation. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2022;(2):36–41. (In Russ.).
7. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. URL: https://lawrussia.ru/bigtexts/law_1389/page2.htm (accessed: 07.05.2024). (In Russ.).
8. Gevorkyan A. M. Multiplicity of crimes under the conditions of perfection of criminal legislation. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(3):46–50. (In Russ.).

9. Бойко А. И. Верните неоднократность // Законность. 2006. № 1. С. 12–13.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
11. Семенова Д. М. Проблемы уголовной политики в отношении повторной преступности на современном этапе развития уголовного законодательства // Система ценностей современного общества. 2016. № 44. С. 101–105.
12. Кузнецова Н. Ф. Мнение ученых о реформе УК (или qui prodest) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 26–27.
13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : федер. закон от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
14. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : федер. закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант».
15. Косьяненко Е. В., Кармановский М. С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 66–70.
16. Безлепкина О. В., Границкий Р. Б. Проблемные вопросы практического применения ст. 210.1 УК РФ // Аграрное и земельное право. 2020. № 7. С. 130–133.
17. Бердникова О. П. Криминалистические особенности и типология личности преступника, совершающего кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4. С. 173–179.
18. Майоров А. В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3. С. 20–26.
19. Антонян Ю. М. Наемные убийцы как особо опасные преступники // Человек: преступление и наказание. 2010. № 2. С. 82–86.
20. Ганаева Е. Э., Адаев А. А., Магомедова Т. Л. Криминологический портрет личности преступника, совершившего убийство по найму // Право и государство: теория и практика. 2023. № 11. С. 436–439.
9. Boyko A. I. Vernite neodnokratnost. *Zakonnost*. 2006;(1):12–13. (In Russ.).
10. On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: federal law of December 8, 2003, No. 162-FZ. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
11. Semenova D. M. Problemy ugolovnoy politiki v ot-noshenii povtorno prestupnosti na sovremennom etape razvitiya ugolovnogo zakonodatelstva. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 2016;(44):101–105. (In Russ.).
12. Kuznetsova N. F. Mnenie uchenykh o reforme UK (ili qui prodest?). *Ugolovnoe pravo*. 2004;(1):26–27. (In Russ.).
13. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of combating organized crime. Federal Law No. 46-FZ of April 1, 2019. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
14. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of combating organized crime. Federal Law No. 64-FZ of March 23, 2024. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
15. Kosyanenko E. V., Karmanovsky M. S. Critical analysis of the provisions of art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and practices of its application. *Nauchny portal MVD Rossii*. 2022;(2):66–70. (In Russ.).
16. Bezlepkina O. V., Granitsky R. B. Problematic issues of practical application of article 210.1 of the criminal code of the Russian Federation. *Agrarian and land law*. 2020;(7):130–133. (In Russ.).
17. Berdnikova O. P. Forensic features and personality typology a criminal who commits theft of clothing, bags or other carry-on baggage in the presence of the victim. *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018;(4):173–179. (In Russ.).
18. Mayorov A. V. Criminological portrait of the personality of the criminal making pocket-steal. *Journal LEGAL ORDER: History, Theory, Practice*. 2018;(3):20–26. (In Russ.).
19. Antonjan Ju. M. Hired killers – dangerous criminals. *Man: Crime and Punishment*. 2010;(2):82–86. (In Russ.).
20. Ganaeva E. E., Adaev A. A., Magomadova T. L. Criminological portrait of the personality of a criminal who committed murder for hire. *Law and State: The Theory and Practice*. 2023;(11):436–439. (In Russ.).

Информация об авторе

К. А. Зарубина – кандидат исторических наук, преподаватель;
<https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>,
kris1996z@mail.ru

About the author

K. A. Zarubina – Candidate of Sciences (History), Lecturer;
<https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>,
kris1996z@mail.ru

Научная статья

УДК 343.3/.7(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-11>

Уголовно-правовая защита традиционных ценностей в контексте обеспечения национальной безопасности

Екатерина Валерьевна Кашкина

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия

Аннотация. В статье изложен краткий анализ документов стратегического планирования и иных нормативных правовых актов, свидетельствующий о значимости традиционных российских духовно-нравственных ценностей для системы национальной безопасности страны и важности обеспечения их государственно-правовой охраны. С этой целью приведена краткая оценка суждений о целостности объекта, подлежащего охране, субъектов, осуществляющих посягательство, где главная роль отводится субъективной стороне. Учитывая риски и угрозы для национальной безопасности в случае посягательства на традиционные ценности, автором было предложено рассмотреть вопрос допустимости внесения дополнений в уголовное законодательство в виде нового уголовно-наказуемого деяния «Распространение деструктивной идеологии», а также дополнений в ч. 1 ст. 2 УК РФ с целью всестороннего обеспечения политики государства по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, национальная безопасность, документы стратегического планирования, уголовно-правовая охрана, объект посягательства, субъект, субъективная сторона

Для цитирования: Кашкина Е. В. Уголовно-правовая защита традиционных ценностей в контексте обеспечения национальной безопасности // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 104–109. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-11>.

Original article

Criminal law protection of traditional values in context of national security

Ekaterina V. Kashkina

Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a brief analysis of strategic planning documents and other normative legal acts. These documents indicate the significance of traditional Russian moral and spiritual values for the system of national security of the country and the importance of ensuring their state and legal protection. This assessment briefly examines judgments on the integrity of the protected object and the involved offenders, prioritizing the subjective aspect. Taking into account the risks and threats to national security in case of offence against traditional values, the author proposed to consider the possibility of making additions to the criminal legislation as a new criminal offence “Spreading of destructive ideology”, as well as additions to Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation. These additions would comprehensively ensure the policy of the state to preserve and strengthen traditional Russian moral and spiritual values.

Keywords: traditional Russian moral and spiritual values, national security, strategic planning documents, criminal law protection, object of offense, subject, subjective aspect

For citation: Kashkina E. V. Criminal law protection of traditional values in context of national security. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):104–109. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-11>.

ВВЕДЕНИЕ

Предпосылкой утверждения основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирующей современную государственную политику Российской Федерации, явились документы стратегического планирования [1], где одним из приоритетных, на наш взгляд, представляется Стратегия государственной национальной политики до 2025 г. (далее – Стратегия НП РФ) [2] в совокупности с положениями одного из ключевых нормативных правовых актов в сегодняшних реалиях, указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809) [3], определяющих основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ведущая роль обозначенной Стратегии НП РФ заключается в выстроенной иерархии ценностей, констатирующей сплоченность российского общества, выраженную во внутреннем единстве народов, проживающих на территории Российской Федерации, обеспечивающей национальную безопасность, о чем свидетельствует Стратегия национальной безопасности (далее – Стратегия НБ РФ) [4], аккумулирующая в себе весь спектр национальных интересов, куда также входит укрепление указанных в Указе № 809 и Стратегии НП РФ ценностей.

При исследовании поднятого нами вопроса следует уяснить, на что конкретно направлен механизм обеспечения НБ, то есть что можно считать объектом, нуждающимся в государственной правовой защите. Возможно, это непосредственно сами традиционные ценности как целостная единица, включающая в себя семнадцать элементов, определенных Указом № 809, либо это каждый конкретный элемент из семнадцати представленных в вышеуказанном нормативном акте.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Краткий анализ перечисленных выше стратегических документов показал, что Стратегия

НП РФ говорит о традиционных ценностях, раскрывая элементы, их составляющие, при этом не выделяя их в самостоятельную единицу, за исключением видения их в качестве принципов единения народов, а также в сфере образования подрастающего поколения. Наряду с этим в анализируемых стратегиях намеренно подчеркнута сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей как обособленного объекта. Более того, Стратегия НБ РФ, наравне с Указом № 809, называет деструктивную идеологию основной угрозой для традиционных ценностей, являющихся фундаментом развития государства и гарантом целостности России, что доказывает самостоятельность объекта в виде целостной системы, состоящей из перечисленных в Указе № 809 элементов.

В то же время законодатель не зря обращает внимание на указанные нами составляющие традиционные ценности категории, облекая их в окончательно сформированный список (п. 5 Указа № 809) с тем усмотрением, что любое деструктивное воздействие на одно из них влечет за собой конкретные риски для всей системы традиционных ценностей (п. 17 Указа № 809), что способно расцениваться как угроза национальной безопасности Российской Федерации.

Именно деструктивная идеология представляет собой то явление, на противодействие которому ориентирована государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей, выраженная в защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств (п. 46 Стратегии НБ РФ), о чем более подробно расписано в пунктах 84–93 рассматриваемого стратегического документа, и также упомянуто в Указе № 809. В то же время Стратегия НБ РФ, в отличие от Указа № 809, содержит в себе перечень государственно важных задач (в количестве 14 пунктов (п. 93)), достижение которых будет способствовать защите исследуемых ценностей от посягательств «враждебных субъектов», отображаемых в обоих анализируемых документах.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В случае, когда вопрос стоит о защите традиционных ценностей, важность которого ранее освещалась [5], следует признать это обязанностью государства, реализуемой с помощью определенных правовых способов и средств, одними из которых, являются меры защиты (преследующие праввосстановительную цель) и меры ответственности (имеющие карательную цель) [6, с. 21]. Нашей целью не является изучение вопроса разграничения двух представленных понятий, тем более что данный вопрос в исчерпывающей мере отражен в работах Е. В. Шаназаровой, Д. А. Борисовой, И. А. Кузьмина. Нас интересует юридическая ответственность как последствие за противоправное деяние и допустимость признания традиционных российских духовно-нравственных ценностей объектом посягательства.

К примеру, депутат Государственной Думы Российской Федерации С. Хамзаев предложил ввести административную ответственность за дискредитацию традиционных семейных ценностей. По его словам, которые приводит периодическое издание: «У нас есть Семейный кодекс РФ, регулирующий семейные отношения в России. Но нет закона, который охраняет неприкосновенность семьи и защищает молодых людей – тех, кто в стадии создания ячейки общества, – от деструктивной пропаганды, дискредитации семейных ценностей» [7]. Интерпретируя приведенную цитату, мы с уверенностью можем заявить, что при наличии нормативных правовых актов, законодательно закрепляющих понятие традиционных ценностей, отсутствует правовая норма, наделяющая их статусом объекта правовой защиты с последующим регламентированием способов ее реализации [8].

Тем не менее Указ № 809 одним из направлений государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей называет совершенствование деятельности правоохранительных органов в профилактике и пресечении противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии. Законодатель, приводя формулировку «пресечение противоправных

действий», скорее всего, подразумевал законные действия компетентных субъектов, направленные на пресечение начавшихся или длящихся противоправных действий, то есть как административных правонарушений (например, статьи 20.3, 20.3.1–20.3.4 КоАП РФ), так и преступлений (гл. 29 УК РФ). Фактически речь идет о противоправных действиях, влекущих за собой определенные риски, затрагивающие национальные интересы и национальную безопасность Российской Федерации в целом. Очевидно, что в складывающейся ситуации, когда мы говорим о защите исследуемых ценностей в контексте распространения деструктивной идеологии в рамках уголовно-правового поля, речь должна идти о самостоятельном целостном объекте без расщепления его на составляющие элементы.

Выдвигая данную гипотезу об объекте преступного посягательства, нелишним будет упомянуть о субъекте, к которому, следуя анализу доктринальных документов, допустимо отнести определенные религиозные, экстремистские и террористические организации, отдельные средства массовой информации и массовой коммуникации, транснациональные корпорации и иностранные некоммерческие организации, а также ряд лиц, посягающих на традиционные ценности (п. 13 Указа 809, п. 87 Стратегии НБ РФ). Полагаем, что для признания их в таком статусе необходимо наличие конкретных мотивов и целей, то есть отдается приоритет субъективной стороне, отображающей «истинную суть, истинный порыв совершенного преступления, так как полностью связан с внутренними установками, взглядами и ценностями преступника» [9, с. 193]. Например, к целям, следуя Стратегии НБ РФ, позволительно отнести:

- размывание традиционных ценностей;
- искажение истории, места и роли в ней Российской Федерации;
- реабилитацию фашизма;
- разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Перечисленные мотивы преступления, скорее всего, будут учитываться при индивидуализации уголовного наказания, в то время

как приведенные из Стратегии НБ цели больше соответствуют квалификации ряда деяний, предусмотренных главами 29 и 34 УК РФ.

Возвращаясь к теме признания традиционных ценностей объектом посягательства, отдельно отметим, что нами ранее была предпринята подобная попытка [8]. Проблематизация данной идеи заключается в том, что фиксирование в нормативных актах и иного рода документах понятия «традиционные ценности» не является основанием для утверждения наличия факта признания их новым объектом правовой защиты. Бесспорно, только в случае закрепления уголовным законом самого факта охраны определенных общественных отношений можно говорить о признании их объектом уголовно-правовой охраны, что в нашем случае не находит подтверждения в Общей части УК РФ. При этом если с родовым и видовым объектами, в случае их отображения в уголовном законодательстве, в некоторой степени ясно (традиционные российские духовно-нравственные ценности и общественные отношения, охраняющие традиционные российские духовно-нравственные ценности, соответственно), то с определением непосредственного объекта возникают определенные трудности, что объясняется необходимостью расщепления самих ценностей на ранее упомянутые элементы, что повлечет за собой перенасыщенность уголовного законодательства дублирующими в некоторых случаях составами преступлений.

Вместе с тем родовой объект преступлений, направленных против традиционных ценностей, на наш взгляд, будет относить данные деяния к главе 25 УК РФ, так как традиционные ценности, повторимся, – это нравственные ориентиры (п. 4 Указа № 809), следовательно, видовой объект – общественные отношения, обеспечивающие общественную нравственность, что вполне логично. Учитывая мнение И. Ю. Яниной, подобный объект в системе объектов уголовно-правовой охраны будет рассматриваться сквозь призму обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Такого рода воззрения также следуют из трудов Р. Б. Осокина, Е. В. Миллерова, М. П. Полянской,

А. М. Герасимова [10, с. 97–98]. Однако, как мы ранее указывали, традиционные ценности, затрагивая обширный спектр общественных отношений и объект посягательства, не могут быть ограничены рамками исключительно «общественной нравственности».

Учитывая, что краткий анализ нормативных актов свидетельствует об идентичности поднятого в работе вопроса с рядом составов преступлений, предусмотренных Особенной частью УК РФ, в контексте рассматриваемых нами документов и нормативных актов не следует игнорировать поставленный законодателем акцент на факте распространения деструктивной идеологии, посягающей на традиционные ценности, и необходимости ее пресечения. Несмотря на то что, по мнению Е. А. Розенко, «идеологию деструктивных движений невозможно победить только уголовно-правовыми (репрессивно-принудительными) мерами» [11, с. 45], нормативные предпосылки позволяют не только обеспечить сохранность традиционных ценностей, но стать полноценным компонентом единого механизма по предотвращению распространения деструктивной идеологии в общей концепции обеспечения национальной безопасности, что впоследствии констатирует Е. А. Розенко, предлагая дополнить УК РФ «положениями об уголовной ответственности: организаторов и руководителей деструктивных идеологий, а также лиц, содействующих их распространению» [11, с. 46]. Мы поддерживаем данную инициативу и выступаем за рассмотрение вопроса о признании «Распространение деструктивной идеологии» противоправным деянием, за которое должно быть предусмотрено уголовное наказание. Вместе с тем вопрос, к какой группе объектов преступного посягательства (главе УК РФ) должно быть причислено данное преступление, остается открытым, учитывая весь спектр рисков, влекущих за собой распространение деструктивной идеологии, обозначенных в п. 17 Указа № 809. В этой связи мы не возьмем на себя обязательство как по формированию редакции самой статьи, так и по определению ее

места в структуре Особенной части УК РФ, что отнюдь не лишает значимости поднятый нами вопрос, делая его предметом для дальнейших научных изысканий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предоставление данному предложению права на существование сопряжено с определенным родом опасениями, вызванными взглядами ученых на саму суть политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Так, в случае принятия позиции ряда авторов, например А. Л. Бредихина, с. Е. Байкеевой, Т. Н. Никитина, И. В. Смолина, А. А. Соколова, М. Ф. Гареева, полагающих, что законодательное закрепление традиционных ценностей есть курс государства по «легализации идеологии» [12, с. 25], действительно, складывается ситуация, противоречащая конституционному постулату о идеологическом многообразии (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ). С другой стороны, допустимо рассуждение о традиционных ценностях как об идее и основе российской государственности, что отмечено в трудах В. Н. Корнева, К. Ю. Щенниковой и др. С этой позиции можно поднимать вопрос о внесении дополнений в уголовное законодательство, например с целью расширения объектов уголовно-правовой охраны, и выступить с инициативой изложить ч. 1 ст. 2 УК РФ в сле-

дующей редакции: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений» с учетом соответствия данного предложения ст. 8 УК РФ при дополнении Особенной части УК РФ новым составом преступления.

Важность государственно-правовой защиты нравственных ориентиров общества играет первостепенную роль в безопасности не только самого общества, но и государства в целом, являясь одним из ориентиров государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности на фоне рисков распространения деструктивной идеологии, влияющей на формирование мировоззрения подрастающего поколения, от которого зависит будущее государства, что еще раз подтверждает необходимость рассмотрения вопроса уголовно-правовой охраны всей системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей в контексте ее сохранения и укрепления для подрастающего поколения и будущего Российской Федерации.

Список источников

1. Кашкина Е. В. Правовое регулирование сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей в рамках стратегического планирования // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 3. С. 78–85. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2023-3-78-85>.
2. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2023 № 809. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Kashkina E. V. Legal regulation of conservation and strengthening traditional Russian spiritual and moral values within strategic planning. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2023;(3):78–85. <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2023-3-78-85>. (In Russ.).
2. On the strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025: decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012, No. 1666. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
3. On the approval of the foundations of the state policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values: decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
4. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).

5. Кашкина Е. В. Традиционные духовно-нравственные ценности как средство обеспечения целостности Российской Федерации // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов XI Междунар. науч.-практич. конф., 03–05 апреля 2024 г., г. Пермь. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 46–50.
6. Кузьмин И. А. Институт юридической ответственности и институт мер защиты: проблемы соотношения и взаимодействия // Право и практика. 2019. № 2. С. 16–25.
7. Депутат призвал штрафовать за дискредитацию традиционных семейных ценностей. URL: <https://ria.ru/20240718/shtrafy-1960384225.html?ysclid=lz2p8tzg5572999501> (дата обращения: 26.09.2024).
8. Кашкина Е. В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны. Часть первая // Российский судья. 2024. № 9. С. 16–19.
9. Шаназарова Е. В., Борисова Д. А. Субъект преступления по российскому законодательству: его сущность и правовая характеристика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 9. С. 192–195. <https://doi.org/10.23672/x2645-6044-6618-t>.
10. Янина И. Ю. Общественная нравственность в системе объектов уголовно-правовой охраны: понятие и классификация // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 96–101.
11. Розенко Е. А. Правовое противодействие деструктивным идеологиям в Российской Федерации: криминологическая характеристика, особенности, тенденции // Вестник Югорского государственного университета. 2019. № 3. С. 41–47.
12. Бредихин А. Л., Байкеева С. Е. Концепция «традиционных ценностей» в контексте формирования государственной идеологии // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 23–25. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_9_23.
5. Kashkina E. V. Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti kak sredstvo obespecheniya tselostnosti Rossiyskoy Federatsii. In: *Proceedings of 11th International Research-to-Practice Conference dedicated to 145th anniversary of the penal enforcement system of the Russian Federation “Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya”*, April 3–5, 2024, Perm. Perm: Perm Institute of the Federal Penal Service; 2024. p. 46–50. (In Russ.).
6. Kuzmin I. A. Institute of legal liability and institute of protection measures: problems of correlation and interactions. *Law and practice*. 2019;(2):16–25. (In Russ.).
7. Deputat prizval shtrafovat za diskreditatsiyu traditsionnykh semeynykh tsennostey. URL: <https://ria.ru/20240718/shtrafy-1960384225.html?ysclid=lz2p8tzg5572999501> (accessed: 26.09.2024). (In Russ.).
8. Kashkina E. V. Traditional Russian moral and spiritual values as a criminal law protection item. *Russian Judge*. 2024;(9):16–19. (In Russ.).
9. Shanazarova E. V., Borisova D. A. The subject of the crime under Russian law: its essence and legal characteristics. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2022;(9):192–195. <https://doi.org/10.23672/x2645-6044-6618-t>. (In Russ.).
10. Yanina I. Yu. Public morality in the system of criminal legal protection: definition and classification. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2019;(4):96–101. (In Russ.).
11. Rozenko E. A. Legal response to destructive ideologies in the Russian Federation: Criminological characteristics, features, trends. *Yugra State University Bulletin*. 2019;(3):41–47. (In Russ.).
12. Bredikhin A. L., Baykeeva S. E. The concept of “traditional values” in the context of the formation of state ideology. *Law and State: The Theory and Practice*. 2023;(9):23–25. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_9_23. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Кашкина – кандидат юридических наук, доцент;
<https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>,
000049@bk.ru

About the author

E. V. Kashkina – Candidate of Sciences (Law), Docent;
<https://orcid.org/0000-0001-5045-2054>,
000049@bk.ru

Научная статья

УДК 340-047.36(470+571) + 340-047.36(574)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-12>

Правовой мониторинг в России и Казахстане: сравнительно-правовое исследование

Валентина Викторовна Руденко^{1✉}, Андрей Вадимович Нечкин²

¹Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

²Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье в сравнительном ключе рассматривается регулирование правового мониторинга в России и Казахстане. Методологическая стратегия статьи заключается в синтезе общенаучных методов и специальных частноправовых методов. Авторы выявляют и анализируют недостатки институтов правового мониторинга в России и Казахстане. На основе сравнительно-правового исследования делается вывод о возможности адаптации отдельного казахского опыта правового регулирования мониторинга в России, в частности, использование математических формул для определения отдельных показателей мониторинга, введение механизмов контроля качества мониторинга, детальная регламентация требований к документам по итогам мониторинга, создание единой автоматизированной информационной системы по обслуживанию мониторинга. Формулируются также общие предложения по совершенствованию правового регулирования мониторинга в России и Казахстане.

Ключевые слова: правовой мониторинг, мониторинг правоприменения, Казахстан, российская правовая система, правовое регулирование, эффективность права

Для цитирования: Руденко В. В., Нечкин А. В. Правовой мониторинг в России и Казахстане: сравнительно-правовое исследование // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 110–116. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-12>.

Original article

Legal monitoring in Russia and Kazakhstan: Comparative law research

Valentina V. Rudenko^{1✉}, Andrey V. Nechkin²

¹Institute of Philosophy and Law, Yekaterinburg, Russia

²Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The article provides a comparative analysis of the legal monitoring in Russia and Kazakhstan. By synthesizing general scientific methods and special law methods, the article develops its methodological strategy. The authors identify and analyze the disadvantages of legal monitoring institutions in Russia and Kazakhstan. Comparative law research reveals that adapting some of Kazakhstan's legal regulation monitoring experience in Russia is possible. The implementation of mathematical formulas for individual monitoring indicators, monitoring quality control mechanisms, detailed document requirements based on monitoring results, and a unified automated information system for monitoring services is potential. The authors formulate general proposals to improve the legal regulation monitoring in Russia and Kazakhstan.

Keywords: legal monitoring, law enforcement monitoring, Kazakhstan, Russian legal system, legal regulation, law effectiveness

For citation: Rudenko V. V., Nechkin A. V. Legal monitoring in Russia and Kazakhstan: Comparative law research. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):110–116. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-12>.

ВВЕДЕНИЕ

Регламентация вопросов осуществления правового мониторинга на национальном уровне характерна для многих государств постсоветского пространства. И в России, и в Казахстане на сегодняшний день накоплен достаточно весомый опыт осуществления правового мониторинга как инструмента повышения эффективности правового регулирования. Опыт регулирования в Республике Казахстан выбран в качестве предмета исследования неслучайно. Во-первых, сравнение правового мониторинга в России и Казахстане представляется не только операционно и аналитически удобным в силу сходства правовых и политических систем, но и продуктивным с точки зрения определения векторов дальнейшего развития института правового мониторинга. Во-вторых, Казахстан имеет уникальный опыт регулирования вопросов правового мониторинга: данный институт получил закрепление на уровне закона Республики Казахстан, особое внимание уделяется общественному правовому мониторингу, разработана оригинальная методика осуществления правового мониторинга, создана специализированная автоматизированная система по обслуживанию правового мониторинга. В то же время в законодательстве Казахстана понятие мониторинга правоприменения не используется.

В рамках настоящей статьи ставятся исследовательские задачи: сравнить регламентацию правового мониторинга в России и Казахстане по следующим критериям: нормативная основа, цель, субъекты, объекты, порядок проведения, методическое и информационное обеспечение, оформление результатов, механизмы исполнения решений по итогам мониторинга; выявить общее и особенное в законодательстве государств по регламентации вопросов правового мониторинга; обозначить достоинства и недостатки имеющегося в данных государствах опыта правового регулирования вопросов мониторинга; предложить возможные варианты адаптации положительного опыта Казахстана в России.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом исследования являются общественные отношения между субъектами и участниками правового мониторинга, складывающиеся в процессе осуществления правового мониторинга на территории России и Казахстана. В качестве материалов использованы нормативные правовые акты Российской Федерации, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, правовые акты республики Казахстан, регламентирующие вопросы осуществления правового мониторинга, документы по результатам правового мониторинга в России и Казахстане, научная литература по вопросам правового мониторинга и мониторинга правоприменения, материалы в СМИ. Использовано сочетание как общенаучных методов познания (метода системного анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, восхождения от единичного к общему, метода синтеза, сравнительного метода), так и специальных правовых, частнонаучных исследовательских методов (метода сравнительного правоведения, метода теоретико-правового моделирования, формально-юридического метода). Ввиду разных форм территориального устройства анализируемых государств в целях надлежащего применения сравнительно-правового метода анализируются вопросы регламентации и осуществления правового мониторинга на национальном уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

И в России, и в Казахстане институт правового мониторинга начал складываться в 2000-х гг. в рамках концепции эффективности права [1–3]. Однако если в Казахстане правовой мониторинг институционализирован в настоящей момент на уровне Закона Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V «О правовых актах», в котором имеется отдельная глава 10 «Мониторинг» [4], то в России на федеральном уровне регламентируется лишь мониторинг правоприменения, при этом Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации утверждено Указом Президента Российской

Федерации, а методика его осуществления – Постановлением Правительства Российской Федерации [5, 6]. Имеются также отдельные ведомственные акты, регламентирующие вопросы осуществления правового мониторинга. Такие акты имеются в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации и Прокуратуры Российской Федерации. Приходится констатировать, что на федеральном уровне отсутствует системная регламентация правового мониторинга и он имеет низкую степень институционализации, при этом на уровне отдельных субъектов РФ, напротив, приняты специализированные законы по вопросам правового мониторинга (например, Закон Республики Татарстан от 3 июля 2010 г. № 49-ЗРТ «О мониторинге законов Республики Татарстан»; Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 г. № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе»; Указ Губернатора Архангельской области от 16 ноября 2010 г. № 197-у «Об утверждении Регламента организации и проведения мониторинга нормативных правовых актов Архангельской области» и др.), но следует иметь в виду, что объектами такого мониторинга на региональном уровне выступают нормативные правовые акты субъектов РФ [7].

Впервые правовой мониторинг получил закрепление в Казахстане в ранее действовавшем Законе Республики Казахстан от 24 марта 1998 г. № 213-І «О нормативных правовых актах» в 2006 г., когда данный закон был дополнен статьей 43-1 «Мониторинг нормативных правовых актов». В России в 2007 г. был создан Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права) при Совете Федерации Российской Федерации, но он прекратил свою деятельность в 2012 г. Данный Центр осуществлял подготовку ежегодных докладов о состоянии законодательства Российской Федерации. Несмотря на то что результативность данных документов подвергалась критике, тем не менее функционирование центра позволило накопить опыт осуществления правового мониторинга. То есть внедрение

мониторинговых процедур для совершенствования правового регулирования началось в анализируемых государствах примерно в одно и то же время.

В 2006 г. в Казахстане был принят новый Закон «О правовых актах», при этом положения о правовом мониторинге были существенно переработаны: появилось законодательно закреплённое понятие правового мониторинга (п. 1 ст. 50), определены субъекты правового мониторинга (п. 2 ст. 50), обозначена роль научных и общественных организаций и граждан в мониторинге (п. 3 ст. 50), осуществляемом государственными органами, отдельно выделен общественный правовой мониторинг (ст. 51) [4]. Эти изменения были обусловлены изменением подходов к правовому мониторингу – он рассматривается как мера обеспечения законности нормативных правовых актов (ст. 49 Закона) и встраивается в государственную правовую политику Казахстана [8, с. 80]. Согласно Концепции государственной правовой политики Республики Казахстан до 2030 г. данное направление политики реализуется на основе принципа результативного регулирования, что означает систематическое осуществление всестороннего мониторинга эффектов, вызванных введенным регулированием, на предмет действенности и соответствия заявленным целям. В России концептуальные подходы к правовому мониторингу с 2011 г. в актах федерального уровня не менялись.

Цель мониторинга правоприменения определена в самом общем виде в Положении о мониторинге правоприменения в Российской Федерации как совершенствование правовой системы РФ (п. 3) [5], что соответствует доктринальным разработкам концепции правового мониторинга на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [1, 2]. Однако анализ данного положения показывает, что целью мониторинга правоприменения является обеспечение принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) нормативных правовых актов. И собственно итогом мониторинга правоприменения является подготовка предложений

к плану законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации. Налицо заужение цели мониторинга, что не позволяет в полной мере реализовать потенциал данного института. Наличие данной проблемы отмечается и казахскими исследователями применительно к правовому мониторингу в Казахстане [9, с. 51].

Субъектный состав правового мониторинга в России и Казахстане схожий. Однако в Казахстане перечень субъектов все же шире – государственные органы, в том числе законодательные, против федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в России.

При первом приближении объекты правового мониторинга отличны. В России это правоприменительная практика, а в Казахстане – непосредственно правовые акты, отрасли законодательства, но в силу особенностей правового регулирования как процесса, предполагающего в упрощенном варианте на первой стадии принятие акта, а на второй его применение, мониторинг актов и мониторинг правоприменительной практики оказываются тесным образом связаны.

Методическое обеспечение мониторинга обоих государств далеко от совершенства. В Методике, утвержденной Правительством Российской Федерации, содержится 18 показателей в основной группе и дополнительно выделены две целевые группы (в целях реализации антикоррупционной политики и в целях устранения противоречий между актами) по 9 и 6 показателей соответственно [6]. Ввиду громоздкости системы показателей, их неопределенности и отсутствия системности [10, с. 6] применить их на практике оказывается крайне затруднительно. В Казахстане показатели мониторинга в принципе не определены, поэтому предлагается их разработать и на базе ранее применяемых¹ утвердить новые методические

рекомендации по проведению правового мониторинга [9, с. 58]. В формах итоговых документов по результатам мониторинга, прилагаемых к Порядку проведения правового мониторинга в Республике Казахстан, выделены разделы, многие из которых и представляют собой показатели мониторинга, но разъяснения по их содержательному наполнению отсутствуют.

Проблемы информационного обеспечения в Казахстане и России сходны. Действующее регулирование не позволяет решить проблемы полноты информационной базы. И в России, и в Казахстане даются перечни источников информации, которые могут быть использованы экспертами при проведении мониторинга. Эта модель регламентации неудачна в том плане, что не позволяет однозначно решить следующие вопросы: какого объема информации достаточно для получения объективной картины о состоянии законодательства и о правоприменительном процессе, какую долю (процент) от общего объема правоприменительных актов, отвечающих заданным экспертом критериям, достаточно для этого проанализировать, обязательно ли эксперту задействовать все источники информации, каково должно быть соотношение информации из официальных источников и информации из неофициальных источников. Прогрессивным шагом являются попытки создания информационной автоматизированной системы правового мониторинга с использованием искусственного интеллекта на национальном уровне в Казахстане. Законодательное определение информационной системы «Е-заңнама» появилось в Законе Республики Казахстан «О правовых актах» в 2021 г., как предназначенной для проведения анализа (мониторинга) законодательства, а также автоматизации отдельных процессов нормотворчества. Запуск системы запланирован на 2025 г. как единой правовой системы.

Сравнивая порядок проведения мониторинга в России и Казахстане, необходимо отметить его чрезвычайно высокую схожесть, что, в свою очередь, объясняет и схожесть проблемных моментов по части осуществления

¹ Речь идет о Методических рекомендациях по проведению правового мониторинга нормативных правовых актов, утвержденных приказом и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 28 октября 2011 г. № 350.

мониторинга. К числу таких, безусловно, следует отнести общую системность нормативного правового регулирования данного вопроса. По данному показателю, безусловно, лидирует Казахстан. Кроме того, нельзя не заострить внимание на общем высоком уровне формализации процедуры осуществления правового мониторинга. Данная деятельность как в Российской Федерации, так и в Казахстане осуществляется на плановой основе, проще говоря, строгое выполнение плановых показателей остается приоритетным по отношению к цели реального совершенствования действующего или планируемого нормативного правового регулирования. К тому же своеобразная самопроверка органами своей же собственной деятельности далеко не всегда будет способствовать получению объективных результатов. Скорее, даже высока вероятность получения диаметрально противоположного результата. В этой связи следует рекомендовать принятие мер, направленных на повышение общей транспарентности мониторинговых мероприятий как в Российской Федерации, так и в Республики Казахстан. Так, например, можно было бы рекомендовать применение различного рода партисипаторных институтов (инструментов) прямой демократии [11] при обсуждении планов мониторинговых мероприятий как на этапе их утверждения, так и на этапе утверждения отчетов об их выполнении.

Регламентация содержания итоговых документов по итогам мониторинга детальнее в Казахстане. В России, по сути, единственным требованием к содержанию данных документов является наличие в них предложений об изменении действующего правового регулирования, в результате создается возможность подготовки подобных документов формально, без учета методики. В Правилах проведения правового мониторинга в Республике Казахстан содержатся следующие формы отчетов: отчет о проведении правового мониторинга отрасли (подотрасли) законодательства, отчет о проведении правового мониторинга нормативных правовых актов конкретного государственного органа, результат

правового мониторинга, проведенного органами местного государственного управления. Данные формы включают конкретный перечень обязательных разделов. В частности, первая из обозначенных форм включает ретроспективный анализ, анализ стратегических целей и целевых индикаторов, анализ исполнения обязательств, вытекающих из международных договоров, анализ правоприменительной практики, анализ стабильности отрасли (подотрасли), юридический анализ, выводы, которые позволяют оценить эффективность правового регулирования отрасли, с рекомендациями по дальнейшему совершенствованию нормативного регулирования. Для определения стабильности предусмотрена нормативно закрепленная формула, учитывающая пропорцию актов, которыми вносились изменения, к общему количеству актов, регулирующих отрасль (подотрасль).

Российским законодательством, по сути, не предусмотрены механизмы контроля качества самого мониторинга, а также механизмы исполнения результатов мониторинга правоприменения и контроля учета разработанных по итогам мониторинга предложений. В Казахстане предприняты попытки решить данные вопросы на нормативном уровне. В главе 4 Порядка проведения правового мониторинга в Республике Казахстан предусмотрено, что контроль за качеством осуществляется руководителем аппарата государственного органа, курирующим вопросы юридической службы, а также Министерством юстиции Республики Казахстан, которое вносит в Аппарат Правительства Республики Казахстан информацию о фактах некачественного проведения правового мониторинга, и содержится понятие некачественного проведения правового мониторинга [12]. Кроме того, безосновательное отсутствие рекомендаций по совершенствованию отрасли законодательства по итогам проведения мониторинга может являться основанием для непринятия предложений государственных органов при разработке Министерством юстиции текущего плана законопроектных работ, что является определенным стимулом для качественного проведения

мониторинга. Установлен перечень мер, который может быть предпринят по результатам правового мониторинга. В частности, по результатам мониторинга законодательных актов Казахстана могут быть предприняты следующие меры: разработка Консультативного документа регуляторной политики, включение соответствующих законопроектов в План законопроектных работ, внесение законопроекта в Мажилис Парламента Республики Казахстан либо внесение поправок в другие законопроекты.

Отдельно следует остановиться на юридическом значении результатов правового мониторинга. Полагаем, что в этой части следует согласиться с мнением о том, что «если мы не приучим чиновника ориентироваться на данные мониторинга (в реализации которого свою роль будут играть экспертные сообщества, институты гражданского общества), нам не удастся решить ни одной из поставленных задач» [13, с. 4]. Полагаем, что следует постепенно уходить от формулировок о том, что все, что связано с правовым мониторингом, в основном имеет рекомендательное значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в обоих государствах институт правового мониторинга занял свою нишу в их правовых системах. Несомненным достоинством

института мониторинга в Казахстане является его институционализация и систематизация на уровне закона, чем не может похвастаться российский вариант. В то же время в России более детально проработана методика мониторинга и его конкретные показатели, хотя они и отличаются бессистемностью и неопределенностью. В России может получить адаптацию следующий казахский опыт регулирования правового мониторинга: использование математических формул для определения отдельных показателей мониторинга, введение механизмов контроля качества мониторинга, детальная регламентация требований к документам по итогам мониторинга, создание единой автоматизированной информационной системы по обслуживанию мониторинга.

И в России, и Казахстане требуется совершенствование методических и информационных основ мониторинга, повышение общей транспарентности мониторинговых мероприятий, а также улучшение разработки механизмов учета результатов мониторинга в правовом регулировании. Что, в свою очередь, в будущем, без сомнения, позволит говорить о том, что правовой мониторинг станет, по меткому выражению Ю. А. Тихомирова, «той средой, в которой может произойти «одушевление» норм» [14, с. 28], тем самым поспособствовав сближению нормативного правового регулирования с реальным уровнем правосознания большинства граждан государства.

Список источников

1. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М. : Юрлитинформ, 2011. 201 с.
2. Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25–38.
3. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики : моногр. М. : Международный юридический институт, 2010. 232 с.
4. О правовых актах : закон Республики Казахстан от 06.04.2016 № 480-V (с изм. и доп.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788 (дата обращения: 09.01.2025).
5. О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : указ Президента РФ от 20.05.2011 № 657 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант».

References

1. Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. Kontseptsiya monitoringa normativnykh pravovykh aktov. Moscow: Yurlitinform; 2011. 201 p. (In Russ.).
2. Gorokhov D. B., Spektor E. I., Glazkova M. E. Pravovoy monitoring: kontseptsiya i organizatsiya. *Journal of Russian law*. 2007;(5):25–38. (In Russ.).
3. Pravovoy monitoring: aktualnye problemy teorii i praktiki. Monograph. Moscow: The International Law Institute; 2010. 232 p. (In Russ.).
4. Law of the Republic of Kazakhstan of April 6, 2016, No. 480-V “About legal acts”. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788 (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
5. Decree of the President of the Russian Federation of May 20, 2011, No. 657 “On monitoring law enforcement in the Russian Federation”. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).

6. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 19.08.2011 № 694 (с изм. и доп.). Доступ из СПС «Гарант».
7. Блещик А. В., Руденко В. В. Правовой мониторинг в субъектах Российской Федерации: особенности регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 4–12. <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12>.
8. Сафарова Т. С. Некоторые аспекты нового законодательства Республики Казахстан о правовом мониторинге // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2016. № 2. С. 79–82.
9. Мониторинг законов Республики Казахстан: проблемы теории и практики : научн.-аналит. отчет по теме фундаментального и прикладного научного исследования. Астана : ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2018. 117 с.
10. Уваров А. А. О критериях мониторинга правоприменения в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 3. С. 3–7. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-3-3-7>.
11. Кожевников О. А., Остапович И. Ю., Нечкин А. В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 225–233.
12. Порядок проведения правового мониторинга в Республике Казахстан : приложение к приказу Министра юстиции Республики Казахстан от 31.12.2024 № 1070). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035616#z7> (дата обращения: 24.01.2025).
13. Миронов С. Теория и практика мониторинга правового пространства и правоприменительной практики: итоги и перспективы // Вестник Совета Федерации. 2006. № 4–5. С. 4–13. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f24339eaa1d3189.pdf> (дата обращения: 24.01.2025).
14. Тихомиров Ю. Роль правового мониторинга в обеспечении эффективности правовой системы // Вестник Совета Федерации. 2006. № 4–5. С. 22–28. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f24339eaa1d3189.pdf> (дата обращения: 24.01.2025).
6. On approval of the methodology for monitoring law enforcement in the Russian Federation. Government Resolution of the Russian Federation of August 19, 2011, No. 694. Accessed through Law assistance system “Garant”. (In Russ.).
7. Bleshchik A. V., Rudenko V. V. Legal monitoring in the subjects of the Russian Federation: features of regulation. *Russian Law: Education, Practice, Research*. 2024;(2):4–12. <https://doi.org/10.34076/2410-2709-2024-140-2-4-12>. (In Russ.).
8. Safarova T. S. Some aspects of the new legislation of the Republic of Kazakhstan on the legal monitoring. *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*. 2016;(2):79–82. (In Russ.).
9. Monitoring zakonov Respubliki Kazakhstan: problemy teorii i praktiki: nauchn.-analit. otchet po teme fundamentalnogo i prikladnogo nauchnogo issledovaniya. Astana: GU “Institut zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan”; 2018. 117 p. (In Russ.).
10. Uvarov A. A. On the criteria of monitoring of law enforcement in Russia. *State power and Local Self-government*. 2023;(3):3–7. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2023-3-3-7>. (In Russ.).
11. Kozhevnikov O. A., Ostapovich I. Yu., Nechkin A. V. The current state of direct democracy institutions in Russia: the concept, classification and development prospects. *Tomsk State University Journal*. 2020;(456):225–233. (In Russ.).
12. Rules of carrying out legal monitoring in the Republic of Kazakhstan (appendix to the order of the Minister of Justice of the Republic of Kazakhstan of December 31, 2024, No. 1070). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035616#z7> (accessed: 24.01.2025). (In Russ.).
13. Mironov S. Teoriya i praktika monitoringa pravovogo prostranstva i pravoprimenitelnoy praktiki: itogi i perspektivy. *Vestnik Soveta Federatsii*. 2006;(4–5):4–13. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f24339eaa1d3189.pdf> (accessed: 24.01.2025). (In Russ.).
14. Tikhomirov Yu. Rol pravovogo monitoringa v obespechenii effektivnosti pravovoy sistemy. *Vestnik Soveta Federatsii*. 2006;(4–5):22–28. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f24339eaa1d3189.pdf> (accessed: 24.01.2025). (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Руденко – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник;
emikh.valentina@gmail.com

А. В. Нечкин – доктор юридических наук, доцент, профессор;
super.nechkin@gmail.com

About the authors

V. V. Rudenko – Candidate of Sciences (Law), Docent, Senior Researcher;
emikh.valentina@gmail.com

A. V. Nechkin – Doctor of Sciences (Law), Docent, Professor;
super.nechkin@gmail.com

Научная статья

УДК 343.23(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-13>

Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления

Юрий Владимирович Свиридов

Адвокатская палата ХМАО-Югры, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация. Институт добровольного отказа от преступления представляет собой важный элемент правоприменительной практики, предоставляя гражданам возможность по собственной воле и без принуждения со стороны прекратить преступную деятельность и избежать уголовной ответственности за совершенное деяние.

Однако практика применения данного института сталкивается с рядом неразрешенных вопросов, что, в свою очередь, приводит к нарушению конституционных прав и свобод человека.

В рамках системного подхода, основанного на использовании аналитического метода исследования, а также анализа нормативных правовых актов и научной литературы, автор приходит к выводу о необходимости унификации правоприменительной практики по применению нормы Уголовного кодекса РФ о добровольном отказе от преступления.

Для обеспечения единой практики применения данного института права рекомендуется Верховному суду РФ провести анализ конкретных примеров спорных ситуаций в уголовной практике. Это позволит выявить и устранить возможные пробелы и противоречия в толковании и применении данной нормы.

В связи с этим необходимо, чтобы Верховный суд РФ дал развернутые рекомендации по условиям применения института добровольного отказа непосредственно на примерах тех или иных уголовно-правовых ситуаций, при которых он может применяться для решения вопроса о привлечении или не привлечении лица к уголовной ответственности в условиях уголовных правоотношений. Это поможет обеспечить правоприменителям единообразное толкование и применение данной нормы.

Такие рекомендации могут быть оформлены в виде постановления Пленума Верховного суда РФ, которые основываются, как правило, на обобщении практики Верховного суда РФ и нижестоящих судов, что, в свою очередь, поможет лучше понимать и применять институт добровольного отказа на практике.

Ключевые слова: добровольный отказ, преступление, признаки, добровольность, окончательность, своевременность, приготовление к преступлению, покушение, неоконченное покушение, оконченное покушение

Для цитирования: Свиридов Ю. В. Проблемы толкования и правоприменения добровольного отказа от преступления // Вестник Сургутского государственного университета. 2025. Т. 13, № 1. С. 117–126. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-13>.

Original article

Interpretation and law enforcement issues of voluntary renunciation of crime

Yuri V. Sviridov

Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra Bar Association, Khanty-Mansiysk, Russia

Abstract. The institution of voluntary renunciation of a crime is an important element of law enforcement practice, providing citizens with the opportunity to stop criminal activity of one's own free will and avoid criminal liability for the committed act.

However, implementation of this institution faces a number of unresolved issues, which leads to violations of constitutional human rights and freedoms.

Within the framework of a systematic approach based on the use of an analytical method of research, as well as the analysis of normative legal acts and scientific literature, the author reveals that it is necessary to unify law enforcement practice on the norms implementation of the Russian Federation Criminal Code on voluntary renunciation of a crime.

For uniform implementation of this legal institution, the Supreme Court of the Russian Federation should analyze specific examples of disputable criminal cases. This will make it possible to identify and eliminate possible gaps and contradictions in the interpretation and implementation of this norm.

It is necessary for the Supreme Court of the Russian Federation to give detailed recommendations on the conditions of the institution implementation on the examples of particular criminal-law situations, in which it can be used to decide whether to prosecute a person or not in criminal legal relations. This will help to ensure uniform interpretation and implementation of this norm by law enforcers.

The Supreme Court of the Russian Federation can formalize these recommendations into Plenum resolutions, generalizing the practices of the Supreme Court and lower courts to improve the understanding and practical application of voluntary renunciation of a crime.

Keywords: voluntary refusal, crime, elements, voluntariness, finality, timeliness, preparation of crime, attempt, incomplete attempt, complete attempt

For citation: Sviridov Yu. V. Interpretation and law enforcement issues of voluntary renunciation of a crime. *Surgut State University Journal*. 2025;13(1):117–126. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2025-1-13>.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы, затрагивающие непосредственно трактовку и применение на практике добровольного отказа от преступления, продолжают привлекать внимание научного сообщества и правоприменителей при использовании в правоприменительной деятельности в области уголовно-правовых отношений.

На протяжении десятилетий научными работниками проводятся исследования института добровольного отказа, написано много научной литературы, кроме того, данной теме посвящено большое количество научных публикаций в виде научно-исследовательских и научно-теоретических статей, которые фактически отличаются между собой в их направленности и методах исследования. В то же время использование настоящего института права на практике выявляет много неразрешенных вопросов. Споры среди научного сообщества о его сущности и правилах применения не утихают.

Больше всего вопросов и многочисленных споров среди теоретиков и практиков вызывают проблемы толкования тех признаков в предмете добровольного отказа, по которым можно раскрыть его содержание, а также установление допустимости признания его на

стадии покушения (как оконченного, так и неоконченного) как в делах с материальным, так и формальным составом преступления.

Чтобы решить эти проблемы, нужен системный подход, позволяющий исследовать свойства, структуру и функции добровольного отказа в целом. При этом добровольный отказ необходимо рассматривать не как совокупность его частей, а как систему, целостное образование.

Разные мнения исследователей, таких как А. В. Губанов [1], Р. М. Жиров [2], А. И. Камышев [3], А. М. Терновцева [4], А. Ю. Решетников [5], Г. В. Поносов [6], А. А. Токарева [7] и др., о том, что из себя представляет предмет добровольного отказа от преступления, каковы субъективные и объективные стороны, не позволяют выработать одну юридическую позицию, способствующую единообразному практическому применению закона, и отрицательно сказываются на защите прав и свобод человека.

Установление всех обстоятельств уголовного дела, в ходе которого анализируется вся совокупность действий субъекта, направленных на добровольный отказ, очень важно для установления факта, будет ли человек нести уголовную ответственность (если его

действия считаются покушением на преступление), или нет (если он добровольно отказался от преступления).

Поэтому научные работы в области добровольного отказа, ориентированные на исследование понятия и признаков, оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания при добровольном отказе, остаются актуальными, важными и нужными, отвечающими актуальным потребностям и задачам преобразований в стране на современном этапе.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для изучения данной проблематики был задействован комплекс методологических инструментов, включающий анализ, синтез, индукцию, дедукцию, сравнительно-правовой, диалектический, логический и системный подходы. В ходе исследования был осуществлен анализ нормативно-правовой базы, а также обзор научных трудов и публикаций, охватывающих временной интервал с 2016 по 2023 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Согласно ч. 1 ст. 31 Уголовного кодекса РФ [8] «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца».

В юридической среде нет единого мнения о том, какое количественное значение признаков содержит добровольный отказ, по которым можно раскрыть его сущность. Одни юристы (А. В. Губанов [1]) считают, что таких признаков три: добровольность, окончательность и осознание возможности завершить преступление. Другие (Р. М. Жиров [2]) утверждают, что признаков гораздо больше, чем три. Кроме того, некоторые исследователи (А. И. Камышев [3]) в своих работах идут дальше и делят признаки еще на две категории: субъективные и объективные.

В рамках своего исследования А. В. Губанов [1] выделяет три ключевых характеристики

добровольного отказа: «лицо добровольно отказывается от совершения преступного деяния без какого-либо внешнего воздействия со стороны других лиц; добровольный отказ должен быть окончательным и бесповоротным; виновный осознает возможность доведения преступления до конца, но отказывается от этого по своей воле».

Р. М. Жиров [2] в своей работе делает вывод, что «добровольный отказ от преступления характеризуется рядом ключевых признаков: объективное прекращение реализации преступного умысла, осознанное и добровольное решение о прекращении преступной активности, необратимость отказа от преступного деяния, а также своевременность принятия указанного решения».

В своем научном труде А. И. Камышев [3] выдвигает предположение о том, что добровольный отказ от преступления обладает следующими характерными чертами: реальное прекращение преступной деятельности; осознание возможности остановить преступление; осознанный выбор не совершать преступление; окончательность принятого решения; своевременность отказа от продолжения преступного пути.

В рамках научного дискурса существуют различные подходы к определению условий и стадий, на которых возможно применение института добровольного отказа.

Так, А. М. Терновцева [4] считает, что добровольный отказ от преступления возможен только на двух этапах: когда человек только готовится к преступлению или когда человек уже начал, но еще не закончил свои действия.

А. Ю. Решетников [5] утверждает, что, в соответствии с законодательством, если субъект не довел свое деяние до логического завершения, то оно, по сути, не считается совершенным. Следовательно, если индивид самостоятельно отказывается от преступления, которое не было завершено, то это не может квалифицироваться как преступление.

Г. В. Поносов [6] уверен, что добровольный отказ возможен на любой стадии: от подготовки к нему до момента покушения, при

условии, что при подготовке к покушению не выполнены все действия, которые лицо фактически хотело выполнить, т. е. если покушение было неоконченным.

А. А. Токарева [7] высказывает свою точку зрения, что если действия гражданина являются противоправными, то он должен понести ответственность за покушение в соответствии с законом. Однако, если при этом пытались предотвратить преступление, это может быть учтено как смягчающее обстоятельство. По ее мнению, это будет справедливо и соответствовать целям уголовного законодательства. Поэтому, если покушение завершено, добровольный отказ не должен применяться.

На первый взгляд, вопрос исчерпан. Однако в рамках науки уголовного права существует альтернативная точка зрения, которая также заслуживает внимания и имеет право на существование.

По мнению С. Н. Безуглого [9], добровольный отказ представляет собой прекращение преступной деятельности на любой из стадий: от приготовления к преступлению до оконченного преступления. При неполной попытке добровольное прекращение возможно лишь тогда, когда были сделаны все возможные усилия для предотвращения противоправного последствия, и это последствие было успешно остановлено.

Р. М. Акутаев и С. А. Марданова [10] считают, что право самостоятельно остановить преступную деятельность при завершённом замысле связано со способностью индивида регулировать будущее течение событий и предотвращать возникновение социально вредных последствий своих поступков или бездеятельности.

В своей работе О. В. Гончарова [11] приходит к выводу, что регрессия от преступного деяния возможна исключительно на начальных стадиях его реализации, а именно: в фазе планирования или в ходе попытки совершения преступления. На стадии планирования отказ от противоправной активности может проявляться как в активных, так и в пассивных действиях, направленных на

прекращение преступного замысла. Если лицо не завершило всех действий, необходимых для совершения преступления, оно может отказаться от него на стадии неоконченного покушения. В ситуации, когда преступление уже началось, но не было доведено до конца, лицо может остановиться на стадии оконченного покушения. Это возможно лишь при условии, что лицо способно контролировать дальнейшее развитие событий. Вероятность такого отказа невелика, поскольку завершение преступления зависит от волеизъявления лица.

Рассмотрим два знаковых решения Верховного суда РФ, которые иллюстрируют тонкости применения этой нормы.

Дело № 44-АПУ17-9СП [12] (решение от 15 июня 2017 г.) касается фигуранта К., участвовавшего в подготовке нападения, предоставив свой автомобиль. Несмотря на последующий отказ от участия в преступлении, суд справедливо отказал К. в применении института добровольного отказа. Ключевым моментом стало отсутствие со стороны К. активных действий по предотвращению преступления. Простое прекращение участия недостаточно. Закон требует от лица, желающего избежать ответственности, самостоятельных и своевременных мер: сообщение властям о готовящемся преступлении или принятие всех возможных мер к его пресечению. К. не сделал ни того, ни другого. Это решение подчеркивает, что пассивное бездействие, даже после отказа от преступного намерения, не освобождает от ответственности. Суд четко указал на необходимость активного противодействия преступлению со стороны лица, желающего воспользоваться институтом добровольного отказа.

Дело № 201-АПУ18-27 [13] (апелляционное определение от 24 июля 2018 г.). М., Х. и Л., будучи членами террористического сообщества, предприняли действия по подготовке теракта, изготовив самодельное взрывное устройство. Однако преступление не было совершено из-за случайного обстоятельства: взрывчатку обнаружили и обезвредили пассажиры и сотрудники ФСБ. Этот случай

демонстрирует, что не совершение преступления по не зависящим от виновных обстоятельствам не равносильно добровольному отказу. Хотя преступление не произошло, действия М., Х. и Л. уже содержали в себе состав преступления – подготовка к теракту. Суд подчеркнул, что добровольный отказ предполагает активное вмешательство со стороны субъекта в процесс, направленное на предотвращение совершения преступления. В данном случае обезвреживание бомбы – это событие, произошедшее вне воли обвиняемых, и оно никак не указывает на их добровольный отказ от совершения теракта.

Кроме того, в рамках настоящего исследования были проанализированы и кассационные определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 21 декабря 2021 г. по делу № 78-УД21-27-А2 [14] указывает на то, что суд правильно не усмотрел добровольного отказа от доведения преступления со стороны Г., поскольку ее отказ был вынужденным, обусловленным оперативными действиями сотрудницы магазина и возникшей опасностью захвата участников нападения сотрудниками правоохранительных органов. Тот факт, что сотрудники полиции или охранного подразделения не прибыли на место происшествия и первоначально не было предпринято никаких мер реагирования, не может считаться добровольным отказом, так как в момент принятия решения об оставлении помещения участникам группы не было известно о возможном прибытии сотрудников полиции.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 23 мая 2023 г. по делу № 33-УД23-10-А2 [15] рассматривает случай, когда Б. совершил преступление, связанное с изготовлением наркотических веществ. До обнаружения факта совершения преступления сотрудниками полиции никому не сообщал о преступлении. В объяснениях и первоначальных показаниях не утверждал об изготовлении в доме наркотических средств.

Поводом к возбуждению уголовного дела послужил осмотр места происшествия, а не заявление в полицию Б. При таких обстоятельствах невозможно говорить о прекращении преступной деятельности со стороны Б. Поведение Б. с момента начала участия в изготовлении наркотиков до его задержания показывает, что у него не было устойчивого намерения прекратить преступные действия и сообщить о них в правоохранительные органы. Это исключает наличие добровольного отказа от завершения преступления.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ, датированное 23 ноября 2021 г. по делу № 20-УД21-15-А3 [16], указывает на правильность вывода нижестоящего суда о том, что в рассматриваемой ситуации у обвиняемых отсутствовала возможность довести преступное деяние до конца. Преступление было прекращено не по их воле, а в результате не зависящих от них обстоятельств, таких как запертая дверь, которую они не смогли открыть для проникновения в жилище с целью нападения на его обитателей.

Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ, датированное 28 ноября 2019 г. по делу № 3-АПУ19-12 [17], отклоняет доводы защиты о добровольном отказе от преступления со стороны одного из обвиняемых. Суд мотивировал это тем, что добровольный отказ возможен только на стадиях приготовления к преступлению, в то время как действия обвиняемого уже представляют собой оконченное преступление при сбыте наркотиков. Данное обстоятельство послужило основанием для применения судом ст. 64 Уголовного кодекса РФ.

Судебная практика показывает, что институт добровольного отказа имеет ограниченные рамки применения, что связано с обязательными признаками, отсутствие которых исключает возможность применения института добровольного отказа. Он требует не просто перемены намерения, а активных, самостоятельных и своевременных действий, направленных на полное предотвращение

преступления. Простое прекращение участия в преступной деятельности без активных действий по ее предотвращению не освобождает от уголовной ответственности.

В рамках рассмотрения жалобы гражданина Чогина Ф. П. на нарушение его конституционных прав ст. 31 Уголовного кодекса РФ Конституционный суд РФ вынес определение от 24.11.2016 № 2421-О [18].

В данном определении констатируется, что «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, при условии осознания возможности доведения преступления до конца (часть первая). Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца (часть вторая). Однако если лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, фактически совершило деяние, содержащее иной состав преступления, оно подлежит уголовной ответственности (часть третья).

Эти положения закона находятся в тесной взаимосвязи со статьей 8 Уголовного кодекса РФ, которая определяет, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом. Ст. 30 Уголовного кодекса РФ уточняет, что приготовлением к преступлению признаются действия по приисканию, изготовлению или приспособлению средств или орудий совершения преступления, а также действия по приисканию соучастников преступления и сговору на его совершение, если преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам (часть первая). Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам (часть третья).

Следовательно, оспариваемая норма не может быть применена как к деяниям, уже содержащим все признаки состава преступления после их совершения, так и к деяниям, пресеченным на стадиях приготовления к преступлению и покушения на него по обстоятельствам, не зависящим от воли лица».

Та же позиция содержится в определениях Конституционного суда РФ от 17.07.2018 № 1988-О [19] и от 28.11.2019 № 3233-О [20].

Решения, выносимые Конституционным судом РФ, свидетельствуют о стабильной и неизменной позиции суда в вопросах интерпретации института добровольного отказа.

В итоге, рассмотрев позиции Верховного суда РФ и Конституционного суда РФ, можно заключить, что их подходы к вопросу добровольного отказа от преступления совпадают. Этот институт может быть применен только при строгом соблюдении условий добровольности, окончательности и своевременности, а также на этапах приготовления и покушения. При этом высшие судебные инстанции не предоставляют четких указаний относительно того, при каком виде покушения (неоконченном или оконченном) возможно применение добровольного отказа.

На наш взгляд, Верховный суд РФ пока не уделяет достаточного внимания институту добровольного отказа от преступления. Это проявляется как в отсутствии разъяснений относительно правил применения данного института, так и в недостатке развернутых комментариев относительно его использования в контексте различных уголовно наказуемых деяний.

Фактически только в п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» [21] дается разъяснение особенностей применения института добровольного отказа, однако, по нашему мнению, в объеме, недостаточном для решения имеющихся проблем применения данного института.

В п. 7 постановления Пленума Верховного суда РФ от 04.12.2014 № 16 разъяснено

то обстоятельство, что если человек осознает возможность довести преступление до конца, но добровольно решает не завершать его, например отказаться от изнасилования или насильственных действий сексуального характера, тогда имеет место быть добровольный отказ. Важно обратить внимание на то, что этот отказ должен быть окончательным и самостоятельным, а не вызванным внешними обстоятельствами, не зависящими от волеизъявления стороны.

Если человек добровольно прекратил свои действия, он все же может быть привлечен к ответственности за уже совершенные действия, если они содержат признаки другого преступления. Например, если человек начал подготовку к изнасилованию, но затем передумал и прекратил свои действия, его все равно могут привлечь к ответственности за приготовление к преступлению.

Немаловажный вывод в вышеуказанном постановлении Пленума отражен в п. 7, в котором отмечается, что даже если лицо добровольно прекращает совершение преступления, это не освобождает его от уголовной ответственности за ранее совершенные деяния, которые образуют самостоятельный состав преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сказать, что вопрос правильной квалификации добровольного отказа от преступления – это непростая задача, которая требует глубокого анализа как в теории, так и на практике. Нужно переосмыслить этот институт на законодательном уровне и разработать более четкие правила его применения в реальной жизни.

Институт добровольного отказа, несмотря на кажущуюся простоту, является чрезвычайно сложным и неоднозначным институтом уголовного права. Его эффективное применение требует тщательного анализа всех обстоятельств дела, учета индивидуальных особенностей субъекта и применения междисциплинарного подхода, включающего в себя знания из области права, криминологии и психологии.

Постоянная работа над совершенствованием правового регулирования и правоприменительной практики в этой области – это залог повышения эффективности борьбы с преступностью и обеспечения справедливости.

Для разрешения существующих противоречий предлагается предпринять следующие меры.

Обеспечить правильное и единообразное применение нормы Уголовного кодекса РФ о добровольном отказе от преступления, прежде всего путем дачи разъяснения Верховным судом РФ. Как правило, эти разъяснения совершенно необходимы для судов различных инстанций и помогают дознавателям и следователям должным образом анализировать наличие добровольного отказа в действиях фигурантов уголовного дела. Они основаны на сложившейся правоприменительной практике и помогают одинаково понимать и применять законы по всей России, что, в свою очередь, влечет исключение юридически значимых ошибок в судебных решениях.

Полагаем, что самым разумным в сложившейся ситуации будет разработать постановление Пленума Верховного суда РФ. В данном документе будут детально описаны основания принятия решения по оценке добровольного отказа на соответствие предъявленным требованиям на примерах конкретных спорных обстоятельств. Это позволит создать своего рода форму судебного прецедента, который фактически будет служить ориентиром для вынесения мотивированных, законных и обоснованных приговоров и постановлений, основанных на фактических обстоятельствах уголовного дела.

Считаем, что подробное изложение условий добровольного отказа в форме постановления Пленума Верховного суда РФ (по аналогии с постановлением Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [22]) будет способствовать более точному и единообразному применению данной нормы в правоприменительной практике.

Список источников

References

1. Губанов А. В. Проблемы теории и практики добровольного отказа от совершения преступления в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2023. № 2–1. С. 60–62.
2. Жиров Р. М. Добровольный отказ от преступления: проблемы законодательного совершенствования // Закон и право. 2022. № 5. С. 148–153. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-5-148-153>.
3. Камышев А. И. Понятие и признаки добровольного отказа от преступления // Аграрное и земельное право. 2020. № 8. С. 117–119.
4. Терновцова А. М. Добровольный отказ от преступления: понятие, основания и отличие от деятельного раскаяния // Экономика и социум. 2016. № 6–3. С. 610–612.
5. Решетников А. Ю. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8. С. 122–132. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.122-132>.
6. Поносов Г. В. К вопросу о применении правил добровольного отказа от преступления на стадии покушения на преступление // Вопросы студенческой науки. 2023. № 6. С. 116–119.
7. Токарева А. А. Невозможность добровольного отказа от совершения преступления на стадии оконченного покушения // Криминалист. 2023. № 3. С. 72–78.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Безуглый С. Н. Условия добровольного отказа от преступления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3. С. 131–135.
10. Акутаев Р. М., Марданова С. А. К вопросу о добровольном отказе от совершения преступления // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 41, № 1. С. 121–125. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2022-41-1-121-125>.
11. Гончарова О. В. О субъективных признаках добровольного отказа от совершения преступления // Глагол правосудия. 2018. № 2. С. 106–108.
12. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.06.2017 № 44-АПУ17-9СП. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovno-go-suda-rf-ot-15062017-n-44-apu17-9sp/> (дата обращения: 10.11.2024).
13. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 24.07.2018 № 201-АПУ18-27. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovno-go-suda-rf-ot-24072018-n-201-apu18-27/> (дата обращения: 10.11.2024).
1. Gubanov A. V. Problemy teorii i praktiki dobrovol'nogo otказа ot soversheniya prestupleniya v Rossiiskoy Federatsii. *Vestnik magistratury*. 2023;(2–1):60–62. (In Russ.).
2. Zhirov R. M. Voluntary renunciation of crime: Problems of legislative improvement. *Law and Legislation*. 2022;(5):148–153. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-5-148-153>. (In Russ.).
3. Kamyshhev A. I. Concept and signs of voluntary renunciation of crime. *Agrarian and Land Law*. 2020;(8):117–119. (In Russ.).
4. Ternovtsova A. M. Dobrovolny otkaz ot prestupleniya: ponyatie, osnovaniya i otlichie ot deyatelnogo raskaianiya. *Economics and Society*. 2016;(6–3):610–612. (In Russ.).
5. Reshetnikov A. Yu. Voluntary abandonment from crime: Problems of theory and practice. *Actual problems of Russian law*. 2017;(8):122–132. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2017.81.8.122-132>. (In Russ.).
6. Ponosov G. V. To the question of the application of the rules of voluntary renunciation of a crime at the stage of attempted crime. *SCIIF. Questions of Students Science. Collection of Articles*. 2023;(6):116–119. (In Russ.).
7. Tokareva A. A. Impossibility of voluntary refusal to commit a crime at the stage of a completed attempt. *The Criminalist*. 2023;(3):72–78. (In Russ.).
8. The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russ.).
9. Bezuglyi S. N. Conditions voluntary refusal of crime. *Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2016;(3):131–135. (In Russ.).
10. Akutaev R. M., Mardanova S. A. On the issue of voluntary refusal to commit a crime. *Law Herald of Dagestan State University*. 2022;41(1):121–125. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2022-41-1-121-125>. (In Russ.).
11. Goncharova O. V. On the subjective characteristics of voluntary refusal from committing a crime. *Glagol pravosudiya*. 2018;(2):106–108. (In Russ.).
12. Appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2017, No. 44-APU17-9SP. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15062017-n-44-apu17-9sp/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
13. Appellate ruling of the Judicial Board for Military Officers of the Supreme Court of the Russian Federation of July 24, 2018, No. 201-APU18-27. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24072018-n-201-apu18-27/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
14. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2021, No. 78-UD21-27-A2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verk->

14. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.12.2021 № 78-УД21-27-А2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21122021-n-78-ud21-27-a2/> (дата обращения: 10.11.2024).
15. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.05.2023 № 33-УД23-10-А2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23052023-n-33-ud23-10-a2/> (дата обращения: 10.11.2024).
16. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.11.2021 № 20-УД21-15-А3. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23112021-n-20-ud21-15-a3/> (дата обращения: 10.11.2024).
17. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.11.2019 № 3-АПУ19-12. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3-apu19-12/> (дата обращения: 10.11.2024).
18. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 31 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2421-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24112016-n-2421-o/> (дата обращения: 10.11.2024).
19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клименко Станислава Павловича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 31 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1988-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1988-o/> (дата обращения: 10.11.2024).
20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 31, пунктом 1 примечаний к статье 228 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3233-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3233-o/> (дата обращения: 10.11.2024).
21. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16. Доступ из СПС «Гарант».
22. [hovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21122021-n-78-ud21-27-a2/](https://legalacts.ru/sud/hovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21122021-n-78-ud21-27-a2/) (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
15. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 23, 2023, No. 33-UD23-10-A2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23052023-n-33-ud23-10-a2/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
16. Cassation ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 23, 2021, No. 20-UD21-15-A3. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23112021-n-20-ud21-15-a3/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
17. Appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 28, 2019, No. 3-APU19-12. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3-apu19-12/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
18. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Chogin Fidel Pavlovich on violation of his constitutional rights by Article 31 of the Criminal Code of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 24, 2016, No. 2421-O. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-24112016-n-2421-o/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
19. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Klimenko Stanislav Pavlovich on violation of his constitutional rights by Article 31, paragraphs 1 and 2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2018, No. 1988-O. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17072018-n-1988-o/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
20. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alekseev Aleksandr Alekseevich on violation of his constitutional rights under Article 31, paragraphs 1 and 3, of the notes to Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 28, 2019, No. 3233-O. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28112019-n-3233-o/> (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).
21. On judicial practice in cases of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the person. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 4, 2014, No. 16. Accessed through Law assistance system "Garant". (In Russ.).
22. On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from

22. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из СПС «Гарант».

criminal liability. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of June 27, 2013, No. 19 (with amendments of November 29, 2016). Accessed through Law assistance system "Garant". (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. В. Свиридов – адвокат;
adv.sviridov@gmail.com

About the author

Yu. V. Sviridov – Lawyer;
adv.sviridov@gmail.com